

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ

ISSN 1726-1139

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2014. № 2 (62)

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека)

Сведения, касающиеся изданий и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям **“Ulrich’s Periodicals Directory”**

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург,
В. О., 8-я линия, д. 61
Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10
Факс: (812) 335-42-16
E-mail: antonova-ev@szipa.ru, uk@szags.ru

Точка зрения редакции может не совпадать
с мнением авторов статей

При перепечатке ссылка на журнал
«Управленческое консультирование» обязательна

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014
- © Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2014
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2014
- © Все права защищены

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Шамахов В. А.** — директор Северо-Западного института управления филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1-го класса (Санкт-Петербург) — председатель совета, главный редактор;
- Гуторов В. А.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Елисеева И. И.** — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Сморгунов Л. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Субетто А. И.** — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)
- Комаровский В. С.** — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных Академий государственной службы (Москва)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

- Квинт В. Л.** — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;
- Крастиньш А. В.** — почетный доктор Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);
- Хань Лихуа** — профессор, директор Института Конфуция при Российском гуманитарном университете (Москва), профессор Института международной экономики Университета международного бизнеса и экономики (Пекин, Китай);
- Апостолов Марио** — региональный советник отдела торговли и устойчивого земледелия ЕЭК ООН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

- Косов Ю. В.** — доктор философских наук, профессор (Санкт-Петербург), заместитель главного редактора;
- Акопов С. В.** — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Васецкий А. А.** — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Кириллов А. Л.** — доктор технических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Китин Е. А.** — кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург);
- Клюев А. В.** — доктор философских наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Князев Е. Ю.** — начальник управления научной работы Северо-Западного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Курзнев В. А.** — доктор технических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);
- Лезеан Э.** — PhD, доктор философии по политическим наукам (Санкт-Петербург);
- Малькевич А. А.** — кандидат политических наук, доцент (Пятигорск);
- Мерешкин Д. Е.** — кандидат юридических наук (Москва);
- Софьина В. Н.** — доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Старовойтов А. А.** — доктор юридических наук, профессор (Санкт-Петербург);
- Стрельников В. В.** — доктор биологических наук, профессор (Краснодар);
- Ходачек В. М.** — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург)

ГОСУДАРСТВЕННАЯ И МУНИЦИПАЛЬНАЯ СЛУЖБА

- 7 ОГНЕВА В. В.**
Интегративные возможности международного сотрудничества стран СНГ в сфере подготовки кадров государственной службы
- 15 СТРЕКАЛОВА Н. Д., СЕМЕНОВ В. А., РОГОВА Г. И.**
Профессиональная среда как фактор профессионального развития государственных служащих налоговой службы

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 27 БОРИСОВ Н. А., ВОЛКОВ В. А.**
Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии
- 36 КУГАЙ А. И.**
Дискурс национализма в политическом процессе современной России (на материале избирательных кампаний выборов депутатов Государственной Думы РФ V и VI созывов)
- 44 БУЛАНАКОВА М. А.**
Внешняя политика ЕС в контексте дебатов о Европейской глобальной стратегии
- 55 ЛЕВИТАНУС Б. А., ОРЛОВА О. Ю.**
Проблемы правоприменительной практики в сфере жестокого обращения с животными

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 61 БАСАНГОВА К. М.**
Экономическая интеграция как фактор развития Арктической зоны Российской Федерации
- 72 КОРЕЗИН А. С., ПОСКОЧИНОВА О. Г.**
Функции внутреннего риск-консалтинга на предприятии
- 84 КУКЛИНА Е. А., ЧЖУ СЯОЦИН, СУНЬ ЮЙСЮ, СЕ ТЯНЬЧЭН**
Налоговая политика стимулирования инноваций как фактор экономического роста: китайский путь
- 94 БЕЛОВ В. И.**
Перспективы экономического развития регионов России: проблема выбора

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 100 ВУЛЬФОВИЧ Р. М.**
Проблемы совершенствования системы управления в ходе разработки и реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года
- 108 КИМ М. Н.**
Организационно-управленческие аспекты деятельности конвергентной редакции

СОДЕРЖАНИЕ

- 116 КИРИЛЕНКО В. П., АЛЕКСЕЕВ Г. В.**
Международно-правовые гарантии свободы самовыражения
- 124 ДЕСЯТНИЧЕНКО Д. Ю.**
Развитие налогооблагаемой базы Санкт-Петербурга как источник доходов бюджета города
- 131 СОСНОВСКАЯ А. М.**
Прикладной аспект семиотики медиатекстов
- 144 ЦИНЧЕНКО Г. М.**
Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в организации социально-профилактической работы с семьей
- 153 ПАК Е. М.**
Краудсорсинг как современная модель обмена и управления информацией в сетевых СМИ

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА

- 159 ТАИРОВА Н. М.**
Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики

A LINEA

- 170 ТУРГАЕВ С. А.**
Тенденции и проблемы инновационного развития организаций в Российской Федерации
- 178 ЖИГУНОВ В. П.**
Антикризисное и противочиклическое регулирование национальной экономики и его влияние на экономический рост
- 188 ИЛЬЯШЕНКО Я. Ю.**
Мифопоэтика сказок А. С. Байетт
- 195 МИГУНОВ С. В.**
Правовое обеспечение эффективности функционирования государственной гражданской службы Санкт-Петербурга

CIVIL AND MUNICIPAL SERVICE

- 7 OGNEVA V. V.**
Integrative Opportunities of the International Cooperation of CIS Countries in the Sphere of Civil Servants Training
- 15 STREKALOVA N. D., SEMENOV V. A., ROGOVA G. I.**
Professional Environment as a Factor of Professional Development of Tax Service Civil Servants

POLICY AND LAWFUL STATE

- 27 BORISOV N. A., VOLKOV V. A.**
Concept of the Ecological State in a Context of Political Ecology Formation
- 36 KUGAY A. I.**
Nationalism Discourse in Political Process of Modern Russia (on a Material of Election Campaigns in the State Duma of the Russian Federation of V and VI Convocations)
- 44 BULANAKOVA M. A.**
Foreign Policy of EU in a Context of Debate about the European Global Strategy
- 55 LEVITANUS B. A., ORLOVA O. YU.**
The Problems of Law Enforcement in the Sphere of Cruel Treatment with Animals

POWER AND ECONOMY

- 61 BASANGOVA K. M.**
Economic Integration as Factor of Development of the Arctic Zone of the Russian Federation
- 72 KOREZIN A. S., POSKOCHINOVA O. G.**
The Key Function of Internal Enterprise Risk Consulting
- 84 KUKLINA E. A., ZHU XIAOGING, SUN YUXIU, XIE TIANCHENG**
The Fiscal Policy for Stimulating Innovations as a Factor of Economic Growth: the Chinese Way
- 94 BELOV V. I.**
Prospects of Economic Development of Regions of Russia: Problem of Choice

SOCIETY AND REFORMS

- 100 VULFOVICH R. M.**
The "Strategy of Social-Economic Development of St. Petersburg until 2030": City-Government Improvement Problems During the Preparation and Implementation Process

- 108 KIM M. N.**
Organizational and Administrative Activities of a Convergent Editorial Office
- 116 KIRILENKO V. P., ALEKSEEV G. V.**
International Safeguards of Freedom of Expression
- 124 DESYATNICHENKO D. Yu.**
Development of Taxable Base of Saint-Petersburg as Source of the Income of City Budget
- 131 SOSNOVSKAYA A. M.**
Practical Aspect of Semiotics of Media Texts
- 144 TSYNCHENKO G. M.**
Cooperation of State and Institutes of Civic Community in the Organization of Social-Preventive Work with the Family
- 153 E. M. PAK**
Crowdsourcing as a Modern Model of Exchange and Management of Information in the Online Media

HISTORY AND CULTURE

- 159 TAIROVA N. M.**
Corruption as Social Phenomenon: Historical, Philosophical and Politological Aspects of World Thought and Practice

A LINEA

- 170 TURGAEV S. A.**
Trends and Problems of Innovative Development of the Organizations in the Russian Federation
- 178 ZHIGUNOV V. P.**
Anti-crisis and Anti cyclic Regulation of National Economy and its Influence on Economic Growth
- 188 ILYASHENKO YA. YU.**
Mythopoetic of A. S. Byatt's Fairy Tales
- 195 MIGUNOV S. V.**
Legal Providing of Efficiency of Functioning of the State Civil Service of Saint-Petersburg

Интегративные возможности международного сотрудничества стран СНГ в сфере подготовки кадров государственной службы

Огнева Валентина Васильевна

Орловский филиал РАНХиГС (г. Орел)
 Профессор кафедры политологии, государственного и муниципального управления
 Доктор политических наук, профессор
 ognevav@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье раскрываются особенности профессиональной подготовки государственных служащих Великобритании, Германии, Франции, США и перспективы международных образовательных обменов со странами СНГ с использованием интеграционных механизмов Болонского процесса.

Отмечается, что обновление системы государственного администрирования в современной России требует обращения к зарубежному опыту для наращивания качественных параметров обучения кадров государственного аппарата.

Практика реализации международных программ подготовки магистров в рамках Болонского процесса по направлению «Менеджмент» для государственного и муниципального управления рассматривается на примере Уральского филиала РАНХиГС и Университета London Metropolitan (Великобритания). Структура данной международной программы интегрирует российский и британский стандарты высшего образования в области подготовки магистров по государственному и муниципальному управлению. В Казахстане реализуется совместная международная программа «Магистр наук + MBA» по специальности «Экономика» совместно с Европейским университетом (EU).

Делается вывод, что интегративным взаимодействиям способствуют общая целевая направленность административной реформы, трансформация систем образования в рамках Болонского процесса, показавшая на практике эффективность европейских программ подготовки госслужащих, расширение международных связей учебных заведений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственная служба, профессиональная подготовка кадров, международное сотрудничество, интеграционные связи

Ogneva V. V.

Integrative Opportunities of the International Cooperation of CIS Countries in the Sphere of Civil Servants Training

Ogneva Valentina Vasilyevna

Orlovsky branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Orel, Russian Federation)
 Professor of the Chair of Political science, public and municipal administration
 Doctor of Science (Political sciences), Professor
 ognevav@yandex.ru

ABSTRACT

In article features of vocational training of civil servants of Great Britain, Germany, France, the USA and prospect of the international educational exchanges with CIS countries with use of integration mechanisms of Bologna Process are revealed.

It is noted that updating of system of the state administration in modern Russia demands the appeal to foreign experience for accumulation of qualitative parameters of personnel training of government.

Practice of implementation of the international programs of training of masters of management within Bologna Process for the public and municipal administration is considered on the example of the Ural branch of a RANEPА and London Metropolitan University (Great Britain). The structure of this international program integrates the Russian and British standards of the higher education of masters on the public and municipal administration. In Kazakhstan the joint international program "MASTER of SCIENCES + MBA" in "Economy" together with the European university (EU) is realized.

The conclusion, that integrative interactions are promoted by the general target orientation of administrative reform, transformation of education systems within the Bologna Process, the efficiency which has shown in practice of the European programs of training of civil servants, expansion of international relations of educational institutions, is drawn.

KEYWORDS

public service, vocational training, international cooperation, integration communications

Модернизация государственного управления и института госслужбы в странах СНГ актуализирует задачу подготовки новой генерации управленческих кадров, отвечающих достаточно высоким требованиям, вытекающим из положений административной реформы, что делает целесообразным обращение к зарубежному опыту подготовки кадров государственных служащих. Это возможно, поскольку качественные параметры госуправления в наших условиях в основном совпадают с теми, что имеются в западных странах, они связаны с реализацией идей государственного менеджмента, управлением «по результатам», формированием рациональной бюрократии, повышением экономической эффективности государственного управления, расширением информационной открытости власти перед обществом и гражданами. При этом речь не идет о трансфере чужого опыта, стоит более прагматичная задача — выход на уровень международного сотрудничества в целях согласованности представляющих взаимный интерес образовательных проектов с использованием интеграционных механизмов, заданных Болонскими договоренностями [4; 6].

Исследование возможностей интеграционного взаимодействия в контексте рассматриваемой нами проблемы представляется возможным в русле трех известных теоретических концепций — функционализма, неофункционализма и транснационализма [3; 8; 9]. Представители «функционализма» (Д. Митрони) предлагают не просто расширять межгосударственное сотрудничество в отдельных сферах, но создавать «горизонтальные» структуры, назначением которых является координация межгосударственного сотрудничества в соответствующих сферах. Однако это вызывает высокую степень взаимозависимости и требует заметной доли нормативности.

«Неофункционалисты» (Э. Хаас, Д. Лидберг) подчеркивают важность структурных условий успеха интеграции (в частности, таких, как плюрализм, консенсус относительно фундаментальных ценностей и др.). Они также отмечают, что логика функциональной интеграции носит не механический, а вероятностный характер, поскольку сам этот процесс зависит от множества условий и факторов. В транснациональной, «плюралистической» концепции К. Дойча процесс интеграции рассматривается в контексте коммуникационных сетей, где субъекты обмениваются информацией, которая способствует накоплению опыта и дальнейшему расширению сотрудничества. Реализация данной модели интеграции не требует жестких условий. Просто основные социокультурные ценности интегрирующихся единиц не должны противоречить друг другу. Общепринятые подходы к решению тех или иных задач касаются лишь ограниченной сферы взаимных интересов. Успеху интеграции способствует поддержка объединительной идеи интеллектуальным сообществом, что основано на постоянном развитии коммуникационных сетей всестороннего взаимодействия.

Становление новой роли государства как сервисного, включение его в глобальные интеграционные процессы обуславливает новые подходы к подготовке кадров с учетом формирующихся международных стандартов «передового» управления. Чтобы понимать, в каком направлении следует развивать интеграционные связи, следует исходить из того, что в современном мире сложились закрытая и открытая модели государственной гражданской службы, во многом определяющие специфику профессиональной подготовки госслужащих.

«Закрытая» модель государственной гражданской службы сформирована в большинстве стран континентальной Европы. Она характеризуется наличием таких основных признаков, как номенклатурная система подбора кадров; подробная нормативная регламентация компетенции каждого уровня государственной службы; высокий уровень централизации, характеризующейся жестким контролем за деятельностью госслужащих; конкурсная система отбора кадров; элитарность государственной службы за счет образовательной монополии определенных учебных заведений на подготовку госслужащих [5].

«Открытой» модели государственной гражданской службы присущи конкурсность системы набора кадров; регулирование служебных отношений не законами, а нормативными правовыми актами правительства; зависимость оплаты труда и должностного роста не столько от стажа, сколько от результатов работы [Там же].

С учетом специфики названных моделей можно говорить об основных подходах к подготовке специалистов для государственной службы. При этом надо исходить из понимания того, кто относится к категории госслужащих. В Великобритании, например, государственные служащие делятся на публичных и гражданских. К первым относятся служащие публичного сектора, в том числе различных корпораций, местных органов власти, здравоохранения, школьного образования. Вторые представляют собой госслужащих министерств и ведомств. Программы подготовки кадров для этих структур ориентированы на реализацию концепции государственного управления, основной целью которого является повышение качества услуг. Соответственно это требует развития у госслужащих навыков управления изменениями.

С учетом данного подхода базовая квалификационная модель обучения EDA Government (бакалавриат) реализуется онлайн-центром распространения обучения. Девятнадцать университетов страны располагают магистерскими программами подготовки госслужащих (МРА). Обязательным условием поступления на эти университетские программы является или опыт работы в госструктурах либо наличие образования по политологии, праву, социологии. Ведущим учебным заведением подготовки государственных служащих признан Колледж государственной службы.

В Великобритании функционирует система курсов, обеспечивающих подготовку кадрового резерва, профессиональное обучение руководящего состава государственной службы. При этом программы профессионального роста госслужащих формируются с учетом специфики функций и должностей чиновников. Повышение квалификации гражданские служащие проходят в специализированном колледже, который работает под руководством Министерства по делам гражданской службы и строит свою работу исходя из задач специализации кадров.

В настоящий период в Великобритании, по некоторым данным, около 25% государственных чиновников являются специалистами в различных областях права, экономики, научной сферы. Востребованность в таких кадрах постоянно растет: они составляют около 60% руководителей госаппарата. Но в целом же в государственном аппарате преобладают дженералисты, т. е. профессиональные управленцы, их насчитывается около 75%.

Опыт Великобритании позволяет акцентировать внимание на том, что содержание учебных программ должно коррелировать с целями текущей политики; целесообразно создание системы показателей постоянной оценки компетентности госслужащих

на основе четко разработанных критериев и обязательности постоянного повышения уровня профессионализма; важно создавать и развивать широкую сеть специализированных курсов и семинаров, соответствующих запросам динамично развивающейся государственной политики.

В Германии, где к государственным служащим относятся не только чиновники государственного аппарата, но и учителя, преподаватели вузов, банковские работники, другие категории граждан, для них требуется наличие определенного уровня профессионального образования и предварительной подготовки, вид и длительность которой дифференцируется в зависимости от уровня служебного положения [1]. Например, для прохождения службы нижнего ранга (вспомогательно-технический персонал) требуются успешное завершение школы и подготовительная практика для занятия должности. Работа на службе среднего уровня (секретари, референты и др.) предполагает окончание реального училища, годичный стаж работы и сдачу экзамена для занятия соответствующей должности. Служба повышенного уровня, в частности инспекторы, требует наличия высшего образования, трехлетней подготовительной практики и экзаменационного испытания. На должности высшего ранга могут претендовать лица, прошедшие университетскую подготовку при условии двухлетней подготовительной практики и сдачи государственного экзамена.

Обязательным условием продвижения на государственной службе в Германии выступает непрерывное образование. Поэтому широкий спектр обучающих программ сопровождает чиновника в течение всей его карьеры. Германия на протяжении длительного времени являлась «законодательницей мод» в области развития государственного управления как академической дисциплины с акцентом на юридическую составляющую. Однако в настоящее время в немецких университетах утверждается традиция подготовки специалистов на базе междисциплинарного подхода, сбалансированного варианта учебных программ, где немаловажное значение придается изучению экономических дисциплин.

В Германии функционирует ряд высших учебных заведений, готовящих кадры для федеральных, земельных и общинных органов власти [7]. Это Федеральная высшая школа государственного и муниципального управления и входящие в нее земельные высшие школы, а также Федеральная академия государственного управления Министерства внутренних дел РФ. В Федеральной высшей школе функционируют факультеты общей администрации, внешних сношений, администрации бундесвера, железнодорожного дела, общественной безопасности, социального страхования. Срок обучения в Федеральной высшей школе составляет 3 года, из них 1,5 года занимает учеба в аудиториях и 1,5 года — практика на местах. Всего из более чем 300 германских вузов подготовкой управленческих кадров для государственной службы занимаются 26 учебных заведений [1].

Опыт Германии подтверждает целесообразность:

- обязательного обучения молодых сотрудников в целях их интеграции в систему государственной службы и того органа государственного управления, в котором они непосредственно работают;
- непрерывного образования для осуществления карьерного роста, подтверждения права на замещение более высокой должности посредством сдачи квалификационного экзамена;
- гибкости образовательных программ в системе подготовки и повышения квалификации государственных служащих.

Для Франции, также как Великобритании и Германии, характерна «закрытая» модель государственной службы, требующая профессионального персонала. Государственными служащими во Франции считаются лица, работающие в государственных учреждениях и предприятиях. Среди них особым статусом наделены чиновники, работающие в органах государственной власти.

В стране сложилась централизованная система профессиональной подготовки госслужащих. Здесь в университетах, юридических и политических институтах проходят подготовку потенциальные служащие для работы в органах государственного управления. Подготовка и повышение квалификации применительно к потребностям конкретных ведомств осуществляются специализированными институтами. К ним относятся Институт государственного управления, более известный как Национальная школа администраторов, или Национальная школа управления; Политехническая школа (институт) и инженерно-технические институты, находящиеся в ведении этой школы; региональные институты государственного управления (их пять); ведомственные административные институты. Вся эта система носит название профессиональной постоянной подготовки и состоит из профессиональной начальной подготовки госслужащих и повышения квалификации, которое организуется на протяжении всей служебной карьеры.

«Открытая» модель государственной службы присуща США [2; 7]. Здесь в категорию госслужащих включаются как должностные лица, обеспечивающие реализацию государственно-властных полномочий, так и те, кто работает по найму в государственных учреждениях (врачи, учителя и др.). Следует отметить, что в данной стране придается особое значение университетской подготовке потенциальных государственных служащих. Что же касается непосредственно обучения госслужащих, то подготовка руководителей среднего и высшего звена возложена на Вашингтонский институт управления, Институт государственной политики, Профессиональный институт государственной политики, Американскую ассоциацию управления. В центрах проведения семинаров для административных работников организована подготовка по конкретным областям знаний.

Кроме того, существует президентская программа интернатуры для поступления на государственную службу. В ее рамках выпускники высшей школы получают назначение на работу в федеральные исполнительные органы сроком на 2 года. В течение этого периода стажеры участвуют в целевых проблемных группах и проектах, приобретают опыт финансового планирования, управления персоналом, государственными закупками. После обязательной сдачи соответствующих экзаменов молодые специалисты поступают на госслужбу.

Практически во всех западных странах эффективность подготовки и повышения квалификации чиновников в большой степени обусловлена тесным взаимодействием учебных заведений (университетов, академий, школ, колледжей и пр.) с соответствующими государственными органами. Специальные учебные заведения подготовки кадров для госслужбы, обучению в которых предшествует строгий отбор, функционируют за счет государственных бюджетных средств.

Показательно то, что широкое распространение на Западе получила внутриведомственная подготовка государственных служащих. Профиль же основного образования госслужащих различается по странам. В Великобритании и Германии, например, преобладают госслужащие с юридическим образованием, во Франции — с экономическим, в США — с техническим и естественно-научным. Однако в последнее время признается важность получения специального (профессионального) образования в области государственного управления. Содержание обучения государственных служащих определяется исходя из перечня должностных обязанностей. С учетом этого разрабатываются кластеры основной деятельности, которые служат основой для разработки учебных программ, определения сроков обучения, разработки методик оценки обучаемых и т. д.

В настоящее время во всех странах используется компетентностный подход к профессиональному обучению госслужащих, суть которого состоит в выработке теоретической и прикладной базы знаний, формировании умений и навыков, соответствующих усвоению необходимых ролевых функций и их отражению в про-

фессиональной деятельности. Компетенции разнятся в зависимости от вида профессиональной деятельности госслужащего.

В Великобритании, к примеру, в каждом госдепартаменте компетенции распределяются под любую вакансию. Для высшего корпуса госслужащих требуются следующие компетенции (каждая из них расписана подетально): лидерство; управление людьми; финансовый менеджмент; управление проектами и программами; маркетинг и средства коммуникации; стратегическое мышление.

Таким образом, в странах Запада сложился интересный опыт профессиональной подготовки высококвалифицированных кадров для государственной службы, который позволяет обратить внимание на такие широко используемые инновационные подходы к подготовке госслужащих, как:

- формирование образовательных программ соответственно приоритетам текущей политики с обязательной ориентацией на повышение качества государственных услуг (опыт Великобритании);
- подготовка к конкурсным экзаменам на замещение вакантных должностей на государственной службе, организация двухгодичной интернатуры в органах государственного управления для выпускников учебных заведений (опыт США);
- дифференцированный подход к обучению с учетом прогнозируемой ротации кадров и особенностей деятельности органов государственного управления (опыт европейских стран).

Обновление системы государственного администрирования в современной России позволяет, на наш взгляд, использовать возможности международного сотрудничества, в том числе со странами СНГ для наращивания качественных параметров обучения кадров государственного аппарата. Интегративным взаимодействиям способствуют следующие предпосылки: общая целевая направленность административной реформы; трансформация систем образования в рамках Болонского процесса; эффективность европейских программ подготовки госслужащих; расширение международных связей учебных заведений; схожесть концепций повышения квалификации кадров государственной службы.

В качестве приоритетных направлений интеграционных связей целесообразно, видимо, рассматривать внедрение общих принципов в сфере обучения государственных служащих; согласование образовательных стандартов; внедрение инновационных технологий обучения; организацию целевых стажировок; обмен студентами и преподавателями; обмен учебной и научной литературой; возможные совместные академические программы и проекты и др.

Кстати сказать, в России уже имеется первый опыт реализации международной программы подготовки магистров в рамках Болонского процесса по направлению «Менеджмент» для государственного и муниципального управления. Ее участниками стали Уральский филиал РАНХиГС и Университет London Metropolitan (Великобритания). Спонсором программы выступил Британский совет.

В первый год обучения осуществляется магистерская подготовка по направлению «Менеджмент» (программа «Государственное и муниципальное управление»). Второй год обучения связан с магистерской подготовкой по программе "MA Public Administration" (International). Обучение проводится на базе филиала, организуется стажировка за рубежом и учебный процесс завершается защитой магистерской диссертации. По окончании программы выпускники получают российский диплом государственного образца о присуждении степени магистра, а также международную степень магистра по государственному и муниципальному управлению MA Public Administration (International) и диплом Университета London Metropolitan.

Следует заметить, что структура международной программы интегрирует российский и британский стандарты высшего образования в области подготовки магистров по государственному и муниципальному управлению. В процессе обучения

изучаются такие предметы, как стратегический менеджмент и управление изменениями в сфере государственного и муниципального управления (Public Service Policy and Strategy); организация аналитических исследований в сфере государственного и муниципального управления (Researching Public Services); государственное управление и общественный сектор (Governance and the Public Sector); сравнительный опыт управления общественными отношениями и политическими коммуникациями (Comparative PR and Political Communications).

В Казахстане реализуется совместная международная программа «Магистр наук + MBA» по специальности «Экономика» совместно с Европейским университетом (EU). Она предназначена для выпускников, имеющих дипломы бакалавра по специальности «Экономика», и предусматривает два выездных модуля в г. Мюнхен с посещением ведущих компаний и встреч с бизнес-лидерами. По окончании программы выдаются диплом государственного образца о присвоении степени магистр наук казахстанского вуза и диплом Европейского университета о присвоении степени Master of Business Administration (MBA). Обучение проводят профессора Европейского университета и лучшие бизнес-тренеры Республики Казахстан, консультанты-практики, работающие на казахстанском рынке бизнес-образования.

Кстати сказать, Казахстан выступил инициатором создания Евразийского центра обучения государственных служащих в г. Астана. Центр призван выполнять функции методического центра для Академии государственной службы и ее региональных центров. В нем проходит так называемое обучение «обучающих». При этом обучение проводят профессора и практики из-за рубежа. В перспективе мыслится, что в этом центре могут повышать квалификацию высшие должностные лица и преподаватели регионов Центральной Азии и Восточной Сибири.

Анализ практики подготовки кадров для госслужбы за рубежом выявляет общие для стран СНГ проблемы, а именно: неэффективность некоторых существующих концептуальных оснований подготовки управленческих кадров; недостаточный учет в кадровой политике изменений в системе общественных отношений; отставание в разработке и обучении кадров современным коммуникативным технологиям на основе компетентностного подхода; невысокий уровень мотивации креативного поведения госслужащих.

Формирование эффективной системы подготовки государственных служащих выдвигается на первый план практически во всех государствах СНГ. Об этом свидетельствует активное обращение к опыту западных стран, что связывается с повышением эффективности управления человеческими ресурсами в системе государственной гражданской службы.

Литература

1. Бакушев В. В., Литвинцева Е. А., Турчинов А. И. Государственная служба США, Германии, Франции, Великобритании (организация и регулирование). М., 2001.
2. Гафиятулина К. Р. Пути повышения эффективности подготовки государственных служащих в РФ // ЭГО. Экономика. Государство. Общество: Электронный журнал научных публикаций. 2010. № 4
3. Кохэн Р. Международные отношения вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М., 1999.
4. Лепешков Ю. Межгосударственная интеграция в рамках Европейского союза: некоторые вопросы теории // Белорусский журнал международного права. 2001. № 1.
5. Литвинцева Е. А. Государственная служба в зарубежных странах. М., 2004. С. 7–12.
6. Макарычев А. Регионостроительство: концептуальные контексты // Казанский федералист. 2002. № 4: Основные теоретические концепции и школы международной экономической интеграции: [Электронный ресурс]. URL: http://studopedia.ru/view_ekonomika-es.php?id=3.
7. Потокина О. А., Федотов Ю. В. Модели подготовки государственных служащих. Проблемы образования // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2002. № 4. С. 147–175.

8. Пусийнен А. Теории интеграции и рамки отношений ЕС–РФ: [Электронный ресурс]. URL: http://vk.com/doc175404168_143578096?hash=e508515656a43871fa&dl=99257bd7f402a9bb68.
9. Цыганков П. А. Транснационализм в науке и международных отношениях: вклад Дж. Ная и Р. Кохэна // Теория международных отношений: Хрестоматия. М., 2003. С. 147–182.

References

1. Bakushev V. V., Litvintseva E. A., Turchinov A. I. *Public service of the USA, Germany, France, Great Britain (organization and regulation)* [Gosudarstvennaya sluzhba SShA, Germanii, Frantsii, Velikobritanii (organizatsiya i regulirovanie)]. M., 2001.
2. Gafiyatulina K. R. *Ways of increase of efficiency of training of civil servants in the Russian Federation* [Puti povysheniya effektivnosti podgotovki gosudarstvennykh sluzhashchikh v RF] // EGO. Economy. State. Society. Electronic journal of scientific publications [EGO. Ekonomika. Gosudarstvo. Obshchestvo. Elektronnyi zhurnal nauchnykh publikatsii]. 2010. N 4.
3. Keohane R. *International relations yesterday and today* [Mezhdunarodnye otnosheniya vchera i segodnya] // Political science: new directions [Politicheskaya nauka: novye napravleniya] / Transl. from English. M., 1999.
4. Lepeshkov Yu. *Interstate integration within the European Union: some questions of the theory* [Mezhdunarstvennaya integratsiya v ramkakh Evropeiskogo soyuza: nekotorye voprosy teorii] // Belarusian journal of international law [Belorusskii zhurnal mezhdunarodnogo prava]. 2001. N 1.
5. Litvintseva E. A. *Public service in foreign countries* [Gosudarstvennaya sluzhba v zarubezhnykh stranakh]. M., 2004. P. 7–12.
6. Makarychev A. *Region building: conceptual contexts* [Regionostroitel'stvo: kontseptual'nye konteksty] // Kazan federalist [Kazanskii federalist]. 2002. N 4: Main theoretical concepts and schools of the international economic integration [Osnovnye teoreticheskie kontseptsii i shkoly mezhdunarodnoi ekonomicheskoi integratsii]: [Electronic resource]. URL: http://studopedia.ru/view_ekonomika-es.php?id=3.
7. Potokina O. A., Fedotov Yu. V. *Models of training of civil servants. Education problems* [Modeli podgotovki gosudarstvennykh sluzhashchikh. Problemy obrazovaniya] // Messenger of Saint-Petersburg University [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta]. 2002. N 4. P. 147–175.
8. Pusiaynen A. *The theory of integration and frame of the relations of EU-Russian Federation* [Teorii integratsii i ramki otnoshenii ES-RF]: [Electronic resource]. URL: http://vk.com/doc175404168_143578096?hash=e508515656a43871fa&dl=99257bd7f402a9bb68.
9. Tsygankov P. A. *Transnationalism in science and the international relations: contribution of J. Nye and R. Keohane* [Transnatsionalizm v nauke i mezhdunarodnykh otnosheniyakh: vklad Dzh. Naya i R. Kokhena] // Theory of the international relations: Anthology [Teoriya mezhdunarodnykh otnoshenii. Khrestomatiya]. M., 2003. P. 147–182.

Стрекалова Н. Д., Семенов В. А., Рогова Г. И.

Профессиональная среда как фактор профессионального развития государственных служащих налоговой службы

Стрекалова Наталья Дмитриевна

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Профессор кафедры менеджмента
Доктор экономических наук, профессор
nstrekalova@hse.ru

Семенов Владимир Анатольевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор социологических наук, профессор
semenovrad@mail.ru

Рогова Галина Ивановна

Нижегородский институт менеджмента и бизнеса (г. Нижний Новгород)
Менеджер программы MBA факультета дополнительного образования
Соискатель РГПУ им. А. И. Герцена
rogova-gala@rambler.ru

РЕФЕРАТ

В данной статье рассматриваются проблемы профессионального развития государственных служащих налоговой службы. Определены роль и влияние профессиональной среды на профессиональное развитие кадров налоговых органов. Показано, что профессиональная среда может не только способствовать росту профессионализма, но и блокировать их активность, развивать у работников профессиональные деформации и деструкции. Требуется управление профессиональной средой с целью предупреждения, сдерживания и устранения профессиональных деформаций и любых негативных проявлений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

профессиональная среда, профессиональное развитие, государственные служащие, налоговая служба

Strekalova N. D., Semenov V. A., Rogova G. I.

Professional Environment as a Factor of Professional Development of Tax Service Civil Servants

Strekalova Natalya Dmitrievna

National Research University "Higher School of Economics"
Professor of the Chair of Management
Doctor of Science (Economy), Professor
nstrekalova@hse.ru

Semenov Vladimir Anatolyevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Sociology), Professor
semenovrad@mail.ru

Rogova Galina Ivanovna

Nizhny Novgorod Institute of Management and Business (Nizhny Novgorod, Russian Federation)
Manager of the MBA program of Faculty of vocational training
The competitor of Herzen State Pedagogic University
rogova-gala@rambler.ru

ABSTRACT

This article considers some problems of professional development of civil servants of tax service. The role and influence of the professional environment on professional development of shots of tax authorities are defined. It is shown that the professional environment can not only promote professionalism growth, but also block their activity, develop professional deformations and destructions. It is shown that the professional environment can not only promote professionalism growth, but also block their activity, develop professional deformations and destructions at workers.

KEYWORDS

professional environment, professional development, civil servants, tax service

Динамичное развитие социально-экономических процессов в российском обществе обуславливают необходимость оперативного внесения изменений в российское налоговое законодательство, своевременное проведение реформирования государственной гражданской службы. Однако практика показывает, что динамика осуществления этих процессов не поспевает за изменениями, происходящими в российском обществе.

Только за 2012 г. в Налоговый кодекс РФ (часть 2) было внесено 28 изменений и дополнений, а ранее в 2011 г. — 36. Кадровый состав налоговых инспекций обновился в 2012 г. в среднем на 15%. Для выполнения своих штатных функций специалистам налоговых органов сегодня требуются дополнительные аналитические и творческие способности: умение решать нестандартные задачи, самостоятельно находить выход из критических ситуаций, умение прогнозировать и отвечать за последствия принимаемых решений.

Реорганизация Федеральной налоговой службы выявила ряд проблем, связанных в том числе с подготовкой и формированием кадрового резерва, уровнем профессиональных знаний, умений и навыков сотрудников, их психологической неготовностью к эффективной деятельности в условиях динамичных экономических и социальных перемен. Неэффективная система управления кадрами приводит к профессиональной деформации и дисфункциональным последствиям деятельности налоговой службы, что сопровождается усилением социальной напряженности, социальных противоречий и нарушениями социального порядка. Творческие способности специалистов находят выход и реализуются в других по большей части коррупционных формах.

Наблюдается проблемная ситуация — несоответствие между необходимым, требуемым уровнем профессионализма работников налоговых органов, с одной стороны, и существующим на сегодня уровнем, с другой. Решение указанной проблемы — неотложная задача общегосударственного значения, важное условие для обеспечения результативного функционирования и развития налоговой службы, а также прямая экономическая и социальная выгода для России.

Следует отметить, что теоретическими и прикладными вопросами профессионального развития государственных гражданских служащих ученые и исследователи начали заниматься сравнительно недавно. Социальный механизм налоговой системы, состояние и развитие ее профессиональной среды, специфика профессиональной деятельности налоговых служащих исследованы явно недостаточно. Отчасти это объясняется закрытостью информации для изучения деятельности Федеральной налоговой службы. Потребность в проведении дальнейших научных исследований также подтверждают изданные за последнее время многочисленные приказы¹ Федеральной налоговой службы России. Все это свидетельствует об актуальности выбранной темы.

¹ Об утверждении Концепции кадровой политики Федеральной налоговой службы: Приказ ФНС России от 11.07.2011 г. № ММВ-7-4/436@.

Диагностическое исследование проблем профессиональной деятельности и профессиональной среды специалистов налоговых органов проводилось на базе Приволжского института повышения квалификации ФНС России (ранее — Центра подготовки персонала ФНС России, г. Н. Новгород). В анкетном опросе приняло участие 250 человек из числа специалистов налоговой службы.

В основу исследования была заложена гипотеза о том, что профессиональное развитие кадров представляет собой сложный, динамичный социальный процесс, зависящий от состояния профессиональной среды, которому присущи не только позитивные, но и негативные свойства. Профессиональная среда — это один из важных факторов достижения высокого уровня профессионализма кадров.

Для изучения Федеральной налоговой службы как социального института, ее социального механизма была использована методология структурно-функционального анализа. Исследование дисфункций опиралось на подходы Т. Парсонса к изучению теории о социальном порядке [10] и Р. Мертона о дисфункциях [9]. Заметим, что Р. Мертон обращал внимание на последствия дисфункций, которые приводят к усилению социальной напряженности, социальных противоречий и нарушениям социального порядка.

Структурно-функциональный анализ ФНС, ее профессиональной среды позволил выявить как функциональные, так и дисфункциональные последствия ее деятельности, которые проявляются в том числе в недостатке профессионально подготовленных кадров, слабости организации, неясности целей, падении ее социального авторитета.

В современной социологической литературе наиболее близкими к теме исследования профессиональной среды можно отметить работы В. Ф. Анурина [1], Т. Г. Калачевой, В. А. Мальцева [8], С. А. Тихониной [6; 12], Е. А. Литвинцевой [7], С. В. Шекшня [13]. Профессиональному развитию государственных гражданских служащих посвящены работы С. В. Дергачева [3], М. В. Сейтмухаметовой [11] и др. Анализ современной литературы показал, что специфика профессиональной деятельности налоговых служащих, состояние и развитие профессиональной среды в налоговой службе исследованы явно недостаточно.

С нашей точки зрения, *профессиональное развитие кадров* представляет собой процесс качественного изменения профессиональных компетенций¹ и накопления профессионального опыта, обеспечивающих профессиональную готовность и способность сотрудников к успешному осуществлению своей профессиональной деятельности. В отличие от определений, представленных в работах авторов [3; 11; 14], сущность понятия «профессиональное развитие кадров» рассматривается нами как совокупность четырех существенных элементов, а именно: 1) процесса; 2) профессиональной готовности и способности к осуществлению профессиональной деятельности (как результат); 3) качественного изменения компетенций и профессионального опыта (характеристика результата); 4) способности к выполнению новых задач, новых производственных функций, занятию новых должностей (характеристика результата).

Понятие «профессиональная среда» находится в смысловом единстве с такими понятиями, как «социальная среда»², «профессиональная деятельность», и употреб-

¹ Компетенция — способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области.

² Социальная среда — англ. *environment social*; 1. Совокупность материальных, экономических, социальных, политических и духовных условий существования, формирования и деятельности индивидов и социальных групп. Различают: макросреду — социально-экономическую систему в целом и микросреду — непосредственное социальное окружение. 2. Часть окружающей среды, состоящая из взаимодействующих индивидов, групп, институтов, культур и т. д. См.: *Социологический словарь*: [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/sociology/Sreda-Socialnaja-7775.html> (дата обращения: 03.09.2012).

ляется для характеристики окружения человека в процессе его трудовой деятельности.

На наш взгляд, *профессиональная среда* — это совокупность специалистов, имеющих специальную профессиональную подготовку и выполняющих определенные функции в рамках профессиональной деятельности организации, а также условий (материальных, социальных, информационных, духовных) для осуществления ими профессиональной деятельности.

Основу для формирования профессиональной среды закладывает общность (прямая и опосредованная) профессионально-коммуникативной деятельности специалистов. Она включает в себя специалистов определенной специальности, которые объединены общностью достижения целей и выполнения поставленных перед ними задач.

Формирование профессиональной среды происходит в рамках как официальной (формальной), так и неофициальной (неформальной) структур, которые функционируют посредством установления деятельностно-коммуникативных и социально-психологических отношений. Формальные отношения складываются между специалистами для достижения стоящих перед организацией целей и задач. Они регламентируются нормативно-законодательными актами, организационно-распорядительными документами, должностными инструкциями. Неформальные отношения формируются на основе личных симпатий и антипатий, устанавливаются неофициально, по инициативе и в интересах самих специалистов. Они не регламентированы никакими правовыми нормами.

Важность профессиональной среды обусловлена тем, что она, с одной стороны, обеспечивает профессиональное выполнение предусмотренной законами деятельности налоговых органов во внешней социальной среде, а с другой стороны, воздействует на профессиональное развитие кадров во внутренней среде организации. Профессиональная среда может как способствовать, так и препятствовать росту профессионализма, усиливать или ослаблять эффективность деятельности самих органов управления.

Работники налоговых органов представляют собой особую и многочисленную социально-профессиональную группу, которая формируется для выполнения контрольных функций государства на основании законов и других нормативно-правовых документов. Профессиональная деятельность при всем ее многообразии и сложности регулируется правом, что накладывает отпечаток на личностные качества каждого сотрудника налоговых органов, который обязан сопоставлять свои действия, в том числе и принятие решений, с действующими нормами законодательства. По сути, работник налоговых органов, исполняя государственные функции, «отчуждает» себя в профессии, реализуя прежде всего волю государства, а не свою собственную. При этом в отличие от других граждан ограничиваются и некоторые его личные права и свободы (система запретов при занятии должности государственного гражданского служащего).

Профессиональная деятельность специалиста налоговой службы предполагает у работника: наличие комплекса знаний, умений и навыков по смежным специальностям (бухгалтерский учет, налогообложение, юриспруденция, психология, современные информационные технологии); высокий уровень внутренней коммуникации, обмен профессиональными знаниями и опытом решения нестандартных задач; кооперацию специалистов в процессе профессиональной деятельности для достижения общих целей, объединение совместных усилий работников, обладающих различной квалификацией и профессиональным опытом; высокий уровень ответственности за последствия выполнения профильных функций. Особенность профессиональной деятельности специалистов налоговых органов обусловлена формированием общественной оценки результатов выполнения ими профильных функций.

Проблемы в среде налоговой службы

Перечень проблем	Согласны	Не согласны	Затруднились с ответом
	%		
Постоянное изменение законодательства, влекущее пересмотр процедур контроля	90,4	4,8	4,8
Увеличение напряженности работы	89,2	5,2	5,6
Уменьшение численности квалифицированных специалистов	71,1	16,5	12,4
Плохая информационная взаимосвязь	67,9	17,3	14,8
Дублирование функций отделов	42,2	32,1	25,7
Нарушение принципа единоначалия	33,8	35,4	30,8

Примечание: итоговая цифра превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Заметим, что профессиональная среда играет особую роль для молодых специалистов, которые только начинают свою трудовую деятельность. Влияние профессиональной среды выражается в том, что в процессе адаптации начинающий специалист осваивает не только свои рабочие функции и технологии, но и общекультурные ценности и нормы, принятые в данной среде. Профессиональная среда может мотивировать начинающего работника к дальнейшему росту профессионализма и совершенствованию в выбранной сфере деятельности, а может способствовать уходу работника вплоть до смены им профессии. В свою очередь состояние профессиональной среды зависит от того, насколько сам персонал мотивирован на эффективную деятельность ради достижения целей органов государственного управления.

Диагностическое исследование проблем профессиональной деятельности и профессиональной среды специалистов налоговых органов показало следующее. Основную проблему они связывают с постоянными изменениями налогового законодательства, что приводит к пересмотру процедур контроля (отметили 90% респондентов). После проведенной реорганизации и сокращения численности работников произошло увеличение напряженности работы (отметили 89% опрошенных), а также уменьшение численности квалифицированных специалистов (71%) (табл. 1).

Объемы сверхурочных работ выросли наряду с дефицитом квалифицированных кадров. Увеличение нагрузки на работников произошло также в связи с необходимостью подготовки большого количества налоговой отчетности в строго установленные сроки, расширением перечня решаемых профессиональных задач. Повысились требования к уровню владения ПК, современными информационными технологиями.

Работники налоговых органов достаточно критично подошли к оценке основных проблем в своей профессиональной деятельности. Данное утверждение относится и к оценке уровня взаимодействия с внешней средой, в том числе взаимоотношений с налогоплательщиками и другими контролирующими органами. Отмечено, что произошло сокращение налогооблагаемой базы, возросло число фактов отклонения от уплаты налогов (50% респондентов), агрессивность в поведении налогоплательщиков (56%), что в целом не способствует повышению эффективности работы (табл. 2).

Оценивая уровень взаимоотношений и взаимодействий работников налоговых органов с другими контролирующими органами (правоохранительными, таможен-

Изменения в поведении налогоплательщиков

Изменения в поведении налогоплательщиков	Согласны	Не согласны	Затруднились с ответом
	%		
Сокращается налогооблагаемая база	70,0	14,0	16,0
Налогоплательщики стали более агрессивны	56,4	25,6	18,0
Увеличивается число фактов уклонения от уплаты налогов	50,0	29,2	20,8
Возникают споры в связи с ухудшением работы банковской системы	45,6	22,0	32,4
Возросло число конфликтов в ходе проверок	43,6	36,8	19,6
Ухудшились взаимоотношения с налогоплательщиками	39,6	44,4	16,0
Изменений не произошло	38,0	41,2	20,8
Ухудшилось качество предоставляемой документации	30,8	48,4	20,8

Примечание: итоговая цифра превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

ными и др.), 61% респондентов отметили недостаточность координации совместных усилий.

Анализ распространенности в налоговой среде негативных факторов показал, что проблемы, связанные с низким уровнем профессионализма специалистов, не являются лидирующими, однако они составляют значительную часть проблемного поля (обозначили 24% респондентов), а слабую информированность по вопросам, сопрягающимся с зоной профессиональной компетенции, отметили 20% респондентов (табл. 3).

Обращает на себя внимание тот факт, что 50% налоговиков отметили среди негативных факторов, встречающихся в анализируемой профессиональной среде, возможность использования своего должностного положения в корыстных целях. Использование своего должностного положения и связанных с ним возможностей в противоправных целях создает почву для коррупции, борьба с которой в последнее время приобрела общегосударственное значение¹.

В качестве негативных факторов были отмечены: бюрократизм, несогласованность действий внутри организации, волокита и другие. Проявление в ходе профессиональной деятельности грубости и неуважительного отношения к налогоплательщикам отметили 55% респондентов, несмотря на решения руководства налоговой службы по улучшению уровня и качества взаимодействия с населением.

Государственные гражданские служащие, принявшие участие в анкетировании, отметили, что, в первую очередь, государственной службе необходимы профессионалы. Были определены три основные базовые характеристики, необходимые для продвижения по службе: профессионализм, добросовестное исполнение должностных обязанностей и инициативность.

Профессионализм, по мнению работников налоговых органов, является важнейшей личностной характеристикой, способствующей карьерному продвижению. Более

¹ О противодействии коррупции: Федеральный закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 29.12.2008 г. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

Оценка распространенности в налоговой среде негативных факторов

Негативные факторы	Значительно распространено	Встречается	Встречается очень редко	Отсутствует
Бюрократизм	42,4	33,2	12,4	12,0
Несогласованность действий внутри организации	35,6	39,6	13,6	11,2
Противоречивость требований к оформлению документации	30,4	46,4	16,4	6,8
Волокита	29,6	44,0	17,2	9,2
Непрофессионализм	24,4	51,2	19,2	5,2
Безответственное отношение к своим должностным обязанностям	22,8	50,8	21,6	4,8
Отсутствие принципиальности	20,4	50,0	18,8	10,8
Слабая информированность по вопросам, сопрягающимся с зоной компетенции	20,0	46,4	20,0	13,6
Безразличное, неуважительное отношение к коллегам	18,8	50,0	23,6	7,6
Стремление использовать должностное положение в корыстных целях	13,6	49,6	23,6	13,2
Грубость и неуважение в обращении с налогоплательщиками	9,2	54,8	29,6	6,4

Примечание: итоговая цифра превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

половины респондентов в 2009 г. высоко оценили влияние инициативности и исполнительности (табл. 4).

В то же время настораживает фактор, обнаруженный в ходе проведенного исследования, который влияет на продвижение по службе, — это родственные связи и личная преданность начальству (отметили 42% респондентов). Данный фактор по своей значимости для карьерного роста превышает важность таких характеристик, как ответственность, самосовершенствование и добросовестное исполнение должностных обязанностей.

Мнения и предложения самих работников налоговых органов по улучшению качества их профессиональной деятельности были обобщены в табл. 5. На первом месте оказалось предложение по увеличению заработной платы, на втором — повышения статуса и престижа работника налоговой службы, на третьем — совершенствование нормативной базы, далее — развитие профессионального потенциала сотрудников (указали 34% респондентов). Росту профессиональной грамотности и компетенции содействует проведение постоянного обучения кадров в различных формах, например, в виде регулярных тренингов (востребованы у 16% респондентов).

Несмотря на критичное отношение общественности к деятельности налоговой службы, в целом у ее сотрудников по результатам опроса отмечается высокая степень удовлетворенности условиями профессиональной деятельности и организацией труда (см. табл. 6). Отметим, что удовлетворенность трудом является одной

Оценка влияния личностных характеристик работника на его продвижение по службе в налоговых органах

Личностные характеристики, влияющие на продвижение по службе	Да, безусловно	Отчасти	Нет	Затруднились с ответом
Профессионализм	69,2	24,8	4,8	1,2
Инициативность	65,6	28,4	4,4	1,6
Исполнительность	63,6	25,6	8,8	2,0
Стремление к лидерству	52,4	30,8	12,0	4,8
Клиентоориентированность	52,0	35,2	8,4	4,4
Служебное бескорыстие	46,0	34,4	15,2	4,4
Дружелюбное отношение к коллегам	44,4	32,0	18,4	5,2
Родственные связи и личная преданность начальству	41,6	31,6	15,6	11,2
Принятие на себя ответственности	32,4	26,0	33,6	8,0
Постоянное самосовершенствование	28,8	38,4	26,0	6,8
Добросовестное исполнение обязанностей	22,0	34,0	24,4	19,6

Примечание: итоговая цифра превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

Таблица 5

Меры по улучшению качества работы налоговой службы

Перечень мер	%
Увеличение заработной платы персонала	69,6
Повышение статуса и престижа работника налоговой службы	60,4
Совершенствование нормативной базы	49,6
Развитие профессионального потенциала сотрудников	33,6
Совершенствование работы по подбору кадров	32,4
Улучшение стиля руководства в коллективах	22,4
Расширение баз данных и взаимоувязывание их с базами данных других организаций	22,4
Улучшение социально-психологической атмосферы в коллективе	18,4
Продолжение совершенствования систем упрощенного налогообложения	16,8
Проведение регулярных тренингов персонала налоговой службы	15,6
Продолжение совершенствования систем электронного документооборота	11,6
Усиление гласности работы службы с помощью СМИ	8,0
Усиление информационной работы с населением и предпринимателями	8,0

Примечание: итоговая цифра превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

из важнейших характеристик качества профессиональной среды и условием роста уровня профессионализма.

Из десяти оцениваемых аспектов профессиональной деятельности только два вызывают неудовлетворенность чаще, чем положительные оценки. К проблемным зонам относятся уровень оплаты труда, вызывающий неудовлетворение у 46%

Оценка удовлетворенности условиями труда на рабочем месте, %

Аспекты профессиональной деятельности	В основном удовлетворяет	В основном не удовлетворяет	Загрудились с ответом
Ясность структуры соподчиненности	76,0	16,4	7,6
Взаимоотношения с непосредственным начальником	73,6	20,8	5,6
Возможность профессионального роста	73,2	19,6	7,2
Социально-психологический климат в коллективе	72,0	24,0	4,0
Возможность самосовершенствования в профессиональной области	70,0	22,4	7,6
Техническая оснащенность труда	66,4	30,0	3,6
Режим труда	66,0	27,2	6,8
Уровень защищенности от давления со стороны клиентов	50,4	36,4	13,2
Уровень оплаты труда	42,4	45,6	12,0
Организация труда, равномерность загрузки	42,0	50,4	7,6

Примечание: итоговая цифра превышает 100%, так как респондент мог выбрать несколько вариантов ответов.

респондентов, и организация труда, связанная с повышенной нагрузкой на рабочих местах (50%). Причем организацией труда не удовлетворены больший процент респондентов, чем уровнем оплаты труда.

Сильной стороной своей профессиональной деятельности работники считают хорошую внутреннюю коммуникацию: 76% респондентов в основном удовлетворяет ясность структуры соподчиненности, 74% — взаимоотношения с руководством, 73% — возможность профессионального роста и 70% удовлетворены возможностями самосовершенствования в профессиональной области.

Профессиональная среда оказывает непосредственное влияние на профессиональную деятельность специалистов налоговых органов. Ее негативное воздействие приводит к развитию у работников профессиональных деформаций или деструкций, что сопровождается снижением эффективности труда, уровня их профессиональной квалификации, проявлением равнодушия и завышенной самооценки.

Авторы А.Г. Асмолов [2], Э.Ф. Зеер [5], изучавшие эту проблему, отмечают, что степень выраженности профессиональных деформаций зависит от характера, содержательности деятельности, стажа работы и индивидуально-психологических особенностей личности.

Специалисты налоговых органов, в обязанности которых входит постоянное общение с налогоплательщиками, в наибольшей степени подвержены профессиональным конфликтам и профессиональным деформациям личности. Для них характерна высокая эмоциональная напряженность, что связано с негативными эмоциями и необходимостью их подавления, а также необходимостью откладывать эмоциональную разрядку на сравнительно длительный период времени.

В своем исследовании Е.С. Минькова, А.Ф. Татарченко указывают, что «налоговым инспекторам, имеющим слабый или средний уровень эмоциональной устойчивости,

свойственны такие черты характера, как повышенная возбудимость, недостаток самообладания, несдержанность, резкость, ранимость, тревожность» [4, с. 70].

Проведенный нами анализ показывает, что работники, подверженные профессиональным деформациям, зачастую не умеют работать в команде, имеют заниженный уровень стрессоустойчивости, профессионализма. Стереотипное мышление и привычные способы работы такой специалист старается дополнить внутренней компенсацией. Как правило, это выражается в идеализации собственного опыта. Иллюзия высокого уровня собственного профессионализма приводит к недооценке сложности возникающих проблем. В межличностном общении проявляются такие негативные модели поведения, как высокомерие, некоммуникабельность, склонность к критике.

Среди форм профессиональных деформаций, присутствующих в исследуемой нами профессиональной среде, можно выделить следующие.

Авторитарность как проявление жесткой вертикали власти, единоначалие в принятии управленческих решений, неумение и нежелание делегировать властные полномочия на нижестоящие уровни отмечается у определенной части работников налоговых органов, занимающих руководящие посты. Так, Е. С. Минькова и А. Ф. Татарченко отмечают, что «в налоговых инспекциях доминирует авторитарный стиль руководства. Сами руководители налоговых инспекций признаются, что им гораздо легче использовать приказной тон, не вызывающий возражений, чем общаться демократично» [Там же, с. 69]. Руководители авторитарного стиля в большей мере склонны использовать на практике тактику наказания подчиненных, а не заниматься анализом профессиональных ошибок.

В этом случае происходит перенос акцента с целей организации на средства, в результате чего жесткая иерархия, неукоснительное исполнение инструкций, строгая дисциплина превращаются в самоцель, а в дальнейшем — в тормоз на пути к развитию. Происходит своего рода известкование, «склероз сосудов» организации, при котором самостоятельность людей ограничивается сужением решаемых задач, правилами и постановлениями, что лишает организацию гибкости и способности к нововведениям, приводит к застою.

Такая профессиональная деформация, как *доминантность*, возникает на основе использования работником налоговой службы властных полномочий: требовать, контролировать, применять штрафные санкции и другие методы административной и налоговой ответственности. Наличие и развитие этой деформации зависит и от индивидуальных свойств личности.

К профессиональным деструкциям можно отнести и *поведенческий трансфер* (перенос), который выражается в том, что общение работников налоговых органов с агрессивно настроенными налогоплательщиками вырабатывает у них привычку отвечать грубостью на грубость. Исследования деловых отношений, которые проводились в паре «служащий — клиент», подтверждают, что они носят в основном агрессивный характер» [Там же, с. 111].

Профессиональная агрессия проявляется в отсутствии эмпатии, приверженности к «карательным» мерам воздействия, требовании безоговорочного подчинения. Основным методом исправления ошибок являются наказания, а не разбор и конструктивное разрешение трудных ситуаций.

Профессиональный догматизм как один из видов деформации возникает в результате повтора одних и тех же ситуаций, решения типовых профессиональных задач. Формируются устойчивая привычка, склонность к повторению, неспособность к поиску новых рациональных методов решения возникающих проблем. Догматизм может развиться при условии продолжительной работы в одной и той же должности, на одном и том же рабочем месте. Складывается завышенная самооценка, заметно снижается общий уровень интеллекта.

Сверхконтроль выражается в подозрительной осмотрительности, склонности действовать точно по должностным инструкциям, недоверии к подчиненным и стремлении к мелочной опеке всей их деятельности, недооценке их профессиональных качеств и опыта.

Наличие указанных выше негативных характеристик, присущих части работников налоговых органов, явно не способствуют росту профессионализма кадров налоговых органов и формированию в глазах общественности высокого престижа государственной службы.

Итак, профессиональная среда — это важный фактор, влияющий на достижение высокого уровня профессионализма специалистов налоговых органов. Она формируется в процессе профессионально-коммуникативной деятельности работников налоговой службы. Профессиональная среда может не только способствовать росту профессионализма специалистов, но и блокировать их активность, развивать профессиональные деформации и деструкции (авторитарность, доминантность, поведенческий трансфер, профессиональная агрессия, профессиональный догматизм, сверхконтроль и др.), порождать негативные явления (бюрократизм, волокита, несогласованность действий внутри организации, непрофессионализм). Требуется управление профессиональной средой с целью предупреждения, сдерживания и устранения профессиональных деформаций, деструкций и любых негативных проявлений.

Литература

1. Анурин В. Ф. Профессиональная стратификация и закон перемены труда // Социс. 2006. № 7 (267). С. 23–34.
2. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека: учебник. М.: Смысл: Academia, 2007.
3. Дергачев С. В. Управление профессионально-квалификационным развитием персонала государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2008.
4. *Дополнительное профессиональное образование специалистов налоговых органов: достижения, проблемы, тенденции: Тезисы докладов.* Н. Новгород, 2006.
5. Зеер Э. Ф. Психология профессионального развития: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., стер. М.: Издат. центр «Академия», 2007.
6. Калачева Т. Г., Мальцев В. А., Тихонина С. А. Профессиональная среда государственной гражданской службы. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2004.
7. Литвинцева Е. А. Государственная служба в зарубежных странах. М.: Изд-во РАГС, 2003.
8. Мальцев В. А. Социологический подход к анализу профессионализма государственных служащих. М.: РАГС, 1997.
9. Мертон Р. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты / Под ред. В. И. Добренькова. М.: Изд-во МГУ, 1994.
10. Парсонс Т. О структуре социального действия [Концепции] В. Ф. Чеснокова и С. А. Белановский. М.: Академич. проект, 2002.
11. Сейтмухаметова М. В. Управление мотивацией профессионального развития муниципальных служащих: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. М., 2011.
12. Тихонина С. А. Профессиональная среда государственной гражданской службы как объект управления: социологический анализ: Автореф. дисс. ... д-ра социол. наук. Н. Новгород: Изд-во ВВАГС, 2006.
13. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации. М.: ЗАО Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997.

References

1. Anurin V.F. *Professional stratification and law of change of work* [Professional'naya stratifikatsiya i zakon peremeny truda] // Sotsis. 2006. N 7 (267). P. 23–34.

2. Asmolov A. G. *Psychology of the personality: cultural and historical understanding of development of the person: textbook* [Psikhologiya lichnosti: kul'turno-istoricheskoe ponimanie razvitiya cheloveka: uchebnik]. M.: Sense: Academia [Smysl: Academia], 2007.
3. Dergachev S. V. *Management of vocational development of the personnel of the public civil service of the subject of the Russian Federation* [Upravlenie professional'no-kvalifikatsionnym razvitiem personala gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby sub"ekta Rossiiskoi Federatsii]: Dissertation abstract. M., 2008.
4. *Vocational training of specialists of tax authorities: achievements, problems, tendencies: theses of reports* [Dopolnitel'noe professional'noe obrazovanie spetsialistov nalogovykh organov: dostizheniya, problemy, tendentsii: tezisy dokladov]. N. Novgorod, 2006.
5. Zeer E. F. *Psychology of professional development: manual for the student of higher educational institutions* [Psikhologiya professional'nogo razvitiya: uchebnoe posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii]. 2nd edition. M.: Publishing center "Academy" [Izdatel'skii tsentr «Akademiya»], 2007.
6. Kalacheva T. G., Maltsev V. A., Tikhonina S. A. *Professional environment of the public civil service* [Professional'naya sreda gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby]: Monograph. N. Novgorod: VVAGS publishing house [Izd-vo VVAGS], 2004.
7. Litvintseva E. A. *Public service in foreign countries* [Gosudarstvennaya sluzhba v zarubezhnykh stranakh]. M.: RAGS publishing house [Izd-vo RAGS], 2003.
8. Maltsev V. A. *Sociological approach to the analysis of professionalism of civil servants* [Sotsiologicheskii podkhod k analizu professionalizma gosudarstvennykh sluzhashchikh]. M.: RAGS, 1997.
9. Merton R. *Obvious and latent functions* [Yavnye i latentnye funktsii] // American sociological thought: texts [Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl': teksty] / Under the editorship of V. I. Dobrenkov. M.: Moscow State University publishing house [Izd-vo MGU], 1994.
10. Parsons T. *The structure of social action* [O strukture sotsial'nogo deistviya] / Under a general edition of V. F. Checnokova and A. Belanovsky. M.: Academic Project [Akademicheskii Proekt], 2002.
11. Seytmukhametova M. V. *Management of motivation of professional development of municipal employees* [Upravlenie motivatsiei professional'nogo razvitiya munitsipal'nykh sluzhashchikh]: Dissertation abstract. M., 2011.
12. Tikhonina S. A. *Professional environment of the public civil service as object of management: sociological analysis* [Professional'naya sreda gosudarstvennoi grazhdanskoi sluzhby kak ob"ekt upravleniya: sotsiologicheskii analiz]: Dissertation abstract. N. Novgorod: VVAGS publishing house [Izd-vo VVAGS], 2006.
13. Shekshnya S. V. *Human resource management of the modern organization* [Upravlenie personalom sovremennoi organizatsii]. M.: JSC Business School Intel-Sintez [ZAO Biznes-shkola «Intel-Sintez»], 1997.

Борисов Н. А., Волков В. А.

Понятие экологического государства в контексте формирования политической экологии

Борисов Николай Александрович

Заместитель председателя Комитета по природопользованию, охране окружающей среды и обеспечению экологической безопасности (Санкт-Петербург)
Аспирант Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС
borisov@kpoos.gov.spb.ru

Волков Виталий Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор политических наук, профессор
polit@szags.ru

РЕФЕРАТ

В статье обсуждается формирование политической экологии. Авторы раскрывают необходимость политической экологии как формы осмысления экологической парадигмы, являющейся основанием для современных видов экологической политики. Центральным звеном этого дискурса является понятие экологического государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экологическая парадигма, экологический кризис, политическая парадигма, политическая экология, экологическое государство

Borisov N. A., Volkov V. A.

Concept of the Ecological State in a Context of Political Ecology Formation

Borisov Nikolay Aleksandrovich

Vice-chairman of Committee on environmental management, environmental protection and ensuring ecological safety (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
borisov@kpoos.gov.spb.ru

Volkov Vitaly Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Political science), Professor
polit@szags.ru

ABSTRACT

In the article the political ecology formation is discussed. Authors open necessity of political ecology as form of judgment of the ecological paradigm which is the basis for modern type of ecological policy. The central link of this discourse is the concept of the ecological state.

KEYWORDS

ecological paradigm, ecological crisis, political paradigm, political ecology, ecological state

Экологическая проблематика становится актуальной во второй половине XX в. как направление, касающееся выживания человечества как социального феномена в самой ближайшей перспективе. Глобальный характер экологической тематики требует междисциплинарного подхода. Географические, геологические, биологические, социальные, антропологические факторы являются сторонами экологического вза-

имодействия, в силу чего возникает необходимость системного выхода за рамки одной дисциплины.

Экосистемный подход предполагает, что система рассматривается со стороны не только естественных наук, но и социальных. Отношение живых организмов со средой включает и человека. «Экология человека, как и вся экология, — наука биологическая»¹, — считают некоторые ученые — представители естественных наук. Такое относительно узкое понимание экологии не затрагивает проблематику экологического кризиса, благодаря которому понятие экологии получило распространение и актуальность. Природа не бывает экологичной сама по себе. Только присутствие человека ставит вопрос об экологичности природы, привносит различие между хорошей и плохой экологией. Если человека еще можно рассматривать просто как организм, то человеческое общество уже не может рассматриваться в рамках только биологической науки. Взаимоотношения человеческого общества и природы рассматриваются в рамках относительно новой дисциплины — социальной экологии.

В рамках социальной экологии, рассматривающей отношение общества и природы, выделяется политическая экология. Политическая экология изучает разделение социальных сообществ на политические единства по поводу отношения к окружающей среде как жизненному миру.

Г. Йонас, известный немецкий политический философ, рассматривает экологию как науку, исследующую окружающую среду в свете представлений человека о самом себе как причинном факторе в системе мира [27].

Уже В. И. Вернадский рассматривал глобальные геологические последствия деятельности человечества [4]. «Появление на Земле Человека положило начало новой геологической эре. Расселяясь по лику Земли, тесня девственную Природу, выстраивая рядом с ней свой „культурный мир“, человек изменял не только ландшафты, но и течение геохимических и биогеохимических процессов на Земле. Исследуя эти процессы, В. И. Вернадский установил, что в эволюции биосферы наступил новый этап — этап перехода биосферы в ноосферу, определяемый мыслью и трудом человечества» [13]. Таким образом, экология, включая человека в предмет своего исследования, оказывается сложносоставным направлением. Вследствие этого экологию сегодня рассматривают как комплекс наук.

Человек на протяжении всей своей истории активно влияет на окружающую среду в процессе производственной деятельности. Производство, начиная с аграрной революции и заканчивая индустриальной революцией, неизбежно связано с разрушением среды, из которой извлекают продукт, что впоследствии приводит к экологическим кризисам и катастрофам. Катастрофы сужают пространство жизнедеятельности людей. У человека возникает потребность в управлении и минимизации негативных воздействий на окружающую среду. И теоретически, и институционально происходит оформление такого феномена, как экологическая политика.

В самом общем виде под экологической политикой понимают определенную «...организацией совокупность намерений и принципов относительно экологических показателей ее деятельности, которая создает основу для разработки конкретных целей и задач»². Такое определение задает точку отсчета для движения к более глубокому пониманию отношения общества и природы.

Прежде всего подчеркивают управленческую составляющую экологической политики. Экологическая политика есть «деятельность субъекта экологического управ-

¹ Воронов А. Г. О проблемах экологии человека // Географические аспекты экологии человека. М., 1975. С. 109. Цит. по: [10].

² Экологическая политика: [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%EA%E8%EB%E3%E8%F7%E5%F1%EA%E0%FF_%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0 (дата обращения: 03.05.2012).

ления, направленная на решение актуальных проблем в области природопользования и охраны окружающей среды» [15].

Ряд авторов в трактовке экологической политики делают акцент на обеспечении экологической безопасности [6; 12; 18]. Понятие экологической безопасности содержит в себе технологическую и гуманитарную составляющие. Трактовка экологической безопасности исключительно с технологических позиций создает вакуум в политическом пространстве, заполняемый выстраиваемыми экологическими мифами и информационными диверсиями в борьбе за экологические ресурсы [16].

Политологический энциклопедический словарь видит основную задачу экологической политики в сохранении социосферы [17]. Выделяют три типа экологической политики в зависимости от количества субъектов принятия политических решений: управленческий, плюралистический, коллективный. Первый тип экологической политики реализуется исполнительной властью при помощи экспертных оценок в рамках заданной компетенции. Второй тип экологической политики реализуется при совместном участии организаций гражданского общества и исполнительной власти. Третий тип экологической политики реализуется при передаче полномочий по принятию решений группам заинтересованных граждан.

Феномен политики возникает в тех сферах общественной жизни, которые становятся судьбоносными для цивилизации и по своей природе не имеет отдельной социальной ниши. Экология в новом веке становится судьбой цивилизации. Политика производит такие структуры, которые несут в себе универсальный посыл разрешения противоречий в особенных сферах человеческой жизнедеятельности [5]. Экология в конце XX в. становится тем основанием, по поводу которого происходит политическое размежевание социальных структур.

Необходимо принципиально различать термины «политическая экология» и «экологическая политика»¹. Политическая экология касается фундаментальных основ современного общества, в то время как экологическая политика является реализацией одного из направлений государственной политики. Это различие можно яснее представить, опираясь на различие термина «политика» в англоязычной традиции. Термин *Polity* обычно употребляется в контексте исходных установок политики как формальное, что отличает ее от других фундаментальных феноменов. Термин *Politics* относится к сфере, в которой осуществляются процессы консолидации и разделения общественных сил. Термин *Policy* указывает на конкретные стратегии и программы, в рамках которых политические субъекты реализуют свои цели.

Термин «экологическая политика» по своему содержанию близок к английскому термину *Policy*.

Под политической экологией следует понимать совокупность концепций, описывающих социальный мир человека: основных акторов, институты, точки пересечения интересов, конфликты, иерархии господства, угрозы, ценности, идеалы с позиции, в которой экологическая проблема рассматривается как причинный фактор и мотив разделения общества на политические единства. Политическая экология коррелирует с термином *Polity* в английском политическом лексиконе.

На развитие дискурса политической экологии оказывают влияние основополагающие традиции истории политической мысли. Значительный вклад в развитие политической экологии вносит геополитическая традиция, особенно в лице русской геополитической школы. Именно геополитическая традиция предложила рассматривать смысл деятельности политических субъектов в тесной связи с характером, структурой и особенностями окружающей их географической среды на локальном, региональном и глобальном уровнях. В этом смысле геополитика является ярким примером экоориентированного подхода в изучении отношения политических единств к географи-

¹ Подробнее см.: [2].

ческой среде. Такие представители русской геополитической мысли, как П. Савицкий, Г. Вернадский, И. Ильин, Л. Гумилев, выступили предтечами политической экологии.

Теория месторазвития П. Н. Савицкого раскрывает принципиально важное понятие, посредством которого им дается интерпретация истории, культуры и политики России. Замечательный русский философ И. Ильин рассматривает государство как продукт и субъект духовно-органического развития. Л. Н. Гумилев в развиваемой им этнологии рассматривает этнос человека как самостоятельный уровень реальности, не сводимый только к биологическому или социальному уровням. Этнотипы, противопоставляющие себя друг другу политически, отличаются, прежде всего, поведением. В основе различия поведения этносов лежит различие в ритме и количестве пассионарной энергии, рождающей уникальные и неповторимые этносы. Эту энергию В. И. Вернадский назвал биогеохимической энергией живого вещества биосферы.

В западной политической мысли термин «политическая экология» был предложен Фрэнком Тони в статье, опубликованной в 1935 г. После термин актуализируется во французском языке (*Écologie Politique*) Бертраном де Жувенелем в 1957 г. Устойчивое общественно-политическое звучание проблематика экологии начинает приобретать с 1960-х годов. Всплеск общественного внимания в это время был оформлен в рамках алармистского экологического дискурса. Мир внезапно перешел от оценки национальных угроз к угрозам глобального характера, ранее неизвестных человечеству. Рукотворная ядерная угроза, грозившая экологической катастрофой и поставившая существование человечества под вопрос, подтолкнула к анализу глобальных процессов негативного характера, связанных с изменением климата, загрязнением окружающей среды, истощением жизненно важных ресурсов. Мир почувствовал иллюзорность своей безопасности даже в мирное время. С дискурсом алармизма тесно связаны представления о неизбежности экодиктатуры и кризисе демократии [8, с. 18].

В 1980-е гг. алармистский эколого-политический дискурс сменяется дискурсом устойчивого развития. Он возникает как реакция на глобальные вызовы и пытается конструктивно отреагировать на угрозы. Дискурс устойчивого развития включает в себя различные модернизационные проекты социального, технологического характера.

На рубеже XX–XXI вв. формируется эколого-политический управленческий дискурс. Международное сообщество пытается принять совместные управленческие решения с целью стабилизировать окружающую среду.

Рэймонд Л. Брайант и Шинейд Бейли выдвинули положения, определяющие проблематику политической экологии. Во-первых, затраты и выгоды, связанные с изменением окружающей среды, распределяются неравномерно. Во-вторых, это неравномерное распределение неизбежно усиливает или уменьшает существующее социально-экономическое неравенство. В-третьих, неравное распределение затрат и выгод и усиление или сокращение уже существующих неравенств имеет политические последствия с точки зрения властных отношений [22]. Кроме того, политическая экология пытается дать критику взаимодействия окружающей среды и политических, экономических и социальных факторов.

Рассматривая развитие политической экологии в Америке, Джон Кларк выделяет несколько направлений [23, pp. 505–516]. Консервативный энвайронментализм включает в себя либертарианский вариант, распространенный в США, и традиционалистский вариант.

Представители либертарианского варианта Т. Андерсон и Д. Лиль являются наиболее известными защитниками идеологии свободного рынка в экологии [19]. Они отрицают его негативную роль в углублении экологического кризиса, поскольку не учитываются способность человека адаптироваться к обстоятельствам и способность к творческому развитию технологий.

Традиционалистский консервативный энвайронментализм, при оценке рынка как сферы справедливого обмена, в которой удовлетворяются потребности человека, иногда отличается значительно от либертарианства. Этот вид консерватизма, с его акцентом на ценности и наследие прошлого, имеет сильный импульс к защите природы. Джон Близ является одним из ведущих представителей такой консервативной политической экологии. Д. Близ считает, что консерваторы должны признать моральное обязательство поддерживать экономическую систему, которая удовлетворяет в настоящее время потребности без снижения возможностей развития для будущих поколений [20].

Природный капитализм является следующим направлением. Пол Хоукен считает, что экологический кризис является гораздо более серьезным и риски в будущем намного больше, чем готовы признать экологи свободного рынка. Он утверждает, что нерегулируемый рынок неизбежно создает экологический кризис, потому что предприятия имеют экономические стимулы для сокращения расходов, не взирая на экологический ущерб [26]. Хоукен предлагает принятие «зеленых налогов». Налоговые стимулы будут работать на производство более чистых, более экологически безопасных продуктов. Хоукен также предлагает несколько стратегий, включая систему лицензирования «длительного пользования» автомобилей и бытовой техники потребителем, в то время как производитель сохраняет право собственности и ответственность за экологические последствия в течение жизни продукта.

Либеральный энвайронментализм отвергает идею, согласно которой свободная рыночная активность может решить экологические проблемы и утверждает, что необходимо значительное государственное регулирование для предотвращения ущерба окружающей среде при уважении прав человека и поддержании справедливости. Экологические вопросы должны рассматриваться на основе этического и политического принципа и должны решаться гражданами с точки зрения общественного блага. Де Шалит отклоняет позицию нейтралитета версий либерализма, связанных с Джоном Роулсом, Рональдом Дворкиным и других либеральных теоретиков. Вместо этого он считает, что должна быть приверженность общей «идее блага» [24].

Экосоциализм как политическая экология возникает благодаря политической деятельности О'Коннора и основания в 1988 г. журнала «Социализм. Природа. Капитализм» и публикации в первом выпуске журнала его статьи «Второе противоречие капитализма». О'Коннор применяет Марксов анализ условий производства для экологических проблем и объявляет в его результате тезис, что экологический кризис является «вторым противоречием капитализма». Он предлагает «красную зеленую политику», основанную на том, что экологический кризис требует радикальной трансформации капиталистических производственных отношений и что экономический кризис требует радикальной трансформации капиталистического производства [25].

Экоанархизм являлся в течение нескольких десятилетий общей платформой экологической политики для радикального децентрализма, либертарианства и коммунитаризма. Экоанархизм ассоциируют с либертарианским муниципализмом, который предлагает создание сообщества соседских общин с прямым демократическим управлением.

Биорегионализм является традицией в политической экологии, которая вкладывает наиболее конкретный смысл в проблему экологического кризиса. Он фокусируется на природных условиях мест, в которых люди живут, и стремится создать культуру и образ жизни, основанный на очень конкретных знаниях экологической реальности вокруг них.

Политическая экология постмодерна — относительно новое явление в политической экологии. Критика политической экологии И. Блудорном как неспособной

серьезно заниматься решением экологических проблем была предметом серьезного обсуждения. Он утверждает, что, несмотря на распространение экологической риторики, фактическое применение зеленых ценностей, таких как экологическая устойчивость, децентрализация, низовая демократия и социальная справедливость, все чаще рассматриваются как барьеры для практических проблем [21].

Основные конструктивные тенденции в политической экологии постмодерна базируются на концепциях Жюлья Делеза и Феликса Гваттари. Эти мыслители создали то, что они иногда называют геофилософией или экософией, которые проповедуют «интеллектуальный материализм», основанный на идее, что природный мир разумен в смысле самоорганизации [23, p. 516].

В российской политической мысли представителями политической экологии являются Ю. Климов [9], А. Буровский, С. Якуцени [3], В.А. Волков, Д.В. Афиногенов [1], Г.В. Косов, А.И. Костин [11], Д.В. Ефременко [7] и др.

Российские политологи политическую экологию иногда трактуют как эколоитологию. «Экополитология (политическая экология — political ecology) — формирующееся направление политической науки, раскрывающее особенности политического процесса в условиях нарастающей экологической опасности. Она исследует политические формы и средства адаптации отдельных обществ и человеческой цивилизации в целом к экологическим императивам, изыскивающие политические механизмы, методы и направления регулирования экологических взаимозависимостей» [14].

Три важных фактора влияют на развитие политической экологии.

Если экологический кризис будет усугубляться, то будут актуальными направления, связанные с усилением регулирующих функций. Вполне вероятно, что будет расти значение более радикальной политической экологии, такой как экосоциализм, эконоанархизм, экоефеминизм, вплоть до экованитаризма.

Вторым фактором в развитии политической экологии будет продолжающийся рост экономической глобализации и ее огромное влияние на международный баланс сил. Существует растущее осознание того, что, поскольку экологические проблемы должны решаться, учитывая их местные, региональные и глобальные аспекты, требуется политика, которая рассматривает все эти уровни.

Принцип экологической справедливости, характерный для экологических движений в странах Севера, сосредоточен на тяжелом положении обездоленных меньшинств глобального Юга. Учитывая масштабы возникающих экологических проблем, можно предположить, что экологическая политика «Первого мира» в будущем будет больше учитывать общественный интерес.

Последним важным фактором в определении будущего политической экологии будет развитие диалектической связи между институционализацией экологической политики и ее критиками в лице оппозиционных структур. Экологическая политика во все большей степени интегрируется в институциональных структурах национальных государств и глобальной экономики, и язык и понятия политической экологии должны быть приняты и актуализированы в политических и теоретических дискурсах современной политики. Ожидается, что политическая экология может играть растущую теоретическую роль по отношению к идеологическим установкам.

Политическая экология рассматривает государства в качестве главных субъектов внешней экологической политики. Значимым концептом политической экологии становится концепт «экоцида», «эковойны» [28], в рамках которого рассматриваются конфликты с применением оружия, разрушающего природную среду, — ядерного, бактериологического, химического, геофизического [9, с. 173]. Экологические войны, экологический терроризм, ведущиеся против конкретного противника в ограниченном регионе, несут угрозу всему человечеству, вследствие принципиально глобальных эффектов от региональных и даже точечных акций.

Большим эвристическим потенциалом обладает понятие экополитического пространства, в котором, с одной стороны, формируются новые субъекты экологической политики, с другой стороны, происходит столкновение геополитических сил [1]. Экополитическим пространством в пределе является вся наша планета. В региональном плане экополитическое пространство представляет собой сферу общего интереса, защиты и безопасности.

Внутри государства также нарастают противоречия экологического характера. Ископаемые виды топлива, нефть требуют создания централизованных иерархических инфраструктур для обеспечения добычи, транспортировки, переработки. Создание монополий, транснациональных корпораций приводит к развитию противоречий между государством и бизнесом. Олигархические структуры конкурируют с государством в формировании как внутренней политики, так и внешней. Контроль над запасами сырьевых ресурсов является главной заботой государств и экономических структур.

Государство, реализуя свое социальное содержание, с неизбежностью должно становиться экологическим государством. Экологическое государство является общим делом всего народа: прошлого, настоящего и будущего. Защита будущих поколений заключена в лоне природы. Защита прошлых поколений заключена в достоинстве современного поколения. Экологическое государство реализует себя через принцип: защищая весь жизненный мир, защищаешь себя. Этот принцип противоположен принципу национал-социального современного государства: защищая себя, сохраняешь мир.

Экологическое государство синтезирует в себе единство многообразия единичных ресурсных интересов и всеобщих целей защиты жизненного мира. Понятие экологического государства фокусирует в себе богатство политико-экологической проблематики.

Экологическое государство задает пространство нравственного отношения к природе. Понятие «экологический императив» введено Н. Н. Моисеевым для того, чтобы выявить нравственный потенциал политической экологии.

Экологическая политика вырастает из определенного миропонимания, базирующегося на той или иной парадигме. Под экологической политикой следует понимать деятельность социальных институтов по разрешению конфликтов, противоречий, угрожающих свободе политических сообществ в сфере взаимодействия общества и природы.

Экологическая политика — относительно старое изобретение, и она может опираться и реализовываться в разных парадигмах. Свою современную форму экологическая политика приобрела в XX в., развиваясь в лоне национально-экономической парадигмы, но развитую, адекватную форму она должна приобрести в рамках экологической парадигмы.

В конечном итоге существуют два типа экологической политики. Первый тип формируется в рамках парадигмы, чуждой экологической проблематики. Экологическое государство формирует второй тип экологической политики, опирающийся на составляющие экологической политической парадигмы. Субъектами этих политик могут быть самые различные образования, имеющие разные цели и ценности. В то же время эти два типа политики фундаментально противоположны. Если первый тип экологической политики преследует экономическую выгоду и экономические предпочтения, то политика экологического государства опирается на необходимость сохранения и защиты глобального баланса в осуществлении хозяйственной деятельности всех политических субъектов. Дальнейшая классификация и типология экологической политики должны опираться на понимание экологической природы происходящих политических процессов. Определить существование этих процессов и является задачей политической экологии.

Литература

1. Афиногенов Д. В., Волков В. А. Экополитические пространства — новые политические измерения // *Общественные науки и современность*. 2000. № 3. С. 59–67.
2. Борисов Н. А., Волков В. А. Экологическая парадигма как основание политической экологии // *Власть*. 2013. № 2. С. 167–170.
3. Буровский А., Якуцени С. *Политическая экология*. СПб., 2010.
4. Вернадский В. И. *Размышления натуралиста. Пространство и время в неживой и живой природе*. М., 1975.
5. Волков В. А. Методологические основания разрешения социальных конфликтов // *Управленческое консультирование*. 2010. № 2. С. 91.
6. Данилов-Данилян В. И., Залиханов М. Ч., Лосев К. С. *Экологическая безопасность. Общие принципы и российский аспект*. М.: Изд-во Междунар. независ. эколого-политологич. ун-та, 2001.
7. Ефременко Д. В. *Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция*. М.: ИНИОН РАН, 2006.
8. Ефременко Д. В. *Возникновение и эволюция предметной области экополитологии в контексте политических проблем глобального развития: Автореф. дисс. ... д-ра полит. наук*. М., 2007. С. 18.
9. Климов Ю. *Политическая экология — новое научное направление // *Общественные науки и современность**. 1992. № 6.
10. Кобылянский В. А. *Философия экологии: общая теория экологии, геоэкология, биоэкология*. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2003. С. 12.
11. Костин А. И. *Экополитика и глобалистика*. М., 2005.
12. Кочеткова Е. В. *Политические проблемы глобальной экологической безопасности: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук*. М., 2010.
13. Мирзоян Э. Н. *Становление экологических концепций в СССР: Семь выдающихся теорий (Д. Н. Кашкаров, В. В. Станчинский, С. А. Северцов, В. Н. Беклемишев, Л. Г. Раменский, Р. Ф. Геккер, Л. С. Берг)*. М., 2013.
14. Мунтян М. А. *Экологическая политика: [Электронный ресурс]*. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-266036.html> (дата обращения: 10.02.2013).
15. Муравых А. И. *Государственная экологическая политика*. М.: Изд-во РАГС, 2003. С. 7.
16. Осокин Р. В. *Политическое манипулирование в сфере экологической безопасности в современной России: Автореф. дисс. ... канд. полит. наук*. Саратов, 2008. С. 14.
17. *Политология: Энциклопедич. слов. / Общ. ред. и сост. Ю. И. Аверьянов*. М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993.
18. *Приоритеты национальной экологической политики России / Под ред. В. М. Захарова*. М.: Наука, 1999. С. 7.
19. Anderson T., Leal D. *Free market environmentalism*. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001.
20. Bliese J. *The greening of conservative America*. Boulder, CO.: Westview Press, 2002.
21. Blühdorn I. *Post-ecologist politics: social theory and the abdication of the ecologist paradigm*. London: Routledge, 2001.
22. Bryant R. L., Bailey S. *Third World Political Ecology*. Routledge, 1997. P. 28.
23. Clark J. P. *Political Ecology. Encyclopedia of Applied Ethics. 2nd ed. Vol. 3*. San Diego: Academic Press, 2012.
24. De-Shalit A. *The environment: between theory and practice*. Oxford: Oxford University Press, 2000.
25. Dobson A., Eckersley R. *Political theory and the ecological challenge*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
26. Hawken P. *et al.* *Natural capitalism: creating the next industrial revolution*. Boston: Little, Brown and Co, 1999.
27. Jonas H. *Das Prinzip Verantwortung*. Frankfurt am Main, 1984. S. 26–27.
28. Le Billon Ph. *The political ecology of war: natural resources and armed conflicts. Political Geography* 20 (2001). P. 561–584.

References

1. Afinogenov D. V., Volkov V. A. *Eco-political spaces — new political measurements* [Экополитические пространства — новые политические измерения] // *Social sciences and the present [Obshchestvennyye nauki i sovremennost']*. 2000. N 3. P. 59–67

2. Borisov N.A., Volkov V.A. *Ecology paradigm as basis of political ecology* [Ekologicheskaya paradigma kak osnovanie politicheskoi ekologii] // Power [Vlast']. 2013. N 2. P. 167–170.
3. Burovsky A., Yakutseni S. *Political ecology* [Politicheskaya ekologiya]. SPb., 2010.
4. Vernadsky V.I. *Reflections of the naturalist. Space and time in lifeless and wildlife* [Razmyshleniya naturalista. Prostranstvo i vremya v nezivoi i zhivoi prirode]. M., 1975.
5. Volkov V.A. *Methodological bases of permission of the social conflicts* [Metodologicheskie osnovaniya razresheniya sotsial'nykh konfliktov] // Administrative consultation [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. N 2.
6. Danilov-Danilyan V.I., Zalikhonov M. Ch., Losev K.S. *Ecological safety. General principles and Russian aspect* [Ekologicheskaya bezopasnost'. Obshchie printsiipy i rossiiskii aspekt]. M.: Publishing house of the International Independent University of Environmental and Political Sciences [Izd-vo Mezhdunar. nezavis. ekologo-politologich. un-ta], 2001.
7. Efremenko D.V. *Ecology and political discourses. Emergence and evolution* [Ekologo-politicheskie diskursy. Vozniknovenie i evolyutsiya]. M.: INION RAS, 2006.
8. Efremenko D.V. *Emergence and evolution of subject domain of eco-political science in a context of political problems of global development: doctoral dissertation abstract* [Vozniknovenie i evolyutsiya predmetnoi oblasti ekopolitologii v kontekste politicheskikh problem global'nogo razvitiya: Avtoref. dis. ... d-ra polit. nauk]. M., 2007.
9. Klimov Yu. *Political ecology — the new scientific direction* [Politicheskaya ekologiya — novoe nauchnoe napravlenie] // Social sciences and the present [Obshchestvennye nauki i sovremenost']. 1992. N 6.
10. Kobilyansky V.A. *Philosophy of ecology: general theory of ecology, geo-ecology, bio-ecology* [Filosofiya ekologii: obshchaya teoriya ekologii, geoekologiya, bioekologiya]. M.: FAIR-PRESS, 2003.
11. Kostin A.I. *Eco-politics and global studies* [Ekopolitika i globalistika]. M., 2005.
12. Kochetkova E.V. *Political problems of global ecological safety: dissertation abstract* [Politicheskie problemy global'noi ekologicheskoi bezopasnosti: Avtoref. diss. ... kandidata politicheskikh nauk]. M., 2010.
13. Mirzoyan E.N. *Formation of ecological concepts in the USSR: Seven outstanding theories (D. N. Kashkarov, V. V. Stanchinsky, S. A. Severtsov, V. N. Beklemishev, L. G. Ramensky, R. F. Gekker, L. S. Berg)* [Stanovlenie ekologicheskikh kontseptsii v SSSR: Sem' vydayushchikhsya teorii (D. N. Kashkarov, V. V. Stanchinskii, S. A. Severtsov, V. N. Beklemishev, L. G. Ramenskii, R. F. Gekker, L. S. Berg)]. M., 2013.
14. Muntyan M.A. *Ecological policy* [Ekologicheskaya politika]: [Electronic resource] URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-266036.html> (date of the address 10.02.2013) (in Russ.).
15. Muravykh A.I. *State ecological policy* [Gosudarstvennaya ekologicheskaya politika]. M.: RAGS publishing house, 2003.
16. Osokin R.V. *Political manipulation in the sphere of ecological safety in modern Russia: dissertation abstract* [Politicheskoe manipulirovanie v sfere ekologicheskoi bezopasnosti v sovremennoi Rossii: Avtoref. dis. ... kandidata politicheskikh nauk]. Saratov, 2008.
17. *Political science: Encyclopedic dictionary* [Politologiya: Entsiklopedicheskii slovar'] / General edition Yu.I. Averyanov. M.: Publishing house of Moscow Commercial University [Izd-vo Moskovskogo kommercheskogo un-ta], 1993.
18. *Priorities of national ecological policy of Russia* [Prioritety natsional'noi ekologicheskoi politiki Rossii] / Under the editorship of V.M. Zakharov. M.: Science [Nauka], 1999. P. 7.
19. *Anderson T., Leal D.* Free market environmentalism. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2001.
20. *Bliese J.* The greening of conservative America. Boulder, CO.: Westview Press, 2002.
21. *Blühdorn I.* Post-ecologist politics: social theory and the abdication of the ecologist paradigm. London: Routledge, 2001.
22. *Bryant R.L., Bailey S.* Third World Political Ecology. Routledge, 1997. P. 28.
23. *Clark J.P.* Political Ecology. Encyclopedia of Applied Ethics. 2nd ed. Vol. 3. San Diego: Academic Press, 2012.
24. *De-Shalit A.* The environment: between theory and practice. Oxford: Oxford University Press, 2000.
25. *Dobson A., Eckersley R.* Political theory and the ecological challenge. Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
26. *Hawken P. et al.* Natural capitalism: creating the next industrial revolution. Boston: Little, Brown and Co, 1999.
27. *Jonas H.* Das Prinzip Verantwortung. Frankfurt am Main, 1984. S. 26–27.
28. *Le Billon Ph.* The political ecology of war: natural resources and armed conflicts. Political Geography 20 (2001). P. 561–584.

Дискурс национализма в политическом процессе современной России

(на материале избирательных кампаний выборов депутатов Государственной Думы РФ V и VI созывов)

Кугай Александр Иванович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры истории и политологии
Доктор философских наук, профессор
Kugay3@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья основана на материале избирательных кампаний выборов депутатов Государственной Думы РФ V и VI созывов, раскрываются установки политических партий по национальному вопросу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

национализм, этноцентризм, гражданская нация, политический дискурс, дискурс национализма

Kugay A. I.

Nationalism Discourse in Political Process of Modern Russia (on a Material of Election Campaigns in the State Duma of the Russian Federation of V and VI Convocations)

Kugay Alexander Ivanovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Professor of the Chair of History and Political Science
Doctor of Science (Philosophy), Professor
Kugay3@yandex.ru

ABSTRACT

Article is based on the material of the election campaigns of elections of deputies of the State Duma of the Russian Federation V and VI convocation disclosed installation of political parties on the national question.

KEYWORDS

nationalism, ethnocentrism, civic nation, political discourse, the discourse of nationalism

Этнический национализм — сей базовый принцип построения Российской империи [4] с новой силой завил о себе в последние десятилетия.

1. Этнический национализм стал решающим фактором распада СССР, раскроенного по этническим границам союзных республик и разорванного по ним, причиной этноцентризма во вновь созданных государствах.
2. После распада Советского Союза Российская Федерация сохранила «все прелести» этнонационализма. Остановленная ценой больших жертв вооруженная сессия в Чечне, межэтнические столкновения в Кондопоге (август 2006 г.), Туапсе (2010 г.), на Манежной площади (декабрь 2010 г.), в Сагре (2011 г.), Пугачеве (2013 г.), Бирюлеве (2013 г.) — лишь знаковые события, свидетельствующие о кризисе межнациональных отношений в Российской Федерации,

в националистической революции заинтересованы наши геополитические оппоненты¹

Особую остроту национальный вопрос обретает в ходе избирательных кампаний в органы государственной власти, где определяется политический курс развития страны. Каковы взгляды на национальную политику основных игроков политического процесса в Российской Федерации? Обратимся в этой связи к дискурсу политических партий, участвовавших в избирательных кампаниях выборов депутатов Государственной Думы РФ V и VI созывов.

Ведь дискурс представляет собой не просто отдельные высказывания, запечатленные в программных установках партий, но выступает как способ формирования социально-политической реальности. Как заметил М. Бубер, «слова не обозначают нечто, существующее вне их, но будучи произнесены, они порождают существование» [2, с. 6]. М. Фуко обратил внимание на особенность дискурса, его ориентацию на желаемое благо: «Дискурс предстает как благо — конечное, предельное, желаемое и полезное, — имеющее кроме своих правил появления также и свои собственные условия присвоения и использования» [6, с. 233]. Отсюда становится ясно, что «с момента своего существования (а не только в своих «практических применениях») он предстает как благо исходя из которого ставится вопрос о власти, как благо, которое по своей природе есть объект борьбы, и борьбы политической» [Там же, с. 208]. Развивая методологический подход М. Фуко, а также опираясь на аристотелевскую традицию, трактующую политику как деятельность, направленную на достижение общего блага, мы трактуем политический дискурс как систему значений, определяющих представления людей об общем благе и путях его достижения. И в этом плане дискурс национализма есть представление акторов политического процесса об основаниях желаемой макрополитической идентичности России. Не случайно национальный вопрос стоял на переднем плане в царской Российской империи, включался в повестку всех съездов РСДРП, РСДРП (б), РКП (б), ВКП (б), КПСС. Статья В. В. Путина «Россия: национальный вопрос» ознаменовала начало его предвыборной кампании в Президенты Российской Федерации². Заметим, что в отечественной культурной традиции слово «национализм» несло в себе исключительно негативные коннотации, приближаясь к шовинизму и ксенофобии, делая акцент на национальном превосходстве и национальном антагонизме³.

Между тем, в современной науке национализм трактуется в широком диапазоне, прежде всего в прагматическом ключе — как мобилизационный ресурс [3]. Известно, что все аналогии относительны, как говорят: «Что такое брак? Хорошую вещь браком не назовешь, но все же большинство людей в брак вступают». Следуя

¹ «Вашингтон пытается оказывать давление на неудобные ему политические режимы, подерживая оппозицию под националистическим флагом», — считает исполнительный директор Института Рона Пола за мир и процветание Дэниэл Макадамс. «Это позволяет убедить людей, что они борются за патриотическую идею», — пояснил он. Эксперт назвал такой механизм «машиной цветных революций». При этом Макадамс считает это очевидным вмешательством американских властей в дела других государств и примером двойных стандартов, поскольку вмешательства в свои дела Вашингтон не приемлет (*America–Russia. Towards Political, Security, and Economic Alliance*. 30.07.2013: [Электронный ресурс]. URL: <http://translate.google.ru/en/ru/America-Russia.%20Towards%20Political%2C%20Security%2C%20and%20Economic%20Alliance> (дата обращения: 17.11.2013)).

² Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 23.01.2012.

³ К примеру, «Современный толковый словарь русского языка» под ред. С. А. Кузнецова (СПб.: Норинт, 2001) определяет национализм как «идеологию и политику, исходящую из национального превосходства и противопоставления своей нации другим». Схожие определения дают «Большой энциклопедический словарь» под ред. А. М. Прохорова (М.: Большая российская энциклопедия, 2004), «Новый словарь русского языка» под ред. Т. Ф. Ефремовой (М.: Русский язык, 2000) и др.

этой аналогии, необходимо не рассуждать, плох или хорош национализм, но анализировать, какой политики и практики придерживаются его сторонники.

В пространстве конкурирующих дискурсов по национальному вопросу в России основное размежевание проходит между дискурсом гражданского и этнического национализма, поскольку этнонациональный дискурс лежит в основе как имперского, так и многонационального, евразийского и панславянского представлений о нациестроительстве в России. Иными словами, в качестве структурообразующих политическую практику следует признать дискурсы этнического и гражданского национализма.

С позиции дискурса этнического национализма нацию образует органическое единство людей, обладающих общей генетической или культурной природой. «Общее наследие, язык, религия, традиция, история, кровная связь на основе общности происхождения, эмоциональная привязанность к земле, так что все вместе они образуют один народ или сверх-семью, кровнородственное сообщество» [5, с. 464]. В этом случае нация трактуется как социально-экономическая, культурно-политическая и духовная общность людей, сложившаяся в результате становления государства, фаза развития этноса (по ступеням: род—племя—народность).

Дискурс гражданского национализма принадлежность человека к нации определяет на основе добровольного личного выбора. Людей объединяет равный политический статус как граждан, равенство перед законом, личное желание участвовать в политической жизни нации, приверженность к общим политическим ценностям, желание жить рядом друг с другом на единой территории. В дискурсе гражданского национализма «нация рассматривается как социально сконструированное сообщество, воображаемое людьми, воспринимающими себя как его часть» [1, с. 30].

Для анализа дискурса политических партий, участвующих на выборах в Государственную Думу V и VI созывов, на предмет их отношения к национальному облику России прибегнем к методу семантического анализа, единицами измерения которого является содержание суждений и умозаключений, представленных в предвыборных программах (рис. 1).

Согласно информации Федеральной регистрационной службы 15 политических партий в соответствии с требованиями п. 2 ст. 36 Федерального закона «О политических партиях» таким образом имели право участвовать в выборах в Государственную Думу в 2007 г.: «Единая Россия», «КПРФ», «ЛДПР», «Справедливая Россия», «Родина», «Пенсионеры», «Жизнь», «Яблоко», «Гражданская сила», «Аграрная партия России», «Союз правых сил», «Патриоты», «Партия социальной справедливости», «Демократическая партия России»¹.

¹ *Предвыборная программа партии «Яблоко» — программа создания сильной России. Семь шагов к равенству возможностей // Российская газета. 14.11.2007; Предвыборная программа политической партии «Справедливая Россия: Родина/Пенсионеры/Жизнь». 20.11.2007: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/11/22/sr.html> (дата обращения: 16.11.2013); Предвыборная программа партии «Единая Россия». 1 октября 2007 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://bashkortostan.er.ru/party/PredvybornayaProgrammaPartii/> (дата обращения: 16.11.2013); Предвыборная программа «Гражданская сила», выборы депутатов 2007 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://gr-sila.ru/index.php/12-novost/partiya-v-dejstvii/18-partiya-grazhdanskaya-sila-poluchila-ofitsialnoe-svidetelstvo-o-registratsii> (дата обращения: 16.11.2013); Предвыборная программа партии «ЛДПР» // Российская газета. 28.11.2007: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rg.ru/2007/11/28/zhirinovskii.html> (дата обращения: 16.11.2013); Предвыборная программа «Аграрной партии России», выборы депутатов 2007 г. // Российская газета. 09.11.2007; Предвыборная программа политической партии «Союз правых сил». 21 сентября 2007 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sps.ru/?id=222854> (дата обращения: 16.11.2013); Предвыборная программа партии «Патриоты» // Российская газета. 07.11.2007; Предвыборная программа «Партии социальной справедливости» // Российская газета. 09.11.2007; Предвыборная программа «Демократической партии России» // Российская газета. 16.11.2013.*

ЛДПР	Единая Россия
<p>Суждения, относящиеся к этнонационалистической идеологии</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) «Придать <i>русскому народу</i> статус государствообразующей нации» 2) «Создать в Москве и других городах страны <i>Русские Дома</i> как центры русской культуры» 3) «Создать <i>Русский</i> национальный телеканал в федеральной сетке вещания, который бы отражал историю и современное состояние <i>русского народа</i>» 	<p>Суждения, относящиеся к гражданскому национализму</p> <ol style="list-style-type: none"> 1) «Россия не раз добивалась настоящих прорывов, достойных ее величия, достойных силы и таланта нашего народа, богатства нашей культуры, общих ценностей, которые скрепляют <i>единую и неделимую российскую нацию</i>, единую и неделимую Россию». 2) «<i>Российский бизнес</i> — должен быть социально ответственным. Жить в едином ритме и <i>едиными заботами с нашей страной — с Россией</i>. Активно инвестировать в образование и подготовку кадров, в новые социальные проекты, в <i>российскую культуру</i>».

Рис. 1. Семантический анализ (пример суждений)

На сентябрь 2011 г. семь существующих политических партий («Справедливая Россия», «ЛДПР», «Патриоты России», КПРФ, «Яблоко», «Единая Россия», «Правое дело») были зарегистрированы Центризбиркомом в качестве участников выборов депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации VI созыва¹.

Таким образом, анализ дискурса программных положений политических партий, играющих ведущую роль в политическом процессе России, свидетельствует о том, что (рис. 2, 3, 4; табл. 1, 2):

1. в сравнении с 2007 г. в 2011 г. произошло резкое возрастание дискурса национализма. Это свидетельствует о том, что политический выбор развития России основные субъекты политического процесса связывают с решением национального вопроса;

¹ Предвыборная программа РОДП «Яблоко» на выборах депутатов Государственной Думы ФС РФ VI созыва: [Электронный ресурс]. URL: http://www.yabloko.ru/content/rossiya_trebuets_rezumen (дата обращения: 18.11.2013); Предвыборная программа партии «Справедливая Россия», выборы депутатов 2011 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://yavibrall.ru/?page=3&news_id=14 (дата обращения: 18.11.2013); Предвыборная программа партии «КПРФ», выборы депутатов 2011 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://kprf.ru/crisis/offer/97653.html> (дата обращения: 18.11.2013); Предвыборная программа ЛДПР, выборы депутатов 2011 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://yavibrall.ru/?page=3&news_id=13 (дата обращения: 18.11.2013); Предвыборная программа партии «Единая Россия», выборы депутатов 2011 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://yavibrall.ru/?page=3&news_id=12 (дата обращения: 18.11.2013); Доклад Г. Ю. Семигина на первом этапе IX (внеочередного) Съезда политической партии «Патриоты России» «Об основных положениях предвыборной программы политической партии «Патриоты России»: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriot-rus.ru/dokumenty/resheniya-sezdov/ix-sezd-partii-3-sentyabrya-2011-goda-pervyj-etap/doklad-g.yu.-semigina-na-pervom-etape-ix-vneocherednogo-sezda-politicheskoy-partii-patrioty-rossii.html> (дата обращения: 18.11.2013); Предвыборная программа партии «Правое дело», выборы депутатов 2011 г.: [Электронный ресурс]. URL: <http://pzarch.h1.ru/election2011/zs2011sprad.htm> (дата обращения: 18.11.2013); Предвыборная программа Всероссийской политической партии «Единая Россия» на выборы депутатов Государственной Думы Федерального собрания Российской Федерации шестого созыва: [Электронный ресурс]. URL: <http://er.ru/party/program/> (дата обращения: 18.11.2013).

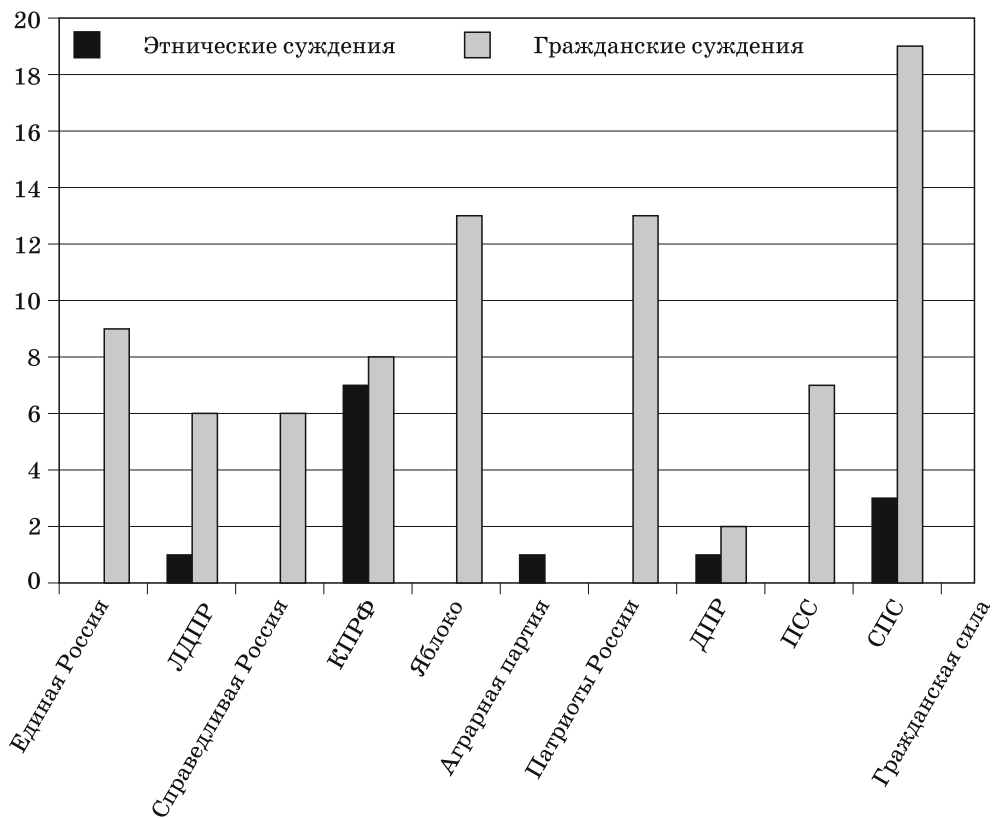

Рис. 2. Сравнительная гистограмма этнического и гражданского национализма на выборах в 2007 г.

Таблица 1

Результаты выборов в Государственную Думу V созыва

Место	Партия	Голоса	%	Мест в Думе
1	Единая Россия	44 714 241	64,30%	315
2	КПРФ	8 046 886	11,57%	57
3	ЛДПР	5 660 823	8,14%	48
4	Справедливая Россия	5 383 639	7,74%	38
5	АПР	1 600 234	2,30%	0
6	Яблоко	1 108 985	1,59%	0
7	Гражданская сила	733 604	1,05%	0
8	СПС	669 444	0,96%	0
9	Патриоты России	615 417	0,89%	0
10	ПСС	154 083	0,22%	0
11	ДПР	89 780	0,13%	0
Всего явка		69 537 065	100%	450

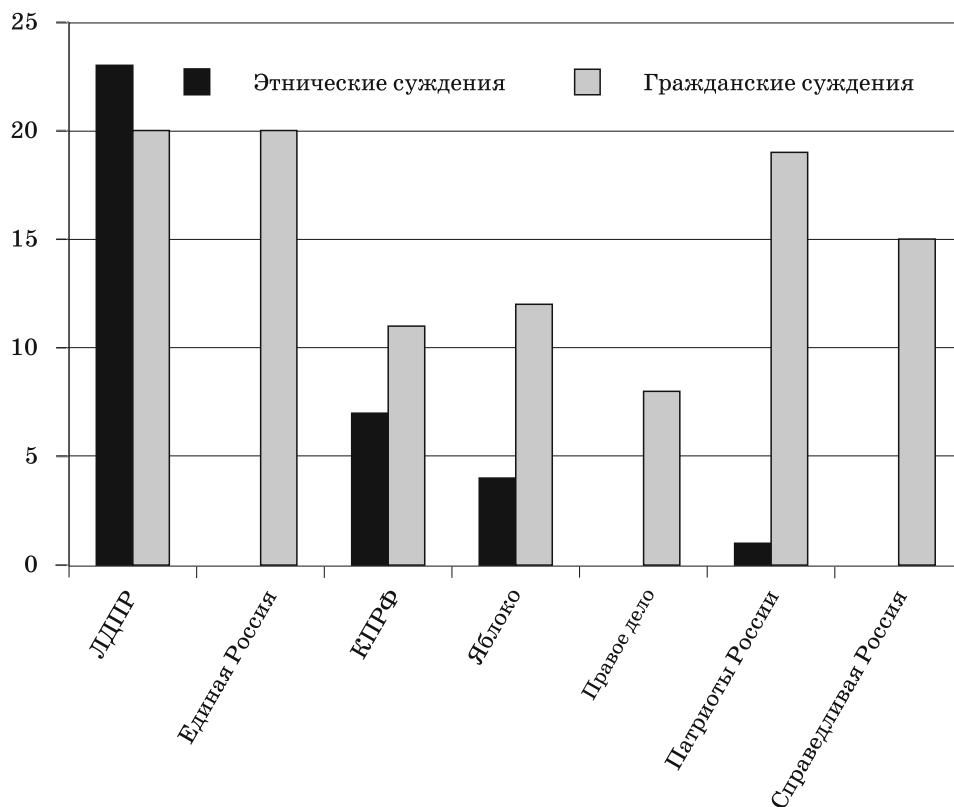

Рис. 3. Сравнительная гистограмма этнического и гражданского национализма на выборах в 2011 г.

Таблица 2

Результаты выборов в Государственную Думу VI созыва

Место	Партия	Голоса	%	Мест в Думе	Сравнительно с выборами в 2007г. (в %)	
					Абсолютная разница	Относительная разница
1	«Единая Россия»	32 379 135	49,32	238	▼ 14,98	▼ 27,70
2	КПРФ	12 599 507	19,19	92	▲ 7,62	▲ 56,50
3	«Справедливая Россия»	8 695 522	13,24	64	▲ 5,50	▲ 61,40
4	ЛДПР	7 664 570	11,67	56	▲ 3,53	▲ 5,30
5	«Яблоко»	2 252 403	3,43	0	▲ 1,84	▲ 103
6	«Патриоты России»	639 119	0,97	0	▲ 0,08	▲ 3,79
7	«Правое дело»	392 806	0,60	0	▼ 1,54	▼ 72,00

2. в своем большинстве на выборах в Государственную Думу Российской Федерации V и VI созывов избиратели не поддержали этнонационалистическую идеологию развития России, представленную в программных установках политических

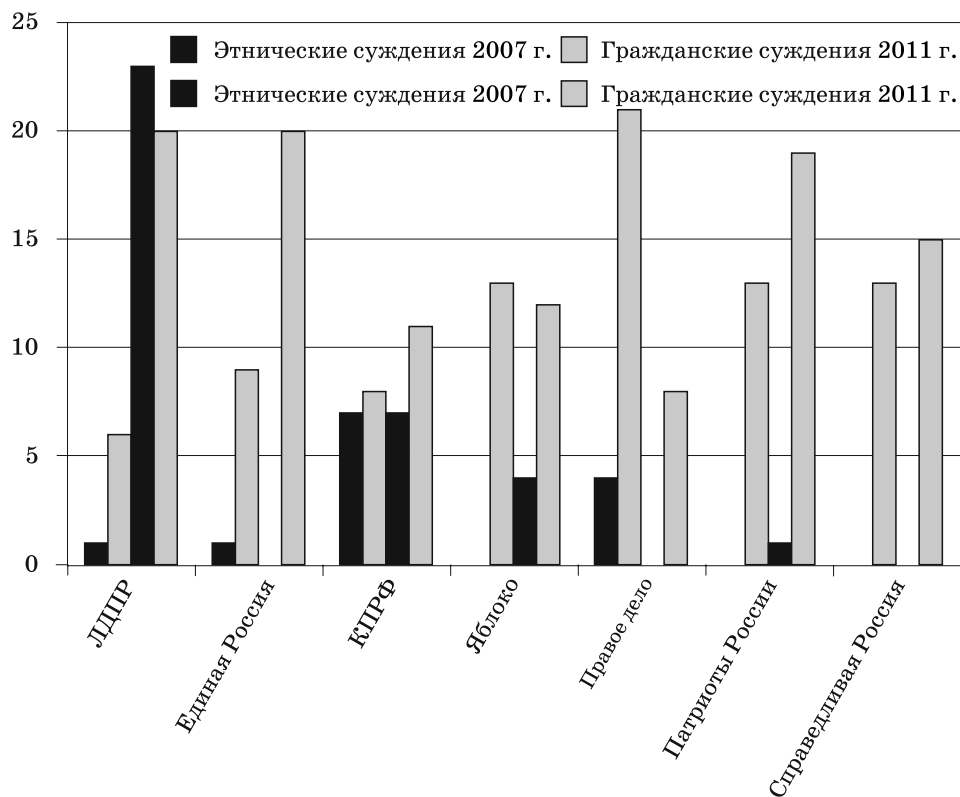

Рис. 4. Сравнительная гистограмма (предвыборные кампании 2007 и 2011 гг.)

- партий («ЛДПР», «Патриоты России»), понимая, что этнонационализм и этноцентризм угрожают национальной безопасности, препятствуют поступательному развитию общества, ведут к распаду российского государства;
- политическая история распорядилась таким образом, что в авангарде цивилизационного развития оказались не моноэтнические государственные образования и мультикультурные империи, а полиэтнические государства — гражданские нации, обеспечивающие верховенство: права и закона; единых технологических стандартов в экономической, социальной и образовательной сферах; свободное движение капитала и рабочей силы по всей территории государства;
 - доминирование в политическом пространстве дискурса гражданской нации является необходимым условием создания макрополитической идентичности, образованной поверх этнокультурных различий российской нации, обеспечивающей бесконфликтное существование ее граждан;
 - несмотря на острую критику нынешнего состава Государственной Думы, в заслугу ей можно поставить то, что в ней преобладают представители партий, рассматривающих национальные отношения с позиции дискурса гражданской нации. Следующий шаг — обеспечение господства дискурса гражданской нации на уровнях региональной и муниципальной властей, в правоохранительных органах, в СМИ, в системе воспитания и образования.

Литература

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 с.
2. Бубер М. Я и Ты / Пер. с нем. Ю. С. Терентьева, Н. Файгольда / Послесл. П. С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. 175 с.
3. Гринфельд Л. Пять путей к современности. М.: ПЕР СЭ, 2008. 538 с.
4. Кугай А. И. Проблема нациестроительства в свете концепции М. В. Ломоносова // Управленческое консультирование. 2012. № 2. С. 32–38.
5. Смит Э. Национализм и модернизм: Критический обзор современных теорий наций и национализма / Пер. с англ. А. В. Смирнова, Ю. В. Филиппова, Э. С. Загашвили, И. Окуневой. М.: Праксис, 2004. 464 с. (Новая наука политики).
6. Фуко М. Археология знания / Пер. с фр.; Общ. ред. Б. Левченко. К.: Ника-Центр, 1996. 208 с.

References

1. Anderson B. *Imagined communities* [Voo Brazhaemye soobshchestva]. M.: Canon-Press C; Kuchkovo field [Kanon-Press-Ts, Kuchkovo pole], 2001. 288 p.
2. Buber M. *I and You* [Ya i Ty] / Transl. from German Yu. S. Terentyev, N. Fayigold / Afterword P. S. Gurevich. M.: The higher school [Vysshaya shkola], 1993. 175 p.
3. Grinfeld L. *Five ways to the present* [Pyat' putei k sovremennosti]. M.: PER SE, 2008. 538 p.
4. Kugay A. I. *The problem of a nation-building in the light of M. V. Lomonosov's concept* [Problema natsiestroitel'stva v svete kontseptsii M. V. Lomonosova] // Administrative consultation [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2012. N 2. P. 32–38.
5. Smith A. *Nationalism and Modernism: Critical review of modern theories of the nations and nationalism* [Natsionalizm i modernizm: Kriticheskii obzor sovremennykh teorii natsii i natsionalizma] / Transl. from English A. V. Smirnov, Yu. V. Filippov, E. S. Zagashvili, I. Okuneva. M.: Praksis (New Science of Policy series), 2004. (Novaya nauka politiki). 464 p.
6. Foucault M. *Archeology of Knowledge* [Arkheologiya znaniya] / Transl. from French; General edition ship B. Levchenko. K.: Nika-Center [Nika-Tsentr], 1996. 208 p.

Внешняя политика ЕС в контексте дебатов о Европейской глобальной стратегии

Буланакова Мария Александровна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международных отношений
Кандидат исторических наук
mashbulanakova@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена характеристике основных проблем, с которыми сталкивается ЕС в ходе формирования активной внешней политики в контексте укрепления позиций суверенных игроков в области международного сотрудничества и внешнеполитической деятельности. Решение перспективных задач Общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) напрямую связано для Евросоюза с процессом формирования Глобальной стратегии. В статье отражены основные направления дискуссий по вопросам складывания стратегического курса ЕС в условиях кризиса с перспективой обеспечения глобальной роли союза в современных международных процессах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Европейская глобальная стратегия, внешнеполитическая деятельность ЕС, политика Европейского добрососедства, политика расширений, стратегическое партнерство, Poling&Sharing, ОВПБ-NATO

Bulanakova M. A.

Foreign Policy of EU in a Context of Debate about the European Global Strategy

Bulanakova Maria Aleksandrovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International Relations
PhD in History
mashbulanakova@yandex.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the characteristic of the main problems which EU faces during formation of active foreign policy in a context of strengthening of positions of sovereign players in the field of the international cooperation and foreign policy activity. The solution of perspective problems of OVPB is directly connected for the European Union with process of formation of Global Strategy, in article the main directions of discussions concerning folding of a strategic course of EU in the conditions of crisis with prospect of providing a global role of the Union in modern international processes are reflected.

KEYWORDS

European Global Strategy, European Global Strategy, European Global Strategy, European Global Strategy, Foreign affairs of EU, European Neighborhood Policy, Enlargement policy, strategic partnership, CFSP-NATO

В июле 2012 г. по инициативе министров иностранных дел Швеции, Польши, Испании и Италии получил развитие экспертный проект под названием Европейская глобальная стратегия (EGS). Проект стал пространством для широкой дискуссии по вопросам формирования новой внешнеполитической стратегии ЕС, отвечающей задачам глобального лидерства Европы на ближайшие десятилетия. Значение на-

стоящего проекта вряд ли можно переоценить, поскольку широкая международная экспертиза ресурсов и механизмов внешнеполитической активности ЕС представляется неотъемлемым элементом формирования эффективной внешнеполитической стратегии Евросоюза, в которой так нуждается эта наднациональная интеграционная система. Модернизация внешнеполитической деятельности ЕС представляется закономерным этапом политической интеграции ЕС, активированной Лиссабонским договором (2009), который закрепил за ЕС правовые перспективы внешнеполитической деятельности.

В реализации проекта «Европейская глобальная стратегия» принимают участие европейские исследовательские и экспертные центры (think tanks) в области международных отношений¹. В рамках этого проекта зародилась одна из самых активных политических дискуссий в ЕС о перспективах внешнеполитической деятельности союза.

Дискуссия включает несколько уровней анализа внешнеполитической деятельности ЕС и собственно интеграционных процессов в политической сфере и сфере безопасности Европы в целом.

В современных международных процессах Европейский союз оценивается участниками дискуссии как влиятельный актор, уверенно претендующий на позиции глобального полюса силы. Далеко не новичок в области международных отношений, Евросоюз является признанным лидером в реализации политики развивающего сотрудничества и гуманитарной помощи, остается крупнейшим в мире донором и торговым партнером. Однако, став по Лиссабонскому договору (2009) носителем международной правосубъектности, ЕС столкнулся с проблемой формирования собственной внешнеполитической концептуальной и инструментальной базы. Выстраивая свои внешнеполитические инициативы, Евросоюз в полной мере ощутил ограниченность компетенций наднациональной системы в области внешней политики.

Современное состояние внешнеполитической деятельности ЕС характеризуется кризисом устойчивых принципов внешней политики союза, сформировавшихся на протяжении всего предшествующего периода, начиная с момента становления интеграционной системы в послевоенной Европе, и получивших развитие в процессе складывания ОВПБ в качестве самостоятельного вектора политической интеграции в течение последних 20 лет. Среди устойчивых внешнеполитических принципов предшествующего периода следует отметить доминирование инструментов «мягкой силы» в вопросах внешней политики; зависимость ЕС от «стержневой» роли США в схеме европейской безопасности, а также неразвитость институциональной схемы внешнеполитической деятельности ЕС.

Процесс становления ЕС в качестве глобального игрока международных отношений определяется успешностью реализации целого ряда задач, связанных с регулированием и адаптацией к современным условиям внешнеполитических принципов ЕС. Во-первых, в сфере достижения баланса между «мягким» и «жестким» компонентом внешнеполитической активности ЕС, во-вторых, в ходе пересмотра характера и содержания евроатлантического партнерства и, в-третьих, в процессе институционализации внешнеполитических функций и механизмов ЕС и установления баланса наднациональных компетенций и возможностей суверенитета в области реализации внешнеполитических интересов.

Традиционным камнем преткновения на пути гармонизации внешней политики ЕС остается комплекс проблем, базирующихся на разногласиях в понимании по-

¹ *Istituto Affari Internazionali (IAI)*: [Электронный ресурс]. URL: www.iai.it; *Polish Institute of International Affairs (PISM)*: [Электронный ресурс]. URL: www.pism.pl; *Elcano Royal Institute for International and Strategic Studies*: [Электронный ресурс]. URL: www.realinstitutoelcano.org; *Swedish Institute of International Affairs (Ui)*: [Электронный ресурс]. URL: www.ui.se.

литики европейской безопасности и в целом стратегических целей ЕС, что в не-малой степени сдерживает рост глобальных интересов сильнейшего интеграционного объединения.

После признания в рамках Стратегии европейской безопасности (2003) в качестве основного ресурса внешней политики ЕС инструментов «мягкой силы» союз уверенно расширял свое присутствие в мире в качестве опоры западного международного порядка, успешно реализуя свои экономические интересы. Универсальная идея присутствия ЕС сводилась к распространению европейской социальной и интеграционной модели. Даже имея широкие возможности привлечения военного потенциала НАТО — на основе целого ряда соглашений между Североатлантическим альянсом и ЕС конца 1990-х — начала 2000-х гг., известных как «Берлин+», Союз делал ставку на гражданский компонент урегулирования и предупреждения кризисных ситуаций. Военная составляющая практически полностью оставалась в компетенции НАТО. За последние 13 лет ЕС организовал 27 миссий по урегулированию конфликтов, и только 8 из них носили военный характер¹.

По прошествии 10 лет упомянутая Стратегия безопасности (2003) оказалась неэффективной, а упор во внешней политике исключительно на ресурсы «мягкой силы» уже не обеспечивает в достаточной мере интересы ЕС в различных сферах мировой политики. На фундаментальные вопросы о том, каковы глобальные интересы и приоритеты ЕС, стратегия, по замечанию Тома Ренара, «не дает ответов... поскольку говорит о том, как, а не что делать» [2, с. 110].

Стремление ЕС выступать в качестве полюса силы на современном этапе требует от него в первую очередь укрепления военного компонента в структуре внешнеполитической деятельности, формирования устойчивого элемента «жесткой силы». Группа экспертов Института ЕС по исследованиям в области безопасности под руководством Антонио Миссироли в мае 2013 г. предоставила для Европейского совета доклад «Открывая будущее. Военный потенциал Европы 2013–2025: вызовы и пути развития», в котором отмечается тот факт, что базовые тренды мировой политики приводят ЕС к необходимости переосмысления собственных ресурсов в области обеспечения безопасности. К числу факторов, подталкивающих ЕС к изменению политики в области военного развития, эксперты называют процессы глобализации, приводящие к росту нестабильных зон вокруг ЕС; рост многополярности и снижение возможностей регулирования мировой системы; существенную динамику в развитии новых видов вооружения. В силу чего «не учитывать фактор военного влияния во внешней политике ЕС на современном этапе было бы крайне непредусмотрительно» [10, р. 16–17].

Реформирование военной составляющей внешней политики ЕС рассматривается как необходимый шаг союза в сторону усиления интеграционных процессов. Авторы доклада указывают, что «для суверенитета европейских государств их неучастие в процессах консолидации, интеграции собственных военных потенциалов на региональном уровне более губительны, чем усиление компетенций ЕС в области внешней политики...». Особо значимым вопросом представляется интегрирование военно-промышленных комплексов национальных государств в более устойчивую и широкую региональную систему [8, р. 52–56]. Существенной проблемой развития военного потенциала ЕС представляется многоуровневая координация, поскольку торговый, промышленный и исследовательский компоненты развития военного потенциала регулируются самыми различными департаментами Комиссии ЕС и частично Европейским оборонным агентством (EOA). Недостаточная

¹ *Catharina Klingspor*. Defining the purpose and coordinating the instruments for EU global action. 27 March 2013: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.europeanglobalstrategy.eu/nyheter/opinions/defining-the-purpose-and-coordinating-the-instruments-for-eu-global-action>.

координация, а порой и разночтения в деятельности европейских структур по вопросам общей безопасности тормозят процессы интеграции в области развития военного потенциала ЕС. Шагом на пути формирования результативной координации взаимодействия различных механизмов специалисты называют создание в 2011 г. Рабочей группы по оборонной промышленности и рынкам вооружений в Комиссии ЕС.

На практике, как отмечает Н. К. Арбатова, катализатором развития интеграционных инициатив в области общей политики безопасности и обороны стал опыт ливийской кампании, в которой ЕС оказался не способным использовать свой потенциал в сфере кризисного регулирования¹. Одновременно осознание роли военного компонента внешнеполитической деятельности ЕС крепнет под влиянием экономического кризиса и повсеместного сокращения оборонных бюджетов участниками ЕС. В подобных условиях союз пытается использовать механизмы интеграционного взаимодействия — *Polling&Sharing* (распределяя, совместно используя), «направленные на рациональное использование военных потенциалов стран на основе ролевой специализации». Сотрудничество европейских государств в области обороны на основе инструмента *Polling&Sharing*, сформулированное в рамках Гентской инициативы (2010), на текущий момент рассматривается Европейским оборонным агентством (ЕОА) в качестве ведущей линии партнерства в области вооружений². В итоговом докладе главы Европейского оборонного агентства Кэтрин Эштон от 15 октября 2013 г. указывается на необходимость развития долгосрочной стратегической программы или Дорожной карты по сотрудничеству европейских государств в области безопасности и вооружений, при этом инструмент *Polling&Sharing* рассматривается как важнейший инструмент сотрудничества государств ЕС в сфере укрепления военных потенциалов. Итоговый доклад ЕОА опубликован в преддверии декабрьского заседания Европейского совета по безопасности и обороне и содержит как общие характеристики состояния европейской безопасности, так и анализ перспективных линий ее развития. Инструмент *Polling&Sharing* представляется ресурсом сотрудничества в оборонном секторе по различным направлениям, включая координацию в области технического обеспечения авиации, формирование системы полевых госпиталей, создание школ и центров подготовки специалистов в области управления вооружениями, практические формы сотрудничества в области кибербезопасности и др. [11, р. 25–26].

Для развития военного потенциала и сотрудничества в области обороны стран — членов ЕС Лиссабонский договор также предусматривает возможность «постоянного структурированного партнерства», в соответствии с которым «страны, которые хотели развивать продвинутое военное сотрудничество и имели для этого возможности и ресурсы, могли его осуществлять» [1, с. 4]. Реализация таких инструментов, как *Polling&Sharing* или «постоянное структурированное партнерство», открывает возможности для преодоления стагнации в сфере военной интеграции и интеграции в области оборонного сотрудничества.

Жизненно важной задачей дальнейшего развития внешней политики Евросоюза признается необходимость переосмысления форматов евроатлантического партнерства и, прежде всего, взаимодействия ЕС и НАТО. При этом сотрудничество с НАТО понимается как неотъемлемый элемент более широкой и стратегически целостной модели европейской безопасности. Переосмысление механизмов и

¹ Арбатова Н. К. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского союза: Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 30 января 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/ru/sc/2013/300113_tez.pdf.

² EDA. Pooling & Sharing: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eda.europa.eu/Aboutus/Whatwedo/pooling-and-sharing>.

принципов сотрудничества ЕС и НАТО тесным образом связано с изменением международных условий этого сотрудничества, существенной институциональной и стратегической эволюцией этих международных игроков, а также с подъемом интереса ЕС к реализации собственной схемы безопасности в контексте формирования азиатских приоритетов внешней политики США [11, р. 1, 3, 6].

Традиционные механизмы сотрудничества ЕС — НАТО, зафиксированные в системе соглашений «Берлин+», пережили себя и в условиях новых геополитических реалий требуют существенного пересмотра. Йо Кэлм и Морис де Ланглуа указывают на то, что «иерархия отношений, сложившаяся между ОВПБ и НАТО на момент принятия «Берлин+», не прекратила их противостояния по вопросу о лидерских преимуществах в сфере европейской безопасности». Но в настоящий момент крайне непродуктивно вести разговоры об ослаблении позиций НАТО на европейском поле безопасности или о выходе США из военной структуры НАТО с целью возложить на европейцев всю сумму расходов организации по обеспечению ее задач. Реформирование отношений ОВПБ и НАТО должно проходить посредством дальнейшего усиления роли ЕС в Североатлантическом альянсе, а также посредством обеспечения роли государств — членов ЕС в реализации военного партнерства ЕС и НАТО [4, р. 5–6]. Принципы сотрудничества ЕС и НАТО, когда-то предложенные Мадлен Олбрайт, известные как 3D-модель, предполагали равноправное или недискриминационное сотрудничество НАТО и ЕС, не допускали дублирования функций этих структур в области европейской безопасности, а также определяли неразрывность их взаимодействия (no Discrimination, no Duplication, no Decoupling). На сегодняшний день эксперты ставят вопрос о необходимости эволюции этой схемы, прежде всего, посредством пересмотра отношений ЕС и США как в рамках двусторонних отношений, так и в системе НАТО.

В трактовках будущих отношений ЕС и НАТО лейтмотивом проходит мысль о том, что эти партнеры в области безопасности способны преодолеть кризис модели взаимодействия и выйти на новый уровень стратегического партнерства, автономность этих игроков рассматривается в качестве приоритета сотрудничества. Основные линии реформирования отношений ЕС — НАТО предполагают широкую кооперацию государств — членов обеих организаций по вопросам военного сотрудничества в условиях кризисного регулирования, усиление роли ЕС в финансировании деятельности НАТО, усиление военных ресурсов ЕС, а также формирование союзных/наднациональных механизмов участия ЕС в военных операциях блока.

На основе положений Лиссабонского договора Внешнеполитическое ведомство ЕС реализует политику координации «наднационального» и «межгосударственного» уровня в области безопасности. «Пока, — как замечают Йо Кэлм и Морис де Ланглуа, — ведомство К. Эштон развивает субстратегии для отдельных специфических регионов, таких как Сахельская зона или зона африканского Восточного Рога, однако очевидной проблемой остается отсутствие единой стратегии европейской безопасности, которая бы была безоговорочно поддержана лидерами европейских государств» [ibid., р. 3].

Наряду с проблемой неэффективности общей внешней политики ЕС в военной сфере, равно как и ее уязвимости перед суверенным преимуществом государств — членов союза, проблема кризиса традиционных внешнеполитических инструментов ЕС относится к числу самых неоднозначных в контексте дискуссии о Глобальной европейской стратегии.

По замечанию Кэтрин Эштон, современная внешняя политика ЕС далеко отстает от тех задач, которые необходимо решать Евросоюзу сегодня, чтобы в дальнейшем утвердиться в системе международных отношений в качестве глобального игрока.

Д-р М. Бониковска, один из ведущих экспертов польского аналитического центра THINKTANK, указывая на то, что Европа на сегодняшний день, равно как и остальной мир, оказалась перед выбором стратегии дальнейшего (глобального) развития, подчеркивает, что Евросоюз должен найти внутренние ресурсы внешнеполитической конкурентоспособности, которые кроются в институциональной структуре ЕС, а также готовности Евросоюза модернизировать инструменты общей внешней политики [3, р. 6–9].

Традиционные инструменты внешнеполитической деятельности ЕС, так называемый триптих внешней политики, инструменты, которые были результативны в течение 20 и более лет, оказались недостаточны для реализации глобальных целей ЕС в условиях мирового экономического кризиса и существенных преобразований системы международных отношений. Эта устойчивая триада внешнеполитических инструментов включает:

- 1) политику расширений союза как важнейший инструмент интеграционной региональной политики ЕС посредством утверждения стандартов или критериев членства среди стран — кандидатов на вступление в ЕС;
- 2) политику добрососедства, политику, направленную на расширение зоны влияния ЕС посредством создания международных структур, лояльных к присутствию ЕС в том или ином регионе;
- 3) политику партнерства — инструмент, включающий два базовых вектора: развивающее сотрудничество и равноправное партнерство с развитыми странами в любых регионах мира.

Обозначенная выше триада внешнеполитических инструментов ЕС, по замечанию Роньи Кемпин и Барбары Липперт, оказалась неспособной в условиях мирового финансового кризиса обеспечить глобальную роль ЕС в мировой политике [9, р. 49].

В рамках дискуссии о Европейской глобальной стратегии ее участники поднимают закономерные вопросы о необходимости реформирования и гармонизации существующих инструментов внешней политики ЕС.

Политика добрососедства с момента появления во внешнеполитической практике ЕС (2002–2004 гг.) была призвана компенсировать недостатки ОВПБ и противоречия стран-членов по вопросам реализации внешней политики. Реализация европейской Политики добрососедства осуществлялась посредством создания многочисленных проектов, международных структур, обеспечивающих реализацию интересов ЕС в отношении государств и регионов, граничащих с государствами ЕС и представляющих для Евросоюза особый экономический и стратегический интерес. Политика добрососедства открывала возможности для ЕС в сфере сотрудничества, ассоциирования и интеграции с государствами, которые не претендовали на членство в ЕС, не были кандидатами, но активно сотрудничали с ЕС. Наиболее значимой для Евросоюза стала Политика добрососедства с государствами Средиземноморского региона в рамках Союза для Средиземноморья, а также Политика добрососедства в отношениях с восточноевропейскими соседями ЕС посредством известного Восточного партнерства.

Сегодня Политика добрососедства ЕС включает комплекс принципов, процедур, механизмы контроля и отчетности, но в условиях «тектонических» перемен, вызванных «арабской весной» в Средиземноморском субрегионе, политика южного добрососедства оказалась парализованной в связи с неспособностью ЕС эффективно реагировать на политическую гетерогенность и фрагментированность политического пространства Средиземноморья.

Несмотря на то что ситуация с восточной Политикой добрососедства более предсказуема, этот внешнеполитический вектор также анализируется в критическом ключе. В данном случае сомнения вызывает результативность жестких «миссионерских» моделей присутствия ЕС в регионе. И если еще в начале 2000-х гг. го-

сударства постсоветской зоны, равно как и Россия, оставались получателями донорской помощи ЕС и с размахом внедряли западную идеологию, поддерживали либеральные экономические процессы и элементы правового государства, то на излете первого десятилетия XXI в. политика формирования «буферной зоны» посредством вливания в эту зону существенных донорских средств стала менее эффективной. Поскольку, с одной стороны, мировые кризисные процессы заставили ЕС осторожно рассматривать возможности сотрудничества и донорской помощи соседям. С другой стороны, ЕС столкнулся с интересами РФ в европейской части постсоветской карты. По замечанию Роньи Кемпин и Барбары Липперт: «Россия на современном этапе, выступая с инициативой создания Евразийского союза, демонстрирует притязания на роль политического и экономического центра континента, наравне с ЕС, или же в качестве его конкурента» [9, р. 52].

Столкнувшись с целым комплексом проблем в контексте Политики добрососедства, ЕС принимает новую редакцию Политики добрососедства в 2011–2012 гг. ЕС усилил политику финансирования проектов, направленных на развитие демократии, например, Тунис для достижения стабильности получил 160 млн евро (2011 г.) по сравнению с предшествовавшим периодом, когда в 2010 г. — 80 млн евро [6, р. 4]. Зонтичные программы — SPRING (Support for Partnership, Reform and Inclusive Growth); EaPIC (Eastern Partnership Integration and Cooperation Programme) — также были усилены к 2012 г. В эти программы сотрудничества ЕС вложил 670 млн евро дополнительно.

Новая редакция Политики добрососедства стала опираться на более широкие основания, заработали принципы «большого за большее», взаимной ответственности ЕС и его партнеров, вовлеченности в сотрудничество институтов гражданского общества; признание особой роли женщин в реформировании как политики, так и общества [ibid., р. 1].

Важным инструментом укрепления Политики добрососедства стали переговоры ЕС с рядом государств по созданию Полной и всесторонней зоны свободной торговли (Deep and Comprehensive Free Trade Areas, DCFTA), были подписаны соглашения с Египтом, Иорданией и Марокко, одновременно начаты переговоры с Арменией, Молдовой и Грузией.

В рамках Политики добрососедства на современный момент устойчиво проявляется тенденция роста межгосударственного и двухстороннего вектора в политике ЕС. Политика построения региональных проектов переживает кризис как на южном, так и на восточном направлениях.

Политика расширений — наиболее старый и проверенный инструмент в русле внешней политики ЕС. Начатая в 1972 г. практика расширений при идеальном раскладе может привести к созданию Евросоюза в формате ЕС-36, но сама деятельность Евросоюза по расширению, несомненно, требует значительной корректировки. Существенным показателем этой политики следует назвать систему критериев (например, копенгагенские критерии), выдвигаемых в отношении стран-кандидатов. Однако в настоящий момент означенные критерии идут в разрез со стремлением ЕС утвердиться в качестве полюса силы как на региональном, так и на глобальном уровне.

Модель членства в ЕС по типу «гибкой интеграции» или Европы «разных скоростей» порождает новый уровень институциональных противоречий, связанных с тем, что вновь принятые государства, определяя степень своего участия в направлениях европейской интеграции, получают полное и равное представительство в институтах ЕС, а также в процессе принятия решений в Европарламенте и Еврокомиссии невозможна активация формулы «разных скоростей» [9, р. 50–51].

Тем не менее ЕС на сегодняшний день обладает ресурсами проведения политики расширения. Уже 10 лет действует знаменитый план, подписанный ЕС со

странами Западно-Балканского региона в Фессалониках в 2003 г. и ставший легитимной базой подготовки новых кандидатов на вступление в Евросоюз. Сотрудничество ЕС со странами региона демонстрирует эволюцию политики расширения и невозможность ее прекращения. Западнобалканские государства активно привлекаются к сотрудничеству в европейском направлении, а ЕС демонстрирует свою открытость для новых кандидатов, еще в 2009 г. для граждан Македонии, Черногории, Сербии был введен безвизовый режим, годом позднее такими правами стали пользоваться граждане Албании, Боснии и Герцеговины.

На современном этапе ЕС в государствах Западных Балкан сталкивается с немалым спектром проблем: от этноконфессиональных противоречий до неэффективных моделей управления, коррупции и последствиями нарушения базовых прав человека. Традиционные механизмы политики расширений в подобных условиях представляются несостоятельными. Поэтому Евросоюз активно влияет на международные условия протекания западнобалканских процессов, привлекая к участию в этих процессах крупнейших региональных игроков, таких как Совет Европы, ОБСЕ. Сам ЕС демонстрирует активное участие в регионе в формате как «мягкой» силы, так и военного участия в урегулировании конфликтов.

На этапе формирования Глобальной стратегии Европейский союз используя инструменты политики расширений в глобальном для европейской истории регионе, уже реализует свои региональные интересы путем формирования системы экономических и политических обязательств всех игроков региона по отношению к ЕС.

Начиная с апреля 2013 г. Евросоюз ведет переговоры с Сербией относительно вступления и с Косово — относительно подписания Соглашения о стабилизации и ассоциации¹. Эти переговоры были начаты сразу после подписания Соглашения между Сербией и Косово относительно распределения зон проживания в Северном Косово (19 апреля 2013 г.). Несмотря на то что соглашение не решает коренной вопрос о международном признании Косово, оно устанавливает порядок двустороннего сотрудничества по вопросам административного управления территорией массового проживания сербов в границах Косово. Следует подчеркнуть, что этот договор рассматривается ЕС как один из важнейших результатов деятельности европейской дипломатии, успешной активности Внешнеполитического ведомства Кэтрин Эштон, как важнейший ресурс реализации политики расширений.

Таким образом, политика расширений ЕС в современных условиях приобретает существенно отличный от донорской модели опыт взаимодействия со странами-кандидатами. ЕС не только поддерживает и стимулирует процессы многосторонних реформ в балканских государствах, но и создает условия для становления гражданских институтов в этих государствах, влияет на международные механизмы регулирования суверенных интересов всех участников западнобалканского субрегиона, выступает в качестве гаранта процесса урегулирования межгосударственных противоречий на Балканах.

Политика партнерства — не менее сложный инструмент внешней политики ЕС. В соответствии с новым финансовым планом ЕС на 2014–2020 гг. инструмент партнерства распространяется на сотрудничество ЕС с государствами, демонстрирующими быстрые темпы экономического роста, равно как и с развитыми экономиками. Инструмент партнерства опирается на стратегические партнерства ЕС [5]. Однако уже на этапе определения термина «стратегическое партнерство» возникают существенные разногласия: «...Сегодня нет определения стратегических партнерств или стратегических интересов ЕС (в глобальном и региональном масшта-

¹ *Erwan Fouéré*. Thessaloniki ten years on: Injecting momentum into the enlargement process for the Western Balkans. CEPS. 15 мая 2013: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ceps.be/book/thessaloniki-ten-years-injecting-momentum-enlargement-process-western-balkans>.

бе)...», — отмечает Т. Ренар [2, с. 110]. Более того, сам ЕС крайне осторожно рассматривается игроками МО в качестве стратегического партнера, поскольку «стратегические партнерства требуют единства цели, приоритетов, умения жестко отстаивать свои позиции, гибкости при ведении переговоров и политического авторитета...» [Там же, с. 111].

Линия кризиса внешней политики ЕС пролегает и в области реализации инструмента партнерства, затрагивая прежде всего интересы стран — членов ЕС и самого союза. Недостаток координации интересов национальных участников внешней политики и собственно Евросоюза, доминирование межправительственной схемы сотрудничества в области ОВПБ, непредсказуемость внешней политики ЕС из-за отсутствия общей стратегии ЕС — все эти факторы существенно осложняют и сдерживают рост партнерств с третьими странами. Более того, по замечанию Н. К. Арбатовой, на период кризиса наметились тенденции отхода от общей внешней политики и усиления традиционных двухсторонних моделей сотрудничества между странами ЕС и третьими государствами. В фокусе этой политики называют участников БРИКС, страны Персидского залива¹.

Стратегическое партнерство как инструмент внешней политики представляется исследователям важнейшим структурным элементом построения Глобальной стратегии ЕС. В сентябре 2010 г. ЕС впервые обсудил стратегические партнерства, отражающие приоритеты внешней политики [Там же, с. 98–99]. В Стратегии европейской безопасности (2003) называется шесть стратегических партнеров ЕС: США, Россия, Япония, Китай, Канада, Индия. В то время как ЮАР, Бразилия, Мексика по договорам находятся в процессе строительства стратегических партнерств. В докладе «К вопросу о Европейской глобальной стратегии. Обеспечение европейского влияния в меняющемся мире» (май 2013 г.) среди стратегических партнеров ЕС отмечены США, которые выступают в качестве единственного глобального партнера ЕС и с которым Евросоюз планирует развивать новое трансатлантическое сообщество; Турция, с которой уровень политического партнерства ожидается достигнуть ранее, чем начнется присоединение последней к ЕС; а также Китай и Россия, с которыми партнерство будет определяться взаимными интересами [12, з. 3].

Законодательной базой для стратегических партнерств становится Лиссабонский договор (2009 г.), однако содержательная сторона стратегических партнерств исключительно неоднородна как по содержанию сотрудничества, так и по задачам, которые решает ЕС посредством развития стратегического партнерства. Решение противоречий подобного уровня возможно посредством создания действенной Глобальной стратегии, в соответствии с которой стратегические партнерства обретут новый статус в качестве высокоэффективного инструмента ОВПБ.

Наиболее характерной чертой современного состояния политической системы ЕС является процесс институализации внешнеполитических функций и механизмов ЕС. На основе положений Лиссабонского договора в ЕС было создано Внешнеполитическое ведомство (EEAS), призванное координировать «наднациональные» и «межгосударственные» аспекты внешнеполитической деятельности ЕС. Внешнеполитическое ведомство Кэтрин Эштон находится в сфере постоянного внимания со стороны государств — членов ЕС, третьих стран и международных организаций. Поскольку координационная и исполнительская деятельность этой структуры наряду с активностью высокого представителя ЕС по иностранным делам и политике безопасности и председателя Европейского союза отражает усиление наднациональных схем международной политики. Одновременно с этим Внешнеполити-

¹ Арбатова Н. К. Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского союза: Тезисы к заседанию Ученого совета ИМЭМО РАН 30 января 2012 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.imemo.ru/ru/sc/2013/300113_tez.pdf.

ческое ведомство представляет собой координирующий инструмент для всех европейских наднациональных структур, задействованных в реализации внешнеполитической деятельности ЕС. Институциональный потенциал Внешнеполитического ведомства широко дискутируется европейскими экспертами, ожидания не всегда совпадают, но единство подходов можно проследить в оценках EEAS в качестве ключевой структуры процессов становления ЕС в роли самостоятельного международного игрока [7, р. 69–71].

В мае 2013 г. в Брюсселе по итогам работы экспертов нескольких европейских исследовательских центров был представлен доклад «К вопросу о Европейской глобальной стратегии. Обеспечение европейского влияния в меняющемся мире»¹.

Доклад содержит анализ перспективных целей, задач и практического потенциала ЕС в вопросах построения Глобальной стратегии. Общая внешняя политика понимается авторами как ведущий ресурс развития Евросоюза в современных условиях. Становление сильной общей внешней политики рассматривается как показатель деятельности ЕС в качестве глобального игрока и полюса силы в современных международных отношениях. Однако, что не менее важно, потенциал общей внешней политики представляется в качестве важнейшего компонента внутренних преобразований ЕС, направленных на более глубокую интеграцию, обеспечение мира и благосостояния жителей Европы.

Очевидно, что признание связи между глобальными задачами ЕС в современном мире и процессами институционализации внешнеполитической деятельности Евросоюза, с одной стороны, и решением внутривнутриполитических, финансово-экономических, социальных проблем союза, с другой, представляется многим европейским экспертам «рычагом» при решении тяжелых противоречий современного ЕС. В то же время гармонизация общей внешней политики должна проходить посредством усиления и расширения интеграционных процессов и механизмов в самом Евросоюзе, что неоднократно позволяло ему преодолевать влияние кризисных процессов, выходя на новый уровень участия в мировой политике.

Литература

1. *Ознобищева Г.* Влияние кризиса на внешнюю и оборонную политику Европейского союза // *Мировая экономика и международные отношения.* № 8. Август 2013.
2. *Ренар Т.* Внешняя политика ЕС: от диалога о стратегическом партнерстве к реальному стратегическому партнерству // *Вестник международных организаций.* 2011. № 4 (35). С. 92–117.
3. *Bonikowska M.* Scenarios for Europe's future: Why does the EU need a global strategy? // *THINKTaK magazine.* Summer 2013.
4. *Coelmont J., de Langlois M.* Recalibrating CSDP-NATO Relations: The Real Pivot//*Security Policy Brief.* N 47. June 2013.
5. *Gavas M.* The European Commission's legislative proposals for financing EU Development Cooperation // *ODI.* Background Note. February 2012.
6. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions.* Delivering on a new European Neighbourhood Policy. Brussels, 15.5.2012. JOIN (2012) 14 final.
7. *Helwig N., Ivan P., Kostanyan H.* The new EU foreign policy architecture. Reviewing the first two years of the EEAS // *CEPS.* Brussels. February 2013.
8. *The implementation of the Common Security and Defence Policy.* Workshop / *European Parliament's Subcommittee on Security and Defence.* July 2013.
9. *Kempin R., Lippert B.* Membership, neighbourhood, partnership: the EU's foreign policy triptych needs remodeling // *European Union (EU) external action: priorities and policies: Conference*

¹ Полный текст доклада Towards a European Global Strategy. Securing European influence in changing world см.: <http://www.europeanglobalstrategy.eu/about>.

- papers from the EGS conference organised by Istituto Affari Internazionali (IAI). Rome, 21–22 January 2013.
10. *Preparing the December 2013 European Council on Security and Defence: Final Report by the High Representative / Head of the EDA on the Common Security and Defence Policy.* 15 October. 2013.
 11. *Rogers J., Gilli A.* Enabling the future European military capabilities 2013–2025: challenges and avenues. Ed. by A. Missiroli // ISSUE Report N 16. May 2013.
 12. *Towards a European Global Strategy. Securing European influence in changing world.* May 2013.

References

1. Oznobishcheva G. *Influence of crisis on foreign and defensive policy of the European Union* [Vliyaniye krizisa na vneshnyuyu i oboronnyuyu politiku Evropeiskogo Soyuzha] // World economy and international relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]. N 8. August 2013.
2. Renard T. *Foreign policy of EU: from dialogue about strategic partnership to real strategic partnership* [Vneshnyaya politika ES: ot dialoga o strategicheskoy partnerstve k real'nomu strategicheskomy partnerstvu] // The Messenger of the international organizations [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii]. 2011. N 4 (35). P. 92–117.
3. *Bonikowska M.* Scenarios for Europe's future: Why does the EU need a global strategy? // THINKTaNK magazine. Summer 2013.
4. *Coelmont J., de Langlois M.* Recalibrating CSDP-NATO Relations: The Real Pivot//Security Policy Brief. N 47. June 2013.
5. *Gavas M.* The European Commission's legislative proposals for financing EU Development Cooperation // ODI. Background Note. February 2012.
6. *Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European economic and social committee and the Committee of the regions. Delivering on a new European Neighbourhood Policy.* Brussels, 15.5.2012. JOIN (2012) 14 final.
7. *Helwig N., Ivan P., Kostanyan H.* The new EU foreign policy architecture. Reviewing the first two years of the EEAS // CEPS. Brussels. February 2013.
8. *The implementation of the Common Security and Defence Policy.* Workshop / European Parliament's Subcommittee on Security and Defence. July 2013.
9. *Kempin R., Lippert B.* Membership, neighbourhood, partnership: the EU's foreign policy triptych needs remodeling // European Union (EU) external action: priorities and policies: Conference papers from the EGS conference organised by Istituto Affari Internazionali (IAI). Rome, 21–22 January 2013.
10. *Preparing the December 2013 European Council on Security and Defence: Final Report by the High Representative / Head of the EDA on the Common Security and Defence Policy.* 15 October. 2013.
11. *Rogers J., Gilli A.* Enabling the future European military capabilities 2013–2025: challenges and avenues. Ed. by A. Missiroli // ISSUE Report N 16. May 2013.
12. *Towards a European Global Strategy. Securing European influence in changing world.* May 2013.

Левитанус Б. А., Орлова О. Ю.

Проблемы правоприменительной практики в сфере жестокого обращения с животными

Левитанус Борис Александрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры гражданского и трудового права
bobson79@inbox.ru

Орлова Олеся Юрьевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Студент юридического факультета
olesyaorl@ya.ru

РЕФЕРАТ

В настоящей статье рассматриваются проблемы правоприменительной практики относительно преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса РФ «Жестокое обращение с животными», проводится анализ понятия жестокого обращения с животными. На основе обобщения материалов судебной практики автор приходит к выводу, что из-за несовершенства законодательства преступнику во многих случаях удастся избежать уголовного наказания, предусмотренного за жестокое обращение с животными.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

животное, жестокое обращение, ответственность, законодательство, правонарушение, правоприменительная практика

Levitanus B. A., Orlova O. Yu.

The Problems of Law Enforcement in the Sphere of Cruel Treatment with Animals

Levitanus Boris Aleksandrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Civil and Labor Law
bobson79@inbox.ru

Orlova Olesya Yurievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Student of the Faculty of Law
olesyaorl@ya.ru

ABSTRACT

In this article we can find information about different problems in the sphere of the crime, marked in the Criminal Code OF Russian Federation «Cruelty to animals». The author draws a conclusion that law enforcement has many difficulties. There are many examples when a criminal really makes this crime and does not be punished.

KEYWORDS

animal, cruel treatment, responsibility, legislation, offence, law enforcement

Тому, кто спокойно убивает животное, нетрудно убить и человека.

Пифагор

Норма, предусматривающая уголовную ответственность за жестокое обращение с животными, предполагает посягательство на отношения, связанные с общественной нравственностью. «Бессмысленное уничтожение животных, их истязание и мучение не только оскорбляют нравственные чувства граждан, но и развивают в них

такие отрицательные качества, как жестокость и душевную черствость, равнодушие к страданиям живого существа, а также способствуют формированию садистских наклонностей» [1, с. 209].

В российском законодательстве данный вид преступления регламентирован в ст. 245 Уголовного кодекса РФ. Следует определить содержание предмета данного преступления. Из нормы Уголовного кодекса видно, что в качестве предмета законодатель называет животное. Однако самого понятия «животное» мы не сможем найти ни в данной статье (ст. 245 УК РФ), ни в остальной части Уголовного кодекса РФ. Обращаясь к иным нормативным правовым актам, таким как Федеральный закон от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире», Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 209-ФЗ «Об охоте и о сохранении охотничьих ресурсов и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», становится очевидным отсутствие нормативного описания термина «животное». Таким образом, законодатель предполагает обращение либо к этимологическому словарю, либо к иным источникам, раскрывающим термин «животное».

Помимо ст. 245 Уголовного кодекса РФ о жестоком обращении с животными упоминается и в других нормативных правовых актах. Так, например, в Федеральном законе от 24 апреля 1995 г. № 52-ФЗ «О животном мире» содержится ст. 12 «Основные принципы государственного управления в области охраны и устойчивого использования объектов животного мира». Согласно этой статье к числу основных принципов в области охраны и использования животного мира, сохранения и восстановления среды его обитания относится в том числе и «осуществление пользования животным миром способами, не допускающими жестокого обращения с животными, в соответствии с общими принципами гуманности». Больше о запрете жестокого обращения с животными в этом нормативном акте не говорится.

Что же касается Гражданского кодекса Российской Федерации, то в ст. 137 содержится лишь указание на то, что «к животным применяются общие правила об имуществе постольку, поскольку законом или иными правовыми актами не установлено иное. При осуществлении прав не допускается жестокое обращение с животными, противоречащее принципам гуманности».

Однако этот принцип не всегда соблюдается. Причем в большинстве случаев люди, которые жестоко обращались с животными, оставались безнаказанными и избежавшими ответственность.

Предполагается, что из-за отклонения в 2000 г. Федерального закона «О защите животных от жестокого обращения», а в сегодняшнее время просто отсутствия законодательства, детально регламентировавшего жестокое обращение с животными, лица остаются безнаказанными за бесхозяйственное и негуманное отношение к животным.

«Такая ситуация обусловлена и тем, что в гражданском законодательстве животные рассматриваются как объект правовых отношений, на них распространяется правовой режим имущества. По этой причине с животными допускается совершение любых сделок, лишь бы они не противоречили закону» [2, с. 2].

В Российской Федерации действует ст. 241 Гражданского кодекса РФ, которая гласит, что «в случаях, когда собственник домашних животных обращается с ними в явном противоречии с установленными на основании закона правилами и принятыми в обществе нормами гуманного отношения к животным, эти животные могут быть изъяты у собственника путем их выкупа лицом, предъявившим соответствующее требование в суд. Цена выкупа определяется соглашением сторон, а в случае спора — судом»¹.

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

Таким образом, получается, что человек, который гуманно относится к животным, испытывает к ним чувство сострадания и жалости, изначально находится в ситуации, заведомо для него несправедливой. Ведь именно он, видя, как собственник грубо обращается со своим питомцем, и желая из чувства сострадания прекратить мучения несчастного животного посредством изъятия последнего из собственности его законного владельца, должен еще и заплатить тому, кто, по сути, является правонарушителем в прямом смысле этого слова, поскольку нарушает принцип гуманного обращения с животными и таким образом преступает закон. Более того, если мы говорим о породистых животных, то и суммы здесь будут немалые.

Также Федеральный закон «О животном мире», как и другие нормативные правовые акты федерального уровня, используя термины «гуманное отношение», «жестокое обращение с животными», не содержит определений, которые раскрывают содержание данных понятий и действий.

О. Л. Дубовик, комментируя ст. 245 УК РФ, предусматривающую ответственность за жестокое обращение с животными, указывала, что жестокое обращение может состоять в невынужденном причинении боли животному, лишении его пищи, нанесении повреждений, ранений, членовредительстве и других способах воздействия на животное. «Садистские методы представляют собой особо изощренное жестокое обращение с животными, а также мучительное их умерщвление и истязание в целях получения болезненного самоудовлетворения» [3, с. 112].

В Санкт-Петербурге предусмотрено, что «жестокое обращение с животными (в том числе содержание или транспортировка животного в условиях, приводящих к утрате его здоровья, а также не соответствующих его биологическим особенностям; прекращение владельцем животного его жизнеобеспечения; проведение на животном эксперимента без обезболивания или выведение животного из эксперимента причиняющими боль методами), повлекшее их гибель или увечье, если данное деяние не содержит признаков преступления, предусмотренного ст. 245 Уголовного кодекса Российской Федерации, влечет наложение административного штрафа на граждан в размере 5000 руб.; на должностных лиц — от 10 000 до 15 000 руб.; на юридических лиц — от 50 000 до 100 000 руб.»¹.

Для того чтобы дать точную оценку правоприменения статей за жестокое обращение с животными, необходимо рассмотреть судебную практику и проанализировать, в каких случаях законодательство действует, а в каких нарушителю удастся избежать ответственности.

Так, рассматривая обзор практики Челябинского областного суда, следует обратиться к делу гражданина И., который был осужден за жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель, совершенное из корыстных побуждений (ч. 1 ст. 245 УК РФ), а также тайное хищение имущества потерпевшей Г. (ч. 1 ст. 158 УК РФ) и неправомерное завладение автомобилем без цели хищения (ч. 1 ст. 166 УК РФ).

По смыслу ч. 1 ст. 245 УК РФ состав преступления будет иметь место только в том случае, если гибель или увечье животного сопровождалась соответствующей мотивацией виновного (хулиганские или корыстные побуждения) или имели место при наличии определенных условий (совершены с применением садистских методов или в присутствии малолетних).

При этом хулиганские побуждения означают желание противопоставить себя обществу, высказать пренебрежение установленными правилами поведения, нормами морали и нравственности. В данном случае в поведении виновного должны иметь место демонстративное проявление жестокости, отсутствие реагирования

¹ Об административных правонарушениях в Санкт-Петербурге: Закон Санкт-Петербурга от 31 мая 2010 г. № 273-70 (ред. от 23 апреля 2013 г.) // Петербургский дневник. 2010. № 22.

на возмущение, замечания посторонних лиц, попытки пресечь его деяние. Под корыстными побуждениями следует понимать стремление виновного извлечь материальную выгоду для себя или других лиц, избавиться от имеющихся у него затрат.

Как видно из приговора, гражданин И. намеревался тайно похитить магнитолу из автомобиля, который принадлежал Г. и стоял во дворе дома. Однако совершить указанные действия И. помешали две собаки, находившиеся в том же дворе, в связи с чем И. нанес животным повреждения, повлекшие их гибель. Таким образом, действия по жестокому обращению с животными были совершены осужденным с целью устранения препятствий для совершения другого преступления, самостоятельным умыслом не охватывались, а потому их квалификация по ч. 1 ст. 245 УК РФ является излишней.

Суд кассационной инстанции изменил приговор, исключив из него осуждение И. по ч. 1 ст. 245 УК РФ и снизив наказание по совокупности преступлений¹.

Таким образом, если гражданин негуманно отнесся к животным, но при этом это было совершено с целью устранения препятствий либо иных обстоятельств, то лицу удастся избежать ответственности.

Выходит, что привлечь за жестокое обращение с животными виновное лицо достаточно затруднительно вследствие некорректности формулировок. Например, невозможно будет привлечь к ответственности лицо, легкомысленно закрывшее животное в автомобиле, стоящем на солнцепеке, в результате чего животное гибнет от теплового удара. Но даже в тех случаях, когда преступление является очевидным, привлечь виновного к ответственности удастся далеко не всегда.

Рассмотрим еще одно дело, которое произошло на Сахалине. Гражданин С. был признан виновным в том, что в гараже, расположенном недалеко от дома, незаконно изготовил из охотничьего двуствольного ружья Иж-58 16-го калибра огнестрельное оружие, которое незаконно носил и хранил у себя дома, до момента, пока оно не было обнаружено и изъято сотрудниками милиции.

Данные действия С. были квалифицированы по ч. 1 ст. 223 УК РФ — незаконное изготовление огнестрельного оружия и ч. 1 ст. 222 УК РФ — незаконное хранение и ношение огнестрельного оружия.

Он же, имея умысел на жестокое обращение с животными, а именно с бродячей собакой, умышленно, из корыстных побуждений, с целью последующего употребления собаки в пищу из указанного выше обреза произвел выстрел в область грудины спящей собаки, что повлекло гибель животного, после чего разделал собаку и употребил ее в пищу.

Данные действия С. были квалифицированы по ч. 1 ст. 245 УК РФ как жестокое обращение с животными, повлекшее их гибель, совершенное из корыстных побуждений.

В надзорном представлении прокурор считает, что в действиях С. отсутствует состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 245 УК РФ, поскольку умыслом осужденного не охватывалось жестокое обращение с животным и действия С. не носили характер истязания. Из материалов дела следует, что осужденный убил собаку, чтобы употребить ее мясо в пищу.

Проверив материалы дела, обсудив доводы надзорного представления, президиум находит приговор подлежащим изменению по следующим основаниям.

По смыслу закона, объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ, заключается в действиях, состоящих в жестокое обращении с животными,

¹ Обзор судебной практики за первый квартал 2010 года: Обзор судебной практики Челябинского обл. суда от 12 апреля 2010 г.: Кассационное определение № 22-1707/2010 / Подг. для системы «Консультант плюс», 2010.

таких как мучение животных или издевательство над ними, например, их систематическое избиение, содержание в невыносимых условиях, препятствующих нормальному функционированию организма, длительное оставление без пищи и воды, т. е. причинение страданий животным на протяжении определенного времени, что приводит к их гибели или увечью. При этом не может рассматриваться как жестокое обращение с животными: охота на них и умерщвление их без излишних мучений для получения мяса и шкур; мероприятия, связанные с предотвращением размножения животных; их эвтаназия при оказании ветеринарных услуг; уничтожение животных по санитарно-эпидемиологическим соображениям.

Из материалов дела следует, что С. убил собаку одним выстрелом, в тот момент, когда та спала, и гибель животного наступила непосредственно после выстрела.

Таким образом, в уголовном деле отсутствуют доказательства того, что С. умерщвлял собаку мучительным способом и его действия носили характер истязания.

Как установлено собранными по делу доказательствами и отражено в приговоре, С. не преследовал своей целью причинить страдание животному, а убил собаку только для удовлетворения своих физиологических потребностей — утоления голода путем употребления мяса собаки в пищу.

При таких обстоятельствах осуждение С. по ч. 1 ст. 245 УК РФ нельзя признать обоснованным и приговор в этой части подлежит отмене ввиду отсутствия в действиях осужденного состава данного преступления.

На основании изложенного и руководствуясь ст. 407, 408 УПК РФ, президиум постановил: надзорное представление прокурора удовлетворить.

Приговор Корсаковского городского суда от 14 июня 2011 г. в отношении С. в части осуждения его по ч. 1 ст. 245 УК РФ отменить и дело прекратить за отсутствием состава преступления.

В остальной части приговор оставить без изменения¹.

Итак, уже второе дело, по которому лицу удастся избежать уголовной ответственности за жестокое обращение с животным. При этом только при пересмотре дела судьей либо сильно снижают наказание по ст. 245 УК РФ, либо вообще его отменяют ввиду отсутствия состава преступления.

При этом, изучая статистику рассмотрения дел федеральными судами краев, считаем очевидным, что лишь 10–15% лиц, совершивших преступление по ст. 245 УК РФ, были приговорены к лишению свободы, остальная же часть получила иные виды наказания либо не получила их вообще.

Относительно административной преюдиции следует заметить, что действующий КоАП РФ не имеет нормы о жестоком обращении с животными. Такое положение недопустимо, так как по смыслу ст. 245 УК РФ преступлением является жестокое обращение с животными, повлекшее их увечье или гибель. Без этих последствий деяние должно квалифицироваться как административное правонарушение. Действующее законодательство само по себе жестокое обращение с животными правонарушением не считает до тех пор, пока не будут выполнены признаки преступления, предусмотренного ст. 245 УК РФ. Помимо введения соответствующего административного правонарушения необходимо предусмотреть признак административной преюдиции. Лицо, подвергнутое административной ответственности и не осознавшее общественной опасности своего поведения, должно преследоваться уже в уголовном порядке, так как в его поведении явно прослеживаются вызов обществу и дерзость.

Исходя из изложенного, следует указать, что наличие в уголовном законе нормы о жестоком обращении с животными является правильным и необходимым,

¹ Постановление Президиума Сахалинского областного суда от 9 сентября 2011 г. по делу № 44у-93/11 / Подг. для системы «Консультант плюс», 2011.

однако редакция данной нормы вызывает трудности в правоприменительной практике.

В заключение хочется отметить, что в исследованиях отечественных криминологов раскрывается проблема того, что многие лица, совершившие насильственные преступления — убийства, тяжкие телесные повреждения, разбои, хулиганство, — будучи в малолетнем или несовершеннолетнем возрасте, неоднократно мучили, истязали или бессмысленно убивали животных.

Литература

1. Борзенкова Г. Н. Курс уголовного права: В 5 т. Т. 4: Особенная часть / Г. Н. Борзенкова, В. С. Комиссарова. М., 2002.
2. Данилова С. И. Проблемы законодательной регламентации жестокого обращения с животными в России и пути их решения. СПС КонсультантПлюс, 2013.
3. Лебедев В. М. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М.: Юрайт, 2013.

References

1. Borzenkova G. N. *Course of criminal law in five volumes. Vol. 4: Special part* [Kurs ugovnogo prava v pyati tomakh. Tom 4. Osobennaya chast'] / G. N. Borzenkova, V. S. Komissarova. M., 2002.
2. Danilova S. I. *Problems of a legislative regulation of animal abuse in Russia and a ways of their decision* [Problemy zakonodatel'noi reglamentatsii zhestokogo obrashcheniya s zhiivotnymi v Rossii i puti ikh resheniya]. Help legal system ConsultantPlus, 2013.
3. Lebedev V. M. *The Comment to the Criminal Code of Russian Federation* [Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii]. M.: Urait [Yurait], 2013.

Экономическая интеграция как фактор развития Арктической зоны Российской Федерации

Басангова Кермен Маратовна

Государственная полярная академия (Санкт-Петербург)
Первый проректор, заведующий кафедрой государственного, муниципального и организационного управления
Кандидат экономических наук, доцент
Kermen_basangova@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуются проблемы и предпосылки устойчивого развития Арктической зоны Российской Федерации, анализируются предпосылки развития арктических регионов в контексте концепции устойчивого развития, рассматриваются научно-практические рекомендации по обеспечению экономической устойчивости Арктического региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экономическая интеграция, устойчивое развитие, регион, концепция устойчивого развития, Арктическая зона Российской Федерации, стратегия, региональное управление

Basangova K. M.

Economic Integration as Factor of Development of the Arctic Zone of the Russian Federation

Basangova Kermen Maratovna

State Polar Academy (Saint-Petersburg, Russian Federation)
First Vice-Rector, Head of the Chair of the Public, Municipal and Organizational Management
PhD in Economic, Associate Professor
Kermen_basangova@mail.ru

ABSTRACT

In the article problems and prerequisites of a sustainable development of the Arctic zone of the Russian Federation are investigated. Prerequisites of development of the Arctic regions in a context of the concept of a sustainable development are analyzed. Scientific and practical recommendations on ensuring economic stability of the Arctic region are considered.

KEYWORDS

economic integration, sustainable development, region, concept of a sustainable development, Arctic zone of the Russian Federation, strategy, regional government

Значение северных регионов России в новых социально-экономических условиях неуклонно растет, и связано это в основном с разработкой и добычей на их территории ресурсов [1].

Территория Арктической зоны Российской Федерации (далее — АЗ РФ) как объект государственного регулирования имеет сложную структуру. Она включает в себя территории северных субъектов Российской Федерации, а также земли и острова, указанные в Постановлении Президиума Центрального исполнительного комитета СССР от 15 апреля 1926 г., и прилегающие к ним внутренние морские воды, территориальное море, исключительную экономическую зону и континентальный шельф Российской Федерации, в пределах которых Россия обладает суверенными правами и юрисдикцией в соответствии с международным правом.

АЗ РФ является стратегической сырьевой базой Российской Федерации, поскольку располагает колоссальными запасами углеводородов, цветных и драгоцен-

ных металлов. Это обстоятельство делает регион исключительно важным для российской и мировой экономики. В недрах арктического шельфа России содержится более 90 млрд т углеводородов (в нефтяном эквиваленте) — это почти 20% мировых запасов. В западной части арктического шельфа установлено три крупных бассейна нефтегазоаккумуляции: Центральнo-Баренцевский и Южно-Карский газo-конденсатные и Печороморский нефтегазоконденсатный. Здесь, без учета акваторий внутренних морских вод, открыто три уникальных и семь крупных месторождений нефти и газа.

Здесь находятся предприятия газового комплекса, которые обеспечивают добычу более 80% российского газа, цветной металлургии, входящие в состав горнопромышленного комплекса, рыбного комплекса, которые поставляют на рынок более 30% рыбы и морепродуктов России. По данным Н. П. Юшкина, в Арктической зоне России сконцентрирована подавляющая доля общероссийских запасов золота — 40%; нефти — 60%; газа — 60–90%; хрома-марганца — 90%; платиновых металлов — 47%; коренных алмазов — 100%; угля, никеля, меди, кобальта, олова, вольфрама, апатита, ртути — 50%. Общая стоимость минерального сырья арктических недр превышает 30 трлн долл. [5].

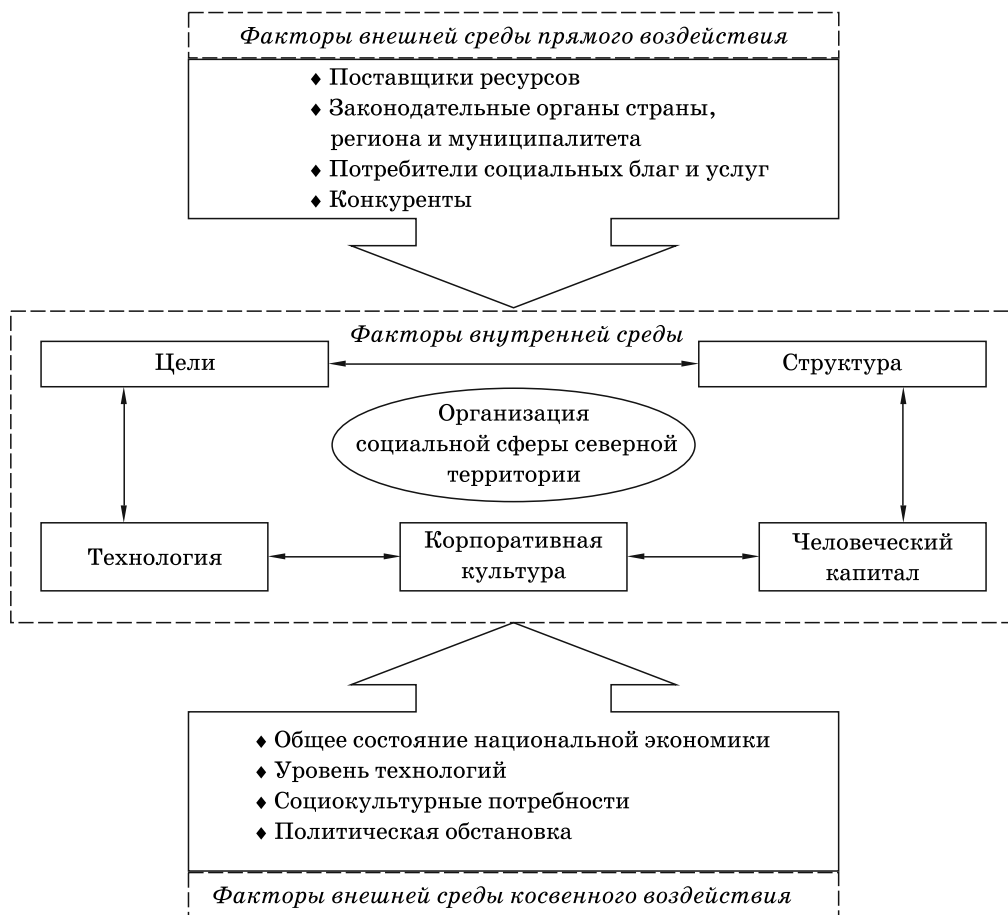
Арктика обладает огромным потенциалом, поскольку органично включает в себя все основные компоненты экономической деятельности. Прежде всего — уникальную транспортную сеть с портами, расположенными в непосредственной близости, с одной стороны, к перспективным месторождениям нефти, газа на шельфе и иным природным ресурсам, а с другой стороны — к европейскому и американскому рынкам.

Помимо этого открываются бескрайние просторы для предпринимательской инициативы и развития многоотраслевого диверсифицированного хозяйства. Уже заложены предпосылки для расширения горнопромышленного производства, включая минерально-сырьевую базу Полярного Урала, уникальные месторождения Якутии и Чукотки. В силу этих обстоятельств социально-экономическое развитие АЗ РФ находится в центре внимания не только региональных, но и общегосударственных органов управления. Помимо общих для всех российских регионов мер государственного регулирования к АЗ РФ применяются меры прямого действия, такие как государственные и региональные программы и проекты, законодательные акты и т. п.

В разные периоды времени были подготовлены законопроекты «О районировании (зонировании) территории Севера России» (1998 г.), «Об Арктической зоне Российской Федерации» (1999 г.), которые так и не были приняты¹.

Приведем состав основных документов, регулирующих развитие АЗ РФ: «Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и дальнейшую перспективу», «Стратегия развития Арктической зоны РФ и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года», «Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока», «Концепция государственной поддержки экономического и социального развития районов Севера Российской Федерации», подпрограмма «Освоение и использование Арктики» федеральной целевой программы «Мировой океан», «Стратегическая программа действий по охране окружающей среды Арктической зоны Российской Федерации», Федеральный закон «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях», Федеральный закон «О жилищных субсидиях гражданам, выезжающим из районов Крайнего Севера и приравненных к ним местностей», Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов

¹ Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020 года: [Электронный ресурс]. URL: <http://www/sibfo.ru/strategia/strdoc.php>.

Структура среды организации социальной сферы АЗ РФ

Российской Федерации», Федеральный закон «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации».

На территории АЗ РФ функционирует социально-экономическое хозяйство макрорегиона, которое включает в себя большое количество предприятий, организаций, учреждений, общественных организаций и союзов и т. п. Конечным продуктом их деятельности являются социальные блага и услуги, создающие условия для активной экономической деятельности и нормальной жизнедеятельности населения региона. В совокупности они формируют экономические, правовые, общественные, этические и другие институты пространства АЗ РФ (рисунок) и обеспечивают его инвестиционную привлекательность.

Характеризуя особенности социально-экономической системы АЗ РФ, следует отметить ее открытость к внешним региональным и международным социальным и экономическим взаимодействиям. Это обстоятельство привело к кардинальным трансформациям в социальной сфере АЗ РФ, которые выражаются в разрушении традиционного жизненного уклада, формировании современных бытовых и трудовых стандартов, возрастании роли образования, культуры и т. п. Общим для всех

регионов АЗ РФ является наличие ярко выраженных социальных проблем, таких как неравномерность развития территорий макрорегиона по уровню жизни и занятости, дефицит на рынке труда, зависимость системы жизнеобеспечения от состояния транспортных коммуникаций, обеспечивающих связи АЗ РФ с другими российскими регионами.

Регионам АЗ РФ присуща значительная неоднородность как по природно-климатическим факторам, так и по состоянию и условиям социально-экономического развития. Относительно мягкий климат в европейской части АЗ РФ под влиянием Гольфстрима сочетается даже в границах прибрежной зоны с суровым, жестко континентальным климатом азиатской части. Уровень освоенности территории АЗ РФ, который традиционно оценивается по показателю плотности населения, сильно различается. На Европейском Севере он почти повсеместно превышает 4 человека на 1 км², а на азиатском составляет менее 1 человека на 1 км². Не меньшие различия имеются и по уровню развития производительных сил, выражаемому, например, через валовый региональный продукт.

Особенности социальной сферы АЗ РФ связаны как с этногенезом и этнической историей народов Севера, формированием специфических особенностей их культуры и быта, географическими и экологическими условиями, так и с неравномерностью распределения природных богатств.

Современная социальная политика АЗ РФ направлена на повышение качества жизни на территории макрорегиона и предполагает создание условий для трудовой миграции, повышение уровня жизни населения, предоставление льгот для компенсации условий труда и жизни и т. д. Большое внимание уделяется сохранению национальной культуры, национальных традиций, экологическим проблемам, обострившимся под влиянием активной экономической деятельности. На состояние социальной сферы АЗ РФ, а следовательно, и на формирование и реализацию ее социальной политики влияет большое количество факторов. Это территориальные, экономические, политико-правовые, демографические, природно-экологические и социально-культурные факторы.

Поскольку любая территория в составе макрорегиона обладает уникальными этническими, геологическими, природными, экологическими, географическими особенностями, указанные факторы имеют различное значение для регионов АЗ РФ. Данное обстоятельство, с одной стороны, требует дифференцированного подхода к разработке их программ социально-экономического развития, с другой стороны, создает условия для эффективных внутрирегиональных взаимодействий.

Прежде всего география региона предопределила их традиционную социально-экономическую взаимосвязь друг с другом. Благодаря этому внутри региона сложилось территориальное разделение труда, четко определились специализация регионов, их место в народном хозяйстве АЗ РФ и России. Наличие демографических, социально-экономических, экологических и других отличий в жизнедеятельности входящих в АЗ РФ регионов и территорий не только не помешало установлению тесных экономических взаимосвязей между ними, но и в определенной степени способствовало их развитию. В результате этих обстоятельств для регионов АЗ РФ характерны внутрирегиональная специализация, устойчивые социально-экономические связи, территориальное разделение труда [4].

Развитие межрегиональных взаимодействий предполагает расширение партнерства с экономическими субъектами за пределами региона. Масштабы межрегиональных взаимодействий зависят от политических и географических факторов, а не только от инициативы хозяйствующих субъектов, причем оба фактора могут оказывать дестимулирующее воздействие на стремление субъектов к взаимодействию. Взаимодействие субъектов хозяйствования внутри АЗ РФ стимулируется как географическим фактором, так и исторически сложившимся разделением труда. Внут-

рорегиональные взаимодействия по отношению к межрегиональным выполняют инфраструктурные функции, формируя внутреннюю хозяйственную среду макро-региона. Таким образом, они составляют основу межрегиональных взаимодействий. Сверхзадачей арктического сотрудничества является формирование новых и совершенствование существующих институтов управления Арктической зоной мира в условиях новых рисков [Там же].

С другой стороны, в силу территориальных и природно-климатических особенностей для АЗ РФ характерна зависимость от межрегиональных связей, оказывающих существенное влияние как на условия жизнедеятельности населения, так и на эффективность экономической деятельности субъектов хозяйствования. По ряду направлений совокупный объем межрегиональных связей сопоставим с масштабами производства и потребления, например, по обеспечению населения продуктами питания.

В отличие от других регионов РФ макрорегион имеет большое количество барьеров, затрудняющих межрегиональные взаимодействия, поэтому он только по формальным признакам является открытой системой. Для преодоления барьеров взаимодействий, проявляющихся в форме высоких транзакционных издержек, необходимо партнерство государства и бизнеса. Заинтересованность государства в повышении степени открытости АЗ РФ связана с происходящими в Арктике международными процессами, оказывающими влияние на политическую и экологическую ситуацию. Такое положение дел отличает АЗ РФ от других регионов России, которые в значительной степени утратили заинтересованность в межрегиональных взаимодействиях.

По степени экономической зависимости территории АЗ РФ относятся к группе устойчивых, поскольку сложившиеся тенденции в области межрегиональных взаимодействий сохраняются при любых сценариях развития национальной экономики. Это означает, что для АЗ РФ наиболее перспективной стратегией экономического развития является региональное фритредерство¹, основу которого формируют добывающие отрасли промышленности макрорегиона. Развитие этих отраслей неизбежно приведет к повышению открытости региона, переходу к взаимовыгодному международному сотрудничеству на основе мировых цен, усилению взаимодействий с другими российскими регионами.

Становление международных экономических взаимодействий в АЗ РФ связано с процессами глобализации и интеграции. АЗ РФ является полноправным участником процессов интеграции на Севере Европы, которые проявляются через формирование новых союзов, международных объединений и т. п. К Северной Европе принадлежат такие страны Скандинавского полуострова, как Норвегия, Швеция, Финляндия, и прилегающие к ним Дания, островное государство Исландия, три страны Балтии, Россия, а также частично Польша и Германия. На Европейском Севере созданы и активно действуют в течение длительного времени многочисленные международные союзы и организации (см. таблицу). Наиболее эффективным является сотрудничество северных стран по вопросам развития Северного морского пути, экологии, культуры.

Наиболее значимыми для экономики региона являются: Совет Баренцева/Евроарктического региона (СБЕР), Совет министров северных стран, Арктический совет, Северный совет. Консолидирующую роль в деятельности северных стран сыграло принятие в 2006 г. Европейской комиссией инициативы «Северное измерение», которое усилило значение Российской Федерации в развитии международного

¹ Фритредерство (от англ. free trade — свободная торговля) — 1) экономическое течение, выступающее за свободу торговли и невмешательство государства в хозяйственную жизнь; 2) свободная торговля.

**Международные, региональные и национальные организации,
занимающиеся вопросами Арктики**

Организации	Страны-участницы
1	2
Арктический совет — создан в 1996 г.	Дания, Исландия, Канада, Норвегия, Россия, США, Финляндия, Швеция и ряд неправительственных организаций
<i>Политические организации</i>	
Совет Баренцева/Евроарктического союза — учрежден как форум регионального сотрудничества	Постоянные члены: Дания, Исландия, Норвегия, Россия, Финляндия и Швеция, а также Комиссия Европейских сообществ. Наблюдатели: Великобритания, Германия, Италия, Канада, Нидерланды, Польша, Франция, США, Япония
Конференция парламентариев Арктического региона — парламентская организация	Состоит из делегаций парламентов стран Арктического региона, а также представителей Европейского парламента. В качестве наблюдателей принимают участие делегаты от коренных народов региона
Северный совет — организация для координации сотрудничества между парламентами и правительствами стран Северной Европы	Государства Северной Европы
«Северное измерение» Евросоюза — программа «Северное измерение» призвана работать над упрочением диалога и сотрудничества между ЕС и странами, входящими вместе с ЕС в Европейскую экономическую зону, и Российской Федерацией	ЕС, Норвегия и Исландия, Россия
Совет министров северных стран (СМСС) — организован в 1971 г. и является межправительственным органом сотрудничества пяти северных стран. Имеет разветвленную сеть подразделений и институтов по различным направлениям сотрудничества северных стран, финансирование которых производится через СМСС в рамках формируемого бюджета	Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия и Швеция
<i>Финансовые учреждения</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), • Европейский инвестиционный банк (ЕИБ), • Инвестиционный банк стран Северной Европы (ИБСЕ), • Экологическая финансовая корпорация стран Северной Европы (ЭФКСЕ), • Проектный фонд стран Северной Европы (ПФСЕ) 	

1	2
<i>Экологические организации</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • ЮНЕП — программа ООН по окружающей среде, • Международный союз сохранения природы, • Всемирный фонд дикой природы (специализированная программа по Арктике), • Консультационный комитет по защите морей, • Союз сохранения циркумполярных областей 	
<i>Социально-экономическое развитие региона Арктики</i>	
<p>Северный форум — международная неправительственная организация северных регионов, созданная 8 ноября 1993 г. Его целью является улучшение качества жизни на Севере (через сотрудничество в области науки и здравоохранения), а также поддержка туризма и осуществление инициатив в сфере социально-экономического сотрудничества между северными регионами. Внимание уделяется области альтернативной энергетики.</p> <p>ПРООН — программа ООН по развитию</p> <p>ЮНЕСКО — программа ООН по культуре и науке</p>	Представители северных регионов мира
<i>Организации по правам коренных народов</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • Циркумполярная конференция инуитов. Международная ассоциация алеутов, • Совет саамов, • Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, • Арктический совет атабасканов, • Международный совет гвичинов, • Международная рабочая группа по делам коренных народов, • Арктический циркумполярный маршрут, • Всемирная ассоциация пастухов северного оленя 	
<i>Организации, целью которых является изучение Арктики</i>	
<ul style="list-style-type: none"> • Международный комитет по арктическим наукам. Международный союз циркумполярного здоровья, • Исследовательская сеть по северным регионам, • Университет Арктики, • Институт Арктики и Антарктики (РФ), • Североамериканский Арктический институт (Канада), • Исследование проблем прибрежных территорий (Великобритания), • Датский институт международных исследований, • Французский полярный институт, • Институт Нансена, • Институт всеобщей истории РАН (РФ), • Норвежский институт по изучению проблем обороны, • Московский институт (университет) международных отношений, • Норвежский институт международных отношений, • Норвежский полярный институт, 	

1	2
<ul style="list-style-type: none"> • Исследовательский совет Норвегии, • Шведское агентство по исследованию проблем обороны, • Комиссия исследований по Арктике (США), • Университет Тромсе (Норвегия), • Национальный институт полярных исследований (Япония), • Институт полярных и морских исследований Альфреда Вегенера (Германия), • Институт полярных исследований им. Скотта (Великобритания), • Институт полярных исследований Китая 	

сотрудничества в Арктическом регионе. В сферу деятельности «Северного измерения» входят такие проблемы, как экономическое сотрудничество, внешняя и внутренняя безопасность, демократические свободы, развитие системы правосудия, культуры, образования, здравоохранения и т. п.

- Повышение роли России в развитии североευропейского региона связано, прежде всего, с крупными международными энергетическими и транспортными проектами, в результатах которых заинтересованы все страны северного региона. К ним относятся строительство североευропейского газопровода, разработка Штокмановского газо-конденсатного месторождения, являющегося пятым по мощности газовым месторождением в мире, Балтийская нефтепроводная система (BOPS), Балтийская электропередающая система (BALTEL, транспортные проекты «коридор 9 А» и «Виа Балтика»). Помимо этого Россия участвует в реализации международных транспортных проектов в Баренцевом (Евроарктическом) регионе, в освоении Северного морского пути и т. п.

Характеризуя стратегию Европейского союза в области развития северного региона, отметим, что она направлена на создание условий для территориальной сплоченности макрорегиона в целях повышения его конкурентоспособности, мировой интеграции и устойчивого развития. Решение этих проблем предполагает скоординированные действия всех северных стран и регионов, в том числе Российской Федерации.

Специфика межрегионального и международного разделения общественного труда АЗ РФ связана с конкретной специализацией макрорегиона. В ее формировании большое значение имеет и географический фактор, поскольку социально-экономическое положение АЗ РФ связано с Северным Ледовитым океаном, системообразующей ролью Северного морского пути, уровнем освоения и эксплуатации его богатейшей морской природно-ресурсной базы.

Современный характер экономики АЗ РФ, ее место в системе территориально-географического разделения труда определяются преимущественно сырьевой специализацией, обусловившей рост добывающей промышленности в нефтегазовом и металлургических секторах. К другим активно развивающимся отраслям деятельности относятся электроэнергетика, машиностроение, рыболовство, строительство, торговля, а также транспорт и связь. Несмотря на крайне незначительную долю АЗ РФ в общероссийских показателях численности населения и занятых в экономике, на нее приходится 5,86% всего объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных собственными силами работ и услуг.

Уникальное географическое положение АЗ РФ создает для России возможность развития транспортно-логистической деятельности в глобальном масштабе. При реализации данной возможности АЗ РФ перестанет быть только центром добывающей промышленности, а превратится в конкурентоспособный транзитный регион с устойчивыми международными взаимодействиями. Это позволит повысить эко-

номическую устойчивость за счет развития сферы транспортно-логистических услуг. На основе масштабной реализации транспортно-транзитного потенциала АЗ РФ сможет не только развить систему международных транспортных коридоров под юрисдикцией Российской Федерации, но и сформировать внутреннюю транспортную инфраструктуру, обеспечивающую взаимодействие труднодоступных приарктических населенных пунктов.

Для экономики АЗ РФ большое значение имеют интегрированные хозяйственные единицы, представленные финансово-промышленными группами, крупными компаниями, кластерами и т.п., динамично развивающимися на всем пространстве макрорегиона. На их основе в АЗ РФ повышается эффективность инвестиций финансового, промышленного и торгового капитала, создаются условия для реализации крупных национальных инвестиционных проектов, государственных и региональных программ, создания мегакластеров. В настоящее время в АЗ РФ представлены подразделения «Газпрома», «Лукойла», «Транснефти», Росатома, «Норильского никеля» и «Архморторгпорта», Администрации Севморпути и ряд других компаний. Их деятельность способствует повышению конкурентоспособности экономики АЗ РФ не только на региональном, но и на международном уровне.

Уровень инвестиционной привлекательности АЗ РФ в условиях сложившейся макроэкономической конъюнктуры зависит от ее способности формировать и поддерживать конкурентные преимущества, максимально полно используя для этих целей как свой внутренний экономический потенциал, так и средства государственной поддержки. Последнее направление в условиях обострения глобального экономического кризиса имеет особенно большое значение для снижения экономических и политических рисков реализуемых крупномасштабных проектов. В связи с этим государство будет играть ведущую роль в реализации на территории АЗ РФ крупномасштабных инфраструктурных проектов и ее перехода на инновационную траекторию экономического роста. Особую роль играет инновационная деятельность как один из важнейших способов удовлетворения потребностей производства и других сфер человеческой деятельности путем создания эффективной организации [3].

Для повышения конкурентоспособности макрорегиона на международном рынке большое значение имеет выделение свободных экономических зон. Это позволяет создать наиболее благоприятные условия для иностранных инвестиций, способствует увеличению и диверсификации экспорта. Данное направление повышения устойчивости АЗ РФ позволяет, с одной стороны, реализовывать крупные и мегапроекты и за счет этого снижать высокие издержки, характерные для деятельности экономических субъектов в АЗ РФ. С другой стороны, обеспечивает льготный режим налогообложения, гибкую тарифную, таможенную, кредитную, бюджетную, страховую политику для проектов с высокой трудоемкостью и капиталоемкостью, длительными сроками окупаемости и пр. Кроме того, в условиях финансового кризиса это направление способствует диверсификации источников финансирования перспективных направлений развития макрорегиона и приоритетных комплексных проектов.

Поскольку на территории АЗ РФ реализуется большое количество государственных и региональных программ и подпрограмм, для ее социально-экономического положения большое значение имеет механизм бюджетного взаимодействия субъектов Российской Федерации. Это связано с наличием у общегосударственных межведомственных проектов федерального уровня четкой региональной направленности и пространственной привязки, что требует хорошей взаимосвязки с программными документами, утверждаемыми на республиканском, краевом или областном уровнях. Только в этом случае возможно обеспечить полномасштабное финансирование межведомственных и межотраслевых проектов за счет привлече-

ния дополнительных инвестиций в рамках межрегионального и международного сотрудничества.

В настоящее время в АЗ РФ реализуются следующие государственные программы: ГП «Воспроизводство и использование природных ресурсов», ГП «Развитие рыбохозяйственного комплекса», ФЦП «Мировой океан», ФЦП «Развитие транспортной системы России (2010–2020 годы)», ФЦП «Развитие гражданской морской техники», «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Забайкалья на период до 2013 года». Практикуется выделение субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на поддержку экономического и социального развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока РФ

Задачи инновационного развития АЗ РФ решаются в рамках Федеральной космической программы России на 2006–2015 годы, ФЦП «Поддержание, развитие и использование системы ГЛОНАСС на 2012–2020 годы», «Развитие гражданской авиационной техники России на 2002–2010 годы и на период до 2015 года» и др.

Осуществляется обеспечение глобальной конкурентоспособности обрабатывающих отраслей Арктической зоны Российской Федерации с использованием инструментов таможенно-тарифной политики, регулирования внутренних рынков, привлечения иностранного капитала и формирования центров компетенции, встроенных в мировые цепочки производства добавленной стоимости. Осуществляется выстраивание стабильных диверсифицированных связей с мировыми экономическими центрами, обеспечивающих устойчивость развития региональной экономики в долгосрочной перспективе при растущих глобальных рисках. Кроме федерального и региональных бюджетов при реализации арктических проектов активно используются механизмы государственно-частного партнерства, позволяющие за счет сочетания интересов государства и частного сектора эффективно использовать ресурсы государственных и частных институтов развития, в том числе привлекать иностранные инвестиции.

Усиление роли России в решении глобальных проблем Арктики, восстановление ее в статусе мировой арктической державы невозможно без серьезных научных исследований. Современные полярные исследования во многом имеют международный характер. Они выходят за рамки одной страны, осуществляются международными исследовательскими коллективами, совместными усилиями нескольких стран, институтов, организаций. Это означает, что они приобретают сетевой характер, обуславливающий необходимость грамотного согласования и координации усилий, оперативной коммуникации для их инициирования и проведения.

Сетевые взаимодействия с международными партнерами предполагают совместное создание и финансирование арктической научной инфраструктуры. В этой схеме Россия максимально полно участвует в международных проектах, вносит свою лепту в их организацию и реализацию, но собственные полярные исследования по своей национальной программе при этом минимизируются. Данная схема существенно снижает затраты на проведение исследований, но требует хорошего юридического сопровождения и четкого отстаивания национальных интересов. Хотя у этой схемы есть как преимущества, так и недостатки, она представляется нам более перспективной и соответствующей современному состоянию развития арктической науки. Реализуя эту схему, следует выдвигать больше собственных исследовательских инициатив, опираясь на международные финансовые ресурсы, чтобы закрыть российские пробелы в исследованиях.

В заключение отметим, что для устойчивого развития АЗ РФ необходимо создание и развитие механизмов управления интеграционными процессами на региональном и общегосударственном уровне с целью повышения их эффективности и снижения связанных с ними рисков, а также решение экологических вопросов,

сведение к минимуму рисков от человеческой деятельности при разработке недр на Севере Европы [2].

Литература

1. Басангова К. М. Параметры и порядок определения потенциала освоения северных территорий // Проблемы современной экономики. СПб., 2012. № 1 (41).
2. Басангова К. М. Проблемы развития циркумполярных территорий России // Общество. Среда. Развитие. СПб., 2009. № 4.
3. Басангова К. М. Системный анализ рисков, инвестиционных и инновационных решений // Экономическая кибернетика: системный анализ в экономике и управлении: Сб. науч. тр. Вып. 19. СПб.: СПбГУЭФ, 2009.
4. Селин В. С., Васильев В. В., Широкова Л. Н. Российская Арктика: география, экономика, районирование. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2011.
5. Юшкин Н. П. Арктика в стратегии топливно-энергетических перспектив // Энергетика России: проблемы и перспективы: Труды науч. сессии РАН / Под. ред. В.Е. Фортова, Ю.Г. Леонова. М.: Наука, 2006.

References

1. Basangova K. M. *Parameters and order of determination of potential of development of northern territories* [Parametry i poryadok opredeleniya potentsiala osvoeniya severnykh territorii] // Problems of modern economy [Problemy sovremennoi ekonomiki]. SPb, 2012. N 1 (41).
2. Basangova K. M. *Problems of development of circumpolar territories of Russia* [Problemy razvitiya tsirkumpolyarnykh territorii Rossii] // Society. Environment. Development [Obshchestvo. Sreda. Razvitie]. SPb., 2009. N 4.
3. Basangova K. M. *System risk analysis, investment and innovative solutions* [Sistemnyi analiz riskov, investitsionnykh i innovatsionnykh reshenii] // Economic cybernetic: the system analysis in economy and management: collection of scientific works [Ekonomicheskaya kibernetika: sistemnyi analiz v ekonomike i upravlenii: sb. nauch. tr.]. Vol. 19. SPb.: SPb SUEF [SPb GUEF], 2009.
4. Selin V. S., Vasilyev V. V., Shirokova L. N. *Russian Arctic: geography, economy, regionalization* [Rossiiskaya Arktika: geografiya, ekonomika, raionirovanie]. Apatity: Publishing House of Kola Scientific Center of Russian Academy of Sciences [Izd. Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN], 2011.
5. Yushkin N. P. *Arctic in strategy of fuel and energy prospects* [Arktika v strategii toplivno-energeticheskikh perspektiv] // Power industry of Russia: problems and prospects. Works of scientific session of the Russian Academy of Sciences [Energetika Rossii: problemy i perspektivy. Trudy nauchnoi sessii RAN] / Under edition of V.E. Fortov, Yu. G. Leonov. M.: Science [Nauka], 2006.

Функции внутреннего риск-консалтинга на предприятии

Корезин Александр Сергеевич

Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России (Санкт-Петербург)
Профессор кафедры налогообложения
Доктор экономических наук
aleckor@yandex.ru

Поскочинова Олеся Григорьевна

Северо-Западный институт повышения квалификации ФНС России (Санкт-Петербург)
Проректор по учебной и научной работе
Кандидат экономических наук
fristile@list.ru

РЕФЕРАТ

В статье поднимается проблема повышения результативности комплексного управления рисками в практической деятельности российских предприятий нефинансовой сферы экономики. Как показывает анализ, эта эффективность пока явно недостаточна, и, как следствие, в деловых и научных кругах в последнее время все больше внимания уделяется методологическим и практическим проблемам управления рисками предприятий. Особенно возросло внимание к рискам нефинансовых отраслей экономики, поскольку там риск-менеджмент менее развит, чем в финансовой сфере. На большинстве производственных предприятий отсутствуют эффективные системные решения по управлению рисками. Следовательно, актуальными становятся вопросы формирования новых организационно-методологических подходов к разработке и реализации систем управления рисками на российских предприятиях.

В соответствии с передовым опытом европейских компаний, одним из перспективных путей решения данной проблемы может быть создание на российских предприятиях собственных служб внутреннего риск-консалтинга. Главной предпосылкой к этому является тот факт, что основные проблемы системного управления рисками предприятий связаны преимущественно с ненадлежащим информационно-аналитическим, консультационным и методическим обеспечением управленческих процессов, а также с отсутствием должной координации в рамках корпоративных систем риск-менеджмента.

В статье выдвигается идея о том, что ключевой функцией службы внутреннего риск-консалтинга должен стать комплексный мониторинг рисков, поскольку для разработки эффективных решений как самой службе, так и лицам, принимающим решения, необходимо в любой момент времени иметь полную, актуальную и оцененную картину спектра рисков предприятия. Такую картину можно получить только посредством реализации процесса внутреннего комплексного мониторинга факторов рисков.

Таким образом, в работе изложен авторский подход к разработке общей концепции системы внутреннего риск-консалтинга на предприятии, определены задачи и структурирован процесс комплексного мониторинга рисков как ключевой функции внутреннего риск-консалтинга. Конкретизированы вопросы, связанные со сбором и систематизацией информации для мониторинга факторов рисков. Предложен набор индикаторов результативности управления рисками предприятия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

риск-консалтинг, управление рисками предприятия, система управления рисками, мониторинг рисков предприятия, факторы рисков предприятия, комплексный риск-менеджмент, результативность управления рисками

The Key Function of Internal Enterprise Risk Consulting

Korezin Aleksandr Sergeevich

North-West institute of professional development of Federal Tax Servants of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of Chair of the taxation

Doctor of Science (Economy)

aleckor@yandex.ru

Poskochinova Olesia Grigorievna

North-West institute of professional development of Federal Tax Servants of Russia (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Deputy Director on educational and scientific work

PhD in Economy

fristile@list.ru

ABSTRACT

The article presents the issue of improvement of the performance of integrated risk management systems in the practice of Russian non-financial enterprises. The analysis shows that such systems are not effective enough, therefore in business and scientific circles more and more attention is paid to various methodological and practical problems of enterprise risk management. In particular the attention is attracted to the risks of non-financial enterprises where integrated risk management has not yet progressed as much as, for example, in financial companies. Most of such enterprises do not have their effective system solutions for integrated risk management.

Consequently, development of new organizational and methodological approaches to integrated risk management implementation in Russian enterprises has become an issue of current interest.

Based on the best practices of some companies, one of the good solutions for this problem may be found in organizing internal risk consulting services at Russian enterprises. The main presumption for this is the fact that the key problems of enterprise-wide risk management are underlain with inappropriate information, analysis, consulting and methodical support of risk management practice, and besides, a lack of coordination within a corporate risk management system.

The article puts forward an idea that the key function of an internal risk consulting service should be an enterprise-wide risk monitoring, since both this service and decision-making managers at any point of time must be provided with the entire, relevant and actually assessed enterprise risk profile, in order to elaborate appropriate risk solutions. Such a holistic profile can be ensured only through implementation of an internal enterprise-wide risk monitoring process.

Thus, the authors of the article outline their approach to development of the concept model of an internal enterprise risk consulting service, namely they define the structure, functions and tasks of an enterprise-wide risk monitoring process designed to play the key role in this service. The essential aspects of risk factors data collection are described in detail. Also some key indicators of enterprise risk management performance are suggested.

KEYWORDS

risk consulting, enterprise risk management, risk management system, enterprise-wide risk monitoring, enterprise risk factors, integrated risk management, risk management performance

Конец XX в. принес с собой кардинальные изменения в сложившихся управленческих подходах к рискам хозяйствующих субъектов [1; 3]. Руководители ведущих зарубежных предприятий пришли к пониманию того, что методы сбора и анализа информации о рисках, которыми они владели, недостаточно надежны для принятия решений по риск-менеджменту. Встала насущная задача радикального пересмотра устоявшихся организационно-методологических подходов в этой области.

На базе отделов риск-менеджмента ряда крупных европейских компаний стали формироваться внутренние службы риск-консалтинга. Такие службы начали работать, опираясь на новые принципы и приоритеты: подготовка персонала в области

риск-менеджмента и формирование более сознательного отношения к рискам; моделирование систем управления рисками; разработка инструментария выявления и оценки рисков и создание условий для его внедрения в практику; информационно-консультационная поддержка менеджмента в вопросах управления рисками; обеспечение координации между различными отделами предприятия в управлении рисками: экономической безопасности, безопасности труда, внутреннего аудита и юридическим отделом; ориентация на комплексное и превентивное управление бизнес-рисками.

Наряду с внутренним риск-консалтингом получил развитие и внешний — специализированные фирмы, предоставляющие услуги для юридических лиц по анализу и управлению их рисками (аутсорсинг риск-менеджмента), а также по проектированию корпоративных систем риск-менеджмента и их внедрению на предприятиях, исходя из анализа специфики бизнес-процессов и определения соответствующего этой специфике спектра рисков.

В российской экономике в последние десятилетия также все больше внимания уделяется методологическим и практическим проблемам управления рисками предприятий в различных отраслях экономики. Особенно возросло внимание к рискам нефинансовой, производственной сферы, что обусловлено, с одной стороны, усилением и расширением спектра факторов, могущих представлять потенциальную угрозу устойчивости функционирования и развития производственных объектов, и, с другой стороны, отсутствием эффективных системных решений по их своевременному выявлению, локализации и превенции на уровне отдельных предприятий.

Несмотря на то что уже разработано достаточно много методик оценки рисков и имеется ряд концепций управления отдельными классами рисков, эффективность комплексных систем риск-менеджмента в практической деятельности предприятий отраслей нефинансовой сферы экономики пока явно недостаточна. Об этом свидетельствуют периодически возникающие кризисы различного масштаба как корпоративные, так и системные, и отраслевые.

Таким образом, очевидно, что актуализируется потребность в пересмотре существующих организационно-методических подходов к управлению рисками как в теоретическом, так и в практическом плане, и эта проблема сегодня едва ли может игнорироваться руководством предприятий. Решение ее в современных условиях возможно лишь на основе глубоко продуманных общих и частных системных решений. Одним из таких решений, в соответствии с передовым опытом компаний европейских стран, может быть создание на российских предприятиях собственных служб внутреннего риск-консалтинга.

Почему именно риск-консалтинг наиболее актуален сегодня для российских предприятий? Дело в том, что на большинстве из них распространена структурно-функциональная форма управления рисками. Это понятие подразумевает действия различных единиц организационной структуры (линейно-функциональной, дивизиональной или матричной) по управлению рисками, определяемые особенностями их основных функций в рамках отведенного им функционального направления деятельности. Структурно-функциональная форма, таким образом, является распределенной системой риск-менеджмента, однако любая такая система нуждается в некоем координирующем органе, если ставится цель эффективного управления не отдельными рисками, а всем спектром рисков предприятия.

Кроме того, с распределенной системой связаны и другие проблемы: отсутствие централизованного, ведущегося на постоянной основе сбора и анализа информации по всему спектру рисков, связанных с деятельностью предприятия, а также ее консолидации и учета; недостаток консультационной и методической поддержки руководителей различных уровней в вопросах управления рисками; отсутствие комплексности в существующих подходах к мониторингу рисков и процессов, свя-

занных с управлением рисками; отсутствие или неполнота внутренней системы оценки эффективности системы управления рисками, функционирующей на предприятии.

Таким образом, нетрудно заметить, что *основные проблемы находятся в сфере должного обеспечения процессов управления рисками, а не в сфере собственно применения инструментов локализации или нейтрализации рисков*, таких как страхование, хеджирование или превентивные мероприятия.

Решение отмеченных проблем возможно путем организации на предприятиях служб внутреннего риск-консалтинга, ключевой функцией которого является внутренний мониторинг рисков, как инструмент, способный предоставлять по требованию в нужный момент времени необходимую и достаточную информацию для консультирования и разработки решений в области управления рисками. Можно отметить также следующие организационные предпосылки к созданию таких комплексных систем:

- а) хотя стратегическими рисками занимается высшее руководство, оно не в состоянии видеть адекватную картину рисков предприятия в нужный момент времени, а значит, нужен механизм, формирующий и представляющий такую картину по запросам высшего руководства. Таким образом, последнему нужна информационная, консультационная и методическая поддержка в организации управления рисками;
- б) в структуре любого предприятия необходим организационный механизм, отслеживающий все факторы рисков, и на основе их потенциальных последствий анализа надо отправлять отчеты руководству для разработки стратегических изменений, а также сигнализировать менеджерам процессов о необходимости оперативных корректировок. Эта функция не может быть возложена на самих руководящих работников, линейных или функциональных, поскольку они не в состоянии обрабатывать и фильтровать всю информацию, необходимую для принятия своевременных решений.

Итак, для реализации процесса компетентного и информированного управленческого консультирования служба внутреннего риск-консалтинга должна непрерывно располагать полной, актуализированной и оцененной картиной всего спектра рисков предприятия. Такую картину можно получить только посредством реализации процесса внутреннего мониторинга факторов рисков предприятия.

В контексте корпоративного риск-контроля проблема сопутствующего мониторинга со стороны правления крупных промышленных компаний уже поднималась в соответствующих публикациях [1; 6], однако пока не выработано понимания этой функции как имеющей самостоятельное значение и требующей, таким образом, формирования специальной организационной инфраструктуры.

Мониторингу рисков также отведена одна из важнейших ролей в рамках концептуальной модели контроллинга экономической безопасности предприятия [3]. В данной работе мониторинг как одна из главных функций модели контроллинга безопасности рассматривается в трех аспектах: мониторинг рисков; мониторинг качества, результативности и эффективности риск-менеджмента предприятия; мониторинг качества, результативности и эффективности проектного управления развитием предприятия.

Как справедливо отмечено в монографии [3, с. 189]: «В целях стратегического и оперативного контроля уровня устойчивости функционирования и развития предприятия службе контроллинга необходимо осуществлять мониторинг не только рисков, но и процессов риск-менеджмента. Для этого следует разработать систему качественных и количественных индикаторов». В данной интерпретации риск-мониторинг является подсистемой контроллинга экономической безопасности предприятия. Однако следует рассмотреть и целесообразность его орга-

низации в качестве самостоятельной системы, что в ближайшей перспективе гораздо более актуально, учитывая тот факт, что пока еще концепции контроллинга экономической безопасности на российских предприятиях не существует, редки также и успешные реализации корпоративных систем управления рисками.

Опираясь на отмеченные выше работы, а также ряд других работ [1; 2; 4], посвященных комплексному управлению рисками, в настоящей статье развивается идея организации мониторинга рисков, функционирующего в качестве основной подсистемы внутреннего риск-консалтинга предприятия. Такая подсистема будет являться полноценным организационным механизмом с соответствующим набором взаимосвязанных элементов. В табл. 1 дадим системное описание внутреннего мониторинга рисков предприятия.

Таблица 1

Система внутреннего мониторинга рисков предприятия

Элементы системы	Содержание
1	2
Цели	<ul style="list-style-type: none"> • Обеспечение прозрачности комплекса факторов рисков предприятия. • Информационно-аналитическая поддержка менеджмента (ЛПР) предприятия в области управления рисками. • Обеспечение условий для своевременной локализации / нейтрализации факторов рисков. • Содействие менеджменту (ЛПР) предприятия в разработке решений по рискам и обеспечению антикризисной устойчивости предприятия
Задачи	<ul style="list-style-type: none"> • Сбор, обработка и учет информации о факторах рисков и процессах управления рисками на предприятии. • Расчет индикаторов риск-мониторинга. • Отслеживание изменений индикаторов риск-мониторинга. • Разработка рекомендаций по корректировкам стратегий и оперативных планов управления рисками. • Консультационная и методическая поддержка руководства в разработке стратегий и планов управления рисками. • Мониторинг эффективности управления рисками предприятия
Принципы	<ul style="list-style-type: none"> • Упреждения (превентивности); • содействия менеджменту; • своевременности; • сигнализирования (оповещения); • гибкой регуляции; • документирования
Организационная инфраструктура	Отдел риск-мониторинга в составе службы внутреннего риск-консалтинга или как самостоятельная структурная единица
Информационное обеспечение	<ul style="list-style-type: none"> • Хранилища данных и базы знаний по рискам. • Специализированные информационные системы анализа и оценки рисков. • Система электронного документооборота, специализированная под задачи управления рисками. • Внутренняя система Интранет

1	2
Методы и инструменты	<ul style="list-style-type: none"> • Методы сбора и фильтрации информации по рискам. • Методы выявления и анализа факторов риска. • Протоколирование факторов рисков. • Индикаторы мониторинга факторов рисков. • Внутренний регламент по риск-мониторингу. • Формы документирования риск-мониторинга

Сбор и систематизация информации

Информация, собираемая отделом риск-мониторинга, должна быть связана, во-первых, с характеристиками организационной структуры, во-вторых, с характеристиками бизнес-процессов.

Целями сбора информации для мониторинга рисков являются: выявление факторов рисков, связанных с особенностями структуры и процессов предприятия; выявление ресурсов и возможностей повышения организационной (структурной) и операционной устойчивости предприятия; определение объектов стратегических и оперативных изменений, локализирующих или нейтрализующих выявленные факторы рисков.

Источниками получения нужной информации могут быть: управленческая документация; учетные и иные информационные системы; опросы (интервьюирование, анкетирование) лиц, принимающих решения, менеджеров и персонала; прямое инспектирование объектов; бизнес-разведка. Также отдел мониторинга рисков как система методической поддержки может разрабатывать собственные средства и методы сбора информации, критерии отбора критически важной информации, формы ее документирования.

Сбор информации, связанной с организационными (структурными) факторами рисков

Рассмотрим особенности информации, на основе которой можно распознавать сигналы будущего развития рискованных ситуаций, выражающихся в разнообразных проявлениях потери управляемости и структурной устойчивости бизнеса.

По мере усложнения и расширения производства усиливается дифференциация в плане увеличения числа специализированных функций и задач, а также разделения ресурсов по различным участкам деятельности. Это может выражаться как во введении дополнительных должностных позиций или новых структурных подразделений, так и в формировании дивизиональных структур управления соответственно дифференциации деятельности по рынкам (клиентам) или регионам. Усиление дифференциации приводит к все большей дезинтегрированности организационных структур, следствием чего являются ослабление контроля и рост издержек в масштабе всего предприятия.

Поэтому руководству необходимо постоянно думать о том, какими средствами интеграции оно располагает в данный момент, и находить способы их применения. В этом может оказать поддержку система риск-мониторинга, своевременно информирующая руководство об индикаторах — сигналах структурной дезинтеграции, коммуникационных барьерах и организационных (структурных) факторах риска. Среди главных сигналов здесь можно отметить следующие.

1. *Снижение результативности.* Усложнение технологий производства и условий ведения бизнеса приводит к декомпозиции рабочих функций, их дроблению,

- в результате чего каждый сотрудник, выполняя достаточно узкий круг специальных задач, перестает видеть свой реальный вклад в конечные результаты труда в масштабе всего предприятия и понимать свою роль в процессе реализации цепочки создания стоимости; поэтому такая система заставляет персонал лишь хорошо исполнять свои функции, но не ориентирует на результативность.
2. *Увеличение времени на взаимодействие.* В процессе ведения бизнеса различные службы должны взаимодействовать, передавая друг другу работу по этапам, но при усложнении бизнес-процессов и увеличении их количества взаимодействие между этими службами замедляется, что может усугубляться потерей мотивации у представителей одного подразделения к эффективному сотрудничеству с представителями другого.
 3. *Конфликты интересов.* Наличие мотиваций к защите узкопрофессиональных интересов, что порождает конфликт интересов — различного рода разногласия между структурными подразделениями, в которых забываются общие стратегические приоритеты.
 4. *Дезинтегрированность и ослабление механизмов контроля.* При расширении бизнеса, неизбежно возникает тенденция к дальнейшей децентрализации и, в конечном счете, осуществляется переход к структурам управления, где, естественным образом, происходит ослабление единства в действиях и контроля в масштабе всего предприятия; возникает потребность в принципиально новых организационных механизмах интеграции; недостаточная интегрированность систем управления приводит к неизбежным потерям в составляющих их элементах.
 5. *Увеличение затрат средств и времени на информационные коммуникации.* Сложные иерархические и бюрократические структуры замедляют информационные коммуникации, приводят к дополнительным затратам на излишний документооборот, что тормозит процессы принятия управленческих решений.

Отмеченные сигналы указывают на наличие организационных факторов риска, которые должны быть подвергнуты более глубокому анализу для выяснения причин их возникновения. Среди наиболее распространенных факторов риска можно выделить следующие: несовершенство административных процедур; нарушение координации в процессах планирования; узкие места в системе внутреннего контроля; длительное отсутствие (нерегулярность) ротации руководства подразделений; уязвимости в организационной культуре; слабость стратегии развития организационных компетенций; недостаток новых программ обучения кадров; отсутствие (недостаток) ответственных координаторов по критичным аспектам деятельности; отсутствие (недостаток) структурных единиц, выполняющих интегрирующую (координирующую) функцию (штабы, советы, межфункциональные группы, комитеты).

Сбор информации, связанной с факторами рисков в бизнес-процессах

В связи с тем что в настоящее время наиболее целесообразным представляется управление предприятием на основе процессного подхода, в системе риск-мониторинга актуализируется проблема сбора и систематизации информации по бизнес-процессам с целью ее анализа на предмет выявления и оценки факторов рисков, которые подлежат включению в систему наблюдения в качестве индикаторов мониторинга. Специфика точки зрения отдела риск-мониторинга будет определять способы фильтрации нужной информации, которая должна быть связана с исследованием факторов рисков, возникающих в процессах, а также в выявлении ресурсов и возможностей обеспечения бесперебойности процессов.

Сбор информации по бизнес-процессам осуществляется на основании внутренних регламентирующих документов, специально разработанных анкет и интервьюирования сотрудников предприятия. Интервьюировать целесообразно сотрудников ключевых подразделений. Не рекомендуется опираться только на информацию руководителей подразделений, так как они, скорее всего, будут недостаточно объективны.

Для осуществления мониторинга факторов рисков в бизнес-процессах необходимо определить и зафиксировать в соответствующих документах: точки и объекты мониторинга; субъекты мониторинга (при структурно-функциональном подходе: лица, на которые возлагается обязанность осуществления мониторинга в силу выполнения ими должностных обязанностей; при аудите: отдел внутреннего аудита); входные и выходные документы процесса (поскольку отслеживать можно только то, что документируется); методы мониторинга (статистические методы, контрольные замеры, контрольные включения оборудования, метод сопоставления однородных фактов, экспертиза, сканирование, логическая верификация, опросы, инвентаризация и др.); точки принятия оперативных решений в случае обнаружения отклонений.

При выходном мониторинге для оценки факторов рисков необходимо определять количественные метрики — ключевые индикаторы выполнения (KPI). Полный набор таких индикаторов определяется по каждому процессу отдельно в зависимости от его специфики. В качестве общих индикаторов можно рассматривать: количество отработанных заказов (заключенных договоров); время, затраченное на выпуск единицы продукции; время, затраченное на обработку заказа; количество прерываний процесса и время простоев; потери в результате прерываний процесса; издержки по стадиям процесса (по операциям); уровень дефектности продукции; себестоимость продукции; выходной объем продукции (услуг) в стоимостном или натуральном выражении, а также другие аналогичные индикаторы.

Результаты мониторинга факторов рисков в бизнес-процессах служат основанием для разработки и внесения стратегических и оперативных корректировок в соответствующие процессы, а также для принятия решений о реорганизации (реконструкции) последних (в случае, если выявленные в ходе мониторинга факторы рисков не могут быть устранены в рамках существующей технологии работы).

Процесс мониторинга рисков на предприятии

В рамках предлагаемой концептуальной модели внутреннего мониторинга рисков предприятия ряд задач, выполняемых им на различных стадиях процесса, имеет архиважное значение и требует особого внимания и рассмотрения. Рис. 1 иллюстрирует основные стадии процесса внутреннего мониторинга рисков на предприятии и их содержание.

Представленный на рис. 1 блок «Мониторинг результатов» нуждается в некоторых пояснениях, а именно:

- оценка эффективности применения методов и инструментов управления риском по каждому используемому инструменту завершается выставлением итогового рейтинга с использованием балльной шкалы;
- для решения задачи переоценки совокупного «профиля рисков» предприятия (сводной таблицы рисков) — определения «остаточного» риска — предполагается построение матрицы [3, с. 189], на которой репозиционируется каждый фактор риска (рис. 2); далее определяются критичные изменения и анализируются их причины с целью выработки дальнейших рекомендаций по корректировкам управленческих подходов.

Рис. 1. Процесс внутреннего мониторинга рисков на предприятии

Рейтинг инструмента управления риском	Высокий	Только наблюдение	Перераспределение ресурсов
	Низкий	Периодический пересмотр	Радикальный пересмотр управленческих подходов
		Низкий	Высокий
Рейтинг риска			

Рис. 2. Матрица «рейтинг риска — рейтинг управления риском»

Участие ответственных лиц в процессе мониторинга рисков предприятия

Стадии процесса	Участники процесса		
	Высшее руководство	Руководители функциональных направлений (зон ответственности за риски)	Отдел риск-мониторинга
Мониторинг факторов рисков	При стратегическом планировании	При оперативном планировании	На всех стадиях (при планировании и реализации решений)
Мониторинг результатов реализации решений по рискам	В процессе стратегического контроля	В процессе итогового контроля выполнения оперативных планов	Анализ причин отклонений, актуализация сводной таблицы рисков, рекомендации по корректировкам
Мониторинг результативности зон ответственности за риски	При посредничестве отдела риск-мониторинга	В процессе контроля выполнения оперативных планов	Методическое обеспечение и оценка результативности
Учет результатов риск-мониторинга	Нет	Нет	Учет результатов в электронной системе управления рисками
Отчеты по риск-мониторингу	Утверждение	Отчеты для высшего руководства при посредничестве отдела риск-мониторинга	Верификация отчетов зон ответственности, собственные аналитические отчеты для ЛПП

В табл. 2 представим участие ответственных лиц на различных стадиях процесса мониторинга рисков.

Необходимо подчеркнуть, что описываемая модель системы мониторинга может функционировать только в том случае, если процессы управления рисками документируются. В противном случае отслеживать выполнение планов по рискам будет невозможно. В качестве такого документирования могут использоваться стандартизированные формы и таблицы — «протоколы рисков».

Каждый такой протокол должен содержать полный набор информации, касающейся наблюдаемого риска, а именно: наименование риска согласно принятой классификации; описание характеристик риска; перечень выявленных факторов риска; оценки количественных параметров факторов риска; план мероприятий по локализации / нейтрализации факторов риска; лица, ответственные за риск; исполнители решений по риску.

Такие протоколы (или спецификации) утверждаются руководством с целью дальнейшего мониторинга, а также в случае реализации рисков возможности применения санкций к ответственным лицам, не принявшим должных превентивных мер. Помимо протоколов риска документационное обеспечение системы управления рисками должно содержать отчеты о выполнении планов по рискам и отчеты о

результативности. Примерная форма последнего приведена ниже. На практике конкретное предприятие может сформировать собственный набор индикаторов результативности (пример в табл. 3).

Таблица 3

Отчет о результативности управления рисками

№	Показатели	Прогноз	Факт	Отклонение
1	Количество локализованных факторов риска (в разрезе классов рисков)			
2	Суммарные потери в результате реализации рисков			
3	Суммарная уплаченная страховая премия, в том числе по отдельным рискам			
4	Произошедшие страховые события (всего)			
5	Сумма полученных страховых возмещений			
6	Понесенные убытки по страховым событиям			
7	Проведенные превентивные мероприятия			
8	Суммарное время простоев (прерывания производства), дн. (час)			
9	Суммарные затраты на ликвидацию последствий по произошедшим инцидентам			
10	Суммарное время, затраченное на ликвидацию последствий инцидентов, дн.			
11	Суммарные расходы на управление рисками			

Утвержденные формы документации должны генерироваться и заполняться в специальной электронной системе управления рисками (информационной системе риск-менеджмента), чтобы была возможность регулярного обновления.

В заключение следует подчеркнуть, что рассмотренное системное решение по организации внутреннего мониторинга рисков на предприятиях направлено на повышение эффективности процессов управления рисками за счет более полного охвата и обеспечения прозрачности всего комплекса рисков, с которыми связана хозяйственная деятельность того или иного предприятия. В целом внедрение такой модели мониторинга или отдельных ее элементов в практику организации производства должно способствовать превентивности управления рисками и антикризисной устойчивости производственных систем.

Литература

1. Баттеруорт М. Растущая роль риск-менеджера // Управление рисками. М.: ООО «Вершина», 2004.
2. Вяткин В. Н., Гамза В. А., Екатеринославский Ю. Ю., Иванушко П. Н. Управление рисками фирмы: программы интерактивного риск-менеджмента. М.: Финансы и статистика, 2006.
3. Корезин А. С. Менеджмент и контроллинг безопасности предприятия. СПб.: ПаркКом, 2011.
4. Корезин А. С. Формирование системы риск-менеджмента на предприятии транспорта. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2008.

5. Кэри Э., Тэрнбулл Н. Необходимость внутреннего контроля со стороны правления // Управление рисками: [Пер. с англ.]. М.: ООО «Вершина», 2004. С. 19–23.
6. Мьюлброук Л. Тотальные стратегии корпоративного риск-контроля // Управление рисками: [Пер. с англ.]. М.: ООО «Вершина», 2004. С. 79–86.

References

1. Butterworth M. *The Emerging role of the risk-manager* [Rastushchaya rol' risk-menedzhera] // Risk management [Upravlenie riskami] / Transl. from English. M.: JSC "Verшина", 2004.
2. Vyatkin V. N., Gamza V. A., Ekaterinoslavsky Yu. Yu., Ivanushko P. N. *Firm risk management: programs of an interactive risk management* [Upravlenie riskami firmy: programmy interaktivnogo risk-menedzhmenta]. M.: Finance and statistics [Finansy i statistika], 2006.
3. Korezin A. S. *Management and controlling of safety of the enterprise* [Menedzhment i kontrolling bezopasnosti predpriyatiya]. SPb.: Publishing house "Parkkom" [Izd-vo «ParkKom»], 2011.
4. Korezin A. S. *Formation of a risk management system at the transport enterprise* [Formirovanie sistemy risk-menedzhmenta na predpriyatii transporta]. SPb.: Publishing house SPbSPU [Izd-vo Politekhn. un-ta], 2008.
5. Keri A., Turnbull N. *Essence of the inside control from the Board of Directors* [Neobkhodimost' vnutrennego kontorolya so storony pravleniya] // Risk management [Upravlenie riskami] / Transl. from English. M.: JSC "Verшина", 2004.
6. Meulbroek L. *Total Strategies of Corporate Risk Control* [Total'nye strategii korporativnogo risk-kontrolya] // Risk management [Upravlenie riskami] / Transl. from English. M.: JSC "Verшина", 2004. P. 79–86.

Куклина Е. А., Чжу Сяоцин, Сунь Юйсю, Се Тяньчэн

Налоговая политика стимулирования инноваций как фактор экономического роста: китайский путь*

Куклина Евгения Анатольевна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой макроэкономического регулирования
Доктор экономических наук, доцент
jeakuklina@mail.ru

Чжу Сяоцин

Пекинский административный институт (Пекин, Китайская Народная Республика)
Заместитель заведующего кафедрой экономики
Доктор экономики, профессор

Сунь Юйсю

Пекинский административный институт (Пекин, Китайская Народная Республика)
Доцент кафедры менеджмента промышленности и торговли
Доктор экономики

Се Тяньчэн

Пекинский административный институт (Пекин, Китайская Народная Республика)
Преподаватель кафедры экономики
Доктор экономики

РЕФЕРАТ

В статье анализируется налоговая политика стимулирования инноваций в КНР как один из основных факторов роста национальной экономики. Характеризуются особенности налоговой системы Китая, динамика налоговой политики стимулирования инновационного развития, меры и инструменты налогового стимулирования инноваций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

налоговая система, налоговая политика, налоговые льготы, налоговое стимулирование, инновации, инновационная деятельность, государственная поддержка

Kuklina E. A., Zhu Xiaoging, Sun Yuxiu, Xie Tiancheng

The Fiscal Policy for Stimulating Innovations as a Factor of Economic Growth: the Chinese Way

Kuklina Evgenia Anatolievna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of macroeconomic regulation
Doctor of Science (Economy)
jeakuklina@mail.ru

Zhu Xiaoging

Beijing Administrative Institute (Beijing, People's Republic of China)
Deputy Head of the Chair of Economy
Doctor of Economy, Professor

*Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных в рамках заключительного этапа реализации международного научно-исследовательского проекта Северо-Западного института управления РАНХиГС и Пекинского административного института по теме: «Сопоставительный анализ налоговой политики стимулирования инновационной деятельности организаций в Российской Федерации и Китайской Народной Республике».

Sun Yuxiu

Beijing Administrative Institute (Beijing, People's Republic of China)
Associate Professor of the Chair of Management, Industry and Trade
Doctor of Economy

Xie Tiancheng

Beijing Administrative Institute (Beijing, People's Republic of China)
Assistant Professor of the Chair of Economy
Doctor of Economy

ABSTRACT

The article analyzes the fiscal policy for stimulating of innovation in China as one of the main factors of growth of the national economy. There are characterized the features of the tax system in China, the dynamics of fiscal policy for stimulating of innovative development, tax measures and instruments for stimulating of innovation.

KEYWORDS

tax system, fiscal policy, tax incentives, fiscal stimulating, innovation, innovation activity, governmental support

Осуществляемое в настоящее время совершенствование налоговых систем ведущих мировых держав является действенным инструментом роста их национальных экономик, что подтверждается изучением результатов экономического развития таких стран, как США, Япония и КНР.

Так, например, современная налоговая система Японии сложилась в результате трех этапов ее формирования.

Первый этап (50-е — начало 70-х гг. XX в.) был связан с активным использованием налоговых инструментов в целях стимулирования процессов реконструкции, ускоренного экономического роста и технологического обновления национального хозяйства в послевоенный период. В 1967 г. впервые в мировой практике в Японии было предложено налоговое стимулирование в форме предоставления налоговых кредитов японским компаниям с целью увеличения их финансирования НИОКР.

Второй этап (середина 70-х — середина 80-х гг. XX в.) — адаптация налоговой системы к новым условиям умеренных темпов экономического роста национальной и мировой экономики.

Третий этап связан с проведением радикальной налоговой реформы 1987–1989 гг. и последующей постепенной трансформацией налоговой системы страны для обеспечения большего равенства налогоплательщиков, видов деятельности, форм предпринимательства, нейтральности и простоты, а также обеспечения стабильности налоговых поступлений. В настоящее время этот этап продолжается, происходят постепенные изменения налоговой системы, которые позволяют адаптировать основные элементы налогообложения к современным реалиям и построить эффективную налоговую систему государства.

Изучая позитивный зарубежный опыт, нельзя забывать, что эффективной может быть только национальная модель, построенная с учетом всей специфики национальной экономики. Не может существовать универсальной системы, тиражирование которой с гарантией обеспечивало бы такой же результат, как в стране, где применение данной модели демонстрирует высокую эффективность функционирования экономики. Следует помнить также, что существует связь между принимаемыми управленческими решениями и соответствующей моделью национального менеджмента [3], и все лучшее, накопленное человеческой цивилизацией за период ее развития, должно рационально сочетаться со спецификой конкретной страны.

Яркий пример эффективности такого подхода демонстрирует Япония. Если сравнить ее модель рыночной экономики с североамериканской, то мы убедимся в полярной их противоположности, но с точки зрения экономической эффективности сложно отдать предпочтение какой-либо из этих стран. В полной мере это относится и к национальной налоговой политике. Анализ налоговых систем зарубежных стран, характеристика которых представлена в [2; 7], позволил сделать следующие выводы.

Либеральная направленность государственной политики США определяет сравнительно низкую налоговую нагрузку в США по сравнению с другими развитыми странами, средний уровень которой на протяжении последних 46 лет составляет около 26,5%.

Налоговая система Японии характеризуется также относительно небольшой налоговой нагрузкой: с учетом социальных взносов ее средний уровень на протяжении последних 40 лет составлял 25%. Такие показатели обусловлены особенностями проводимой бюджетно-налоговой политики Японии: используя высокую склонность японцев к сбережению, власти предпочитают занимать средства на внутреннем рынке и внешних рынках, выпуская государственные облигации, но существенно не увеличивать налоговую нагрузку, чтобы стимулировать экономическое развитие.

Таким образом, две диаметрально противоположные страны — лидеры мировой экономики имеют примерно одинаковый уровень налоговой нагрузки, несмотря на то что принципы реализации экономической политики у них разные, как и модели национального менеджмента и национальные экономические модели.

Значительных успехов в модернизации экономики добились некоторые страны, которые не меняли и не собираются менять свою ментальность. Прежде всего, это относится к современному Китаю, который уже долгое время занимает одно из первых мест в мире по ежегодному притоку иностранного капитала, а кредитный рейтинг, присвоенный КНР международными агентствами, намного превышает соответствующий российский показатель.

Лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. Дуглас Норт по этому поводу пишет: «Является ли Китай моделью для развивающегося мира? Во-первых, это не очень хорошая модель. Во-вторых, пока еще не ясно, к чему ведет этот китайский путь. Тем не менее китайский опыт должен заставить экономистов задуматься о фундаментальных принципах развития. Причем два момента особенно выделяются: 1) общественные институты Китая совершенно иные, чем в развитых странах, а стимулы они дают такие же; 2) сталкиваясь с новыми проблемами, Китай способен выработать прагматичные новые решения. Два вывода сразу ясны. Во-первых, есть много путей развития. Главное — создать такие институты, которые органично вытекают из вашего исторического опыта и позволяют организовать верные стимулы. Рабская имитация западных институтов бесполезна. Во-вторых, мир постоянно меняется, причем фундаментально. Базовые основы экономической теории остаются верными, но проблемы, с которыми сталкиваются страны сегодня, выглядят по-новому в обстановке новых убеждений, институтов, технологий и радикально снизившихся затрат на распространение информации. Секрет успехов заключается в создании институтов, которые способны быстро адаптироваться к меняющимся обстоятельствам» [6].

По-нашему мнению, можно с полным основанием утверждать, что одним из основных факторов роста национальной экономики КНР является налоговая политика государственной поддержки и стимулирования инновационного развития. КНР является унитарным государством, в основе его политической системы лежит Конституция, принятая в 1954 г. (с учетом изменений, внесенных в нее в 1975,

1978, 1982 и 1992 г.). Китай имеет сложное административно-территориальное деление, в состав которого входят административные единицы трех уровней:

- 31 территориальная единица *первого уровня*: 22 провинции, 5 автономных районов и 4 муниципалитета (города центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Тяньцзинь, Чунцин); с 1.07.1997 г. в состав КНР вошел особый административный район Сянган (бывший Гонконг);
- 159 административных единиц *второго уровня*: 120 округов, 31 автономный округ и 8 аймаков;
- 2017 административных единиц *третьего уровня*: 1856 уездов, 101 автономный уезд, 51 хошун, 3 автономных хошуна и 6 иных административных единиц.

Налоговая система КНР довольно сложна и в настоящее время она насчитывает 26 видов налогов, которые, исходя из их экономической природы, могут быть объединены в восемь групп (табл. 1). Основную роль в формировании доходов бюджетной системы КНР играют косвенные налоги. НДС — 31,0% от всех налоговых доходов, предпринимательский налог — 15,1%, налог на потребление — 8,0% (по состоянию на 2009 г.). КНР относится к группе стран с относительно низким уровнем налогового бремени. Так, на протяжении последних 10 лет уровень налогового бремени, оцененный как отношение общей суммы налогов, поступивших в бюджетную систему, к величине ВВП (в процентах), не превышал 15%.

Особенностью налоговой системы КНР является наличие значительного числа неналоговых платежей, формирующих различного рода внебюджетные национальные и региональные фонды, общая сумма поступлений в которые оценивается в 8–9% ВВП. И хотя формально эти платежи нельзя относить к налоговым платежам, их наличие в целом существенно увеличивает имеющееся налоговое бремя.

Еще одна особенность налоговой системы КНР (как следствие китайской экономической модели) — отсутствие национальной системы пенсионного обеспечения (или пенсионного страхования) и, соответственно, отсутствие налогов на фонд заработной платы и платежей по социальному страхованию. Нельзя сказать, что в КНР вовсе нет пенсионной системы. Существуют государственные пенсии, которые получают граждане, которые работали на государственных предприятиях, в государственных организациях и учреждениях. Эти лица при выходе на пенсию получают пенсионные выплаты в тех организациях, в которых они работали. Эти организации, в свою очередь, имеют в своих сметах соответствующие разделы — пенсии бывшим сотрудникам. Для остальных граждан единственным способом сформировать собственную пенсию является участие их самих или их работодателей в негосударственных пенсионных схемах.

Госсовет КНР устанавливает правила, в соответствии с которыми налоговые доходы распределяются на три группы: централизованные налоговые доходы (доходы Центрального правительства), местные налоговые доходы и налоговые доходы, подлежащие распределению между Центральным и местным правительствами (администрациями). Особенность современной налоговой системы КНР — относительно равномерное распределение налоговых поступлений между государственным бюджетом и местными бюджетами.

Налоговая система КНР, как и большинства других стран, не остается неизменной. В нее периодически вносятся коррективы, которые касаются как пересмотра состава налогов (отмена одних и введение других), так и изменения режимов налогообложения отдельными налогами. Так, в последние годы наиболее значительными изменениями подвергся налог на прибыль, а в настоящее время реализуются мероприятия по существующему реформированию налогообложения доходов физических лиц.

КНР является страной с динамично развивающейся инновационной системой: темп роста затрат на исследования и разработки с 1995 г. составлял в среднем 9,5% в год (табл. 2, рис. 1).

Основные налоги налоговой системы КНР

Группа налогов	Налоги
Налоги с оборота	НДС
	Налог на потребление
	Предпринимательский налог или налог на предпринимательскую деятельность
Подходные налоги	Налог на прибыль предприятий
	Индивидуальный подоходный налог (подоходный налог с физических лиц)
Ресурсные налоги	Ресурсный налог (налог на пользование природными ресурсами)
	Налог на использование земель городов и городских районов
Целевые (специальные) налоги	Налог на ремонт и строительство в городах (налог на поддержание городского строительства)
	Налог на пользование сельскохозяйственными угодьями (налог на занимаемые пахотные угодья)
	Регулирующий налог на инвестиции в основные активы
	Налог на передачу оцениваемой недвижимости
Имущественные налоги	Налог на приобретение транспортных средств
	Налог на жилье
	Налог на городскую недвижимость
	Налог на наследство
Налоги на операции	Налог на использование транспортных средств
	Налог на получение транспортных лицензий
	Гербовый налог (сбор)
	Налог на банкеты
	Налог на сделки
Сельскохозяйственные налоги	Сельскохозяйственный налог
	Налог на разведение скота
Таможенные пошлины	Экспортные таможенные пошлины
	Импортные таможенные пошлины

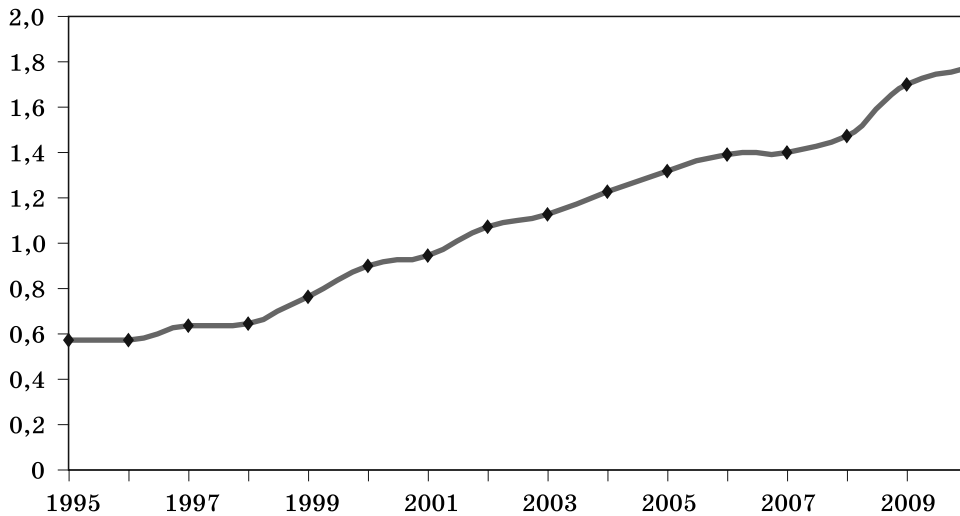
В системе методов инновационного развития страны представлен весь арсенал средств, применяемых в мировой практике, от прямого администрирования до венчурного финансирования, в том числе и налоговое стимулирование в разных формах (налоговые кредиты, льготы по налогу на прибыль физических лиц, стимулирование затрат на НИОКР, модернизацию технологического оборудования и др.). Однако эффективность системы стимулирования инновационного развития КНР пока недостаточно высока, и в большей степени задействованы прямые средства воздействия государства в рамках целевых государственных программ.

С середины 1990-х гг. КНР реализует систему налоговых льгот, направленных на стимулирование инновационной деятельности организаций, развитие высоких технологий, ускорение реструктуризации экономики, трансформации экономического развития и создания инновационного государства. Одной из целей инновационной

**Динамика затрат на исследования и разработки в КНР
за период 1995–2010 гг.**

Год	Затраты на исследования и разработки, % от ВВП	Темп роста затрат, %
1995	0,57	100,0
1996	0,57	100,0
1997	0,64	112,3
1998	0,65	101,6
1999	0,76	116,9
2000	0,90	118,4
2001	0,95	105,6
2002	1,07	112,6
2003	1,13	105,6
2004	1,23	108,9
2005	1,32	107,3
2006	1,39	105,3
2007	1,40	100,7
2008	1,47	105,0
2009	1,70	115,6
2010	1,77	104,1

Составлено по: [8, с. 246–247].

Динамика затрат на исследования и разработки в КНР

политики Китая является формирование национальной инновационной системы, в которой инициатива инновационного развития в основном исходила бы не от государства, а от частного национального капитала. Поэтому еще в 1980-е гг. были

приняты программы, направленные на стимулирование инновационных компаний и поддержку коммерциализации инновационных продуктов (программа China Torch Program, программа 863 и др.).

Программа China Torch Program (далее — программа Torch) представляет собой национальную программу поддержки бизнес-инкубаторов, основанную на иностранном опыте (прежде всего, опыте США) с учетом особенностей китайского общества и национальных культурных традиций. В Китае совместными усилиями правительства и местных властей было организовано более 400 инкубаторов. Поскольку агентство, занимающееся управлением бизнес-инкубаторами, относится к Министерству науки и технологии, практически все инкубаторы Китая оказывают свои услуги технологическим компаниям.

Отличительной особенностью инкубаторов Китая являются их масштабы. Так, например, один из крупнейших инкубаторов в Шанхае обслуживают около 300 компаний. Многие из этих компаний были созданы учеными, получившими образование в Западной Европе и США и вернувшимися для освоения развивающегося рынка КНР.

В 1987 г. при финансовой, научной и организационной поддержке UNDP (United National Development Program) начала реализовываться Программа по созданию и поддержке инкубаторов в Китае. Благодаря UNDP в начале третьего тысячелетия в Китае функционировало уже около 200 инкубаторов и почти 200 так называемых software parks [1], которые по выполняемым функциям также вполне можно отнести к бизнес-инкубаторам.

Программа Torch характеризуется сильной поддержкой со стороны государства и равномерным распределением инкубаторов по территории страны. Правительством и местными органами власти была сформулирована законодательная база для работы бизнес-инкубаторов. Для реализации программы Torch была создана специальная организация — Центр развития промышленности и высоких технологий, который выполняет следующие задачи:

- изучение проблем развития высоких технологий, а также научных и технологических парков в Китае, разработка рекомендаций для Министерства науки и технологий;
- разработка плана дальнейшего развития программы, участие в работе по формированию технопарков и инкубаторов;
- проведение консультаций по развитию инкубаторов, а также работа с менеджерами научных и промышленных технопарков и инкубаторов;
- информационное обеспечение работой офисных программ;
- предоставление компьютерного обеспечения;
- выявление тех областей, которые нуждаются в разработке программных мероприятий;
- ведение статистики по технопаркам и инкубаторам;
- разработка планов развития бизнес-инкубаторов, их сертификация;
- управление Инновационным фондом поддержки малых инновационных предприятий.

Достижением реализации программы Torch стала тенденция к появлению в инкубаторах предприятий, образованных студентами, вернувшимися после обучения за границей. До 1997 г. студенты из Китая, получившие образование в других странах, предпочитали оставаться за рубежом. Одной из поставленных программой Torch задач было привлечение в Китай именно этих молодых специалистов. Для этой цели был построен специализированный молодежный инкубатор Haidian Pioneer Park, а также Innovation Works в Пекине.

В программе Torch, программе 863 и других аналогичных целевых программах присутствовали методы налогового стимулирования инноваций, но, как правило,

они касались только тех организаций, которые являлись резидентами научно-технических парков (например, технопарка ZhongGuanCun в Пекине) или промышленных зон. Более того, в первую очередь поощрялась экспортная ориентация инновационных компаний, и акцент делался на стимулирование инвестиций в инновационное развитие компаний, уже давно существующих, а также — в определенные сектора, например, в ИКТ.

В 2000-х гг. была поставлена задача повышения конкурентоспособности китайской экономики по широкому спектру направлений, и налоговая политика стимулирования инноваций перестала замыкаться только на резидентах технопарков. Более того, если раньше региональные власти ради размещения на их территориях научных парков и технопарков предоставляли компаниям дополнительные льготы, то сейчас им это запрещено, так как в настоящее время снижение налогового бремени — прерогатива национальных, а не региональных научно-технических парков.

Кроме того, инновационно направленные налоговые льготы стали распространяться на деятельность компаний, работающих на внутренний рынок. Акцент был перемещен на поощрение создания инновационных организаций «с нуля», и налоговые льготы перестали фокусироваться на ограниченном круге сфер инноваций. Более того, налоговые инструменты стали использоваться для поощрения диссимильации инновационных технологий в национальной экономике: в частности, налоговые льготы стали предоставляться компаниям, играющим роль промежуточных звеньев в инновационном процессе.

Современная налоговая политика стимулирования инноваций в КНР использует общепринятые международные налоговые инструменты — налоговые вычеты, ускоренную амортизацию, налоговые кредиты, налоговые льготы и пр. [4; 5]. Основным методом предоставления налоговых льгот в КНР долгое время являлся прямой метод — предоставление льгот по подоходному налогу (снижение корпоративного подоходного налога и оставление этой суммы в распоряжении предприятия), налогу на использование земель городских районов, НДС и др. За последние несколько лет Китай начал осуществлять налоговую политику стимулирования инноваций косвенными методами, но прямые методы по-прежнему доминируют.

Назначение налоговой политики по стимулированию инноваций — содействие инновациям во всех областях производства, применения и оборота знаний. Наибольший риск инновации имеют в сфере НИОКР, но в КНР этот аспект налоговой политики является наименее разработанным. Вот почему в Китае уровень рентабельности новой продукции или новых технологий определяет величину налоговых льгот: чем выше рентабельность реализованной продукции предприятия, тем больше налоговые льготы. Это приводит к тому, что предприятия сосредотачиваются на техническом заимствовании в производстве продукции, пренебрегая, таким образом, сектором исследований и разработок.

За время проведения политики реформ и открытости в КНР главным объектом предоставления налоговых льгот становятся предприятия, научно-исследовательские учреждения, высшие учебные заведения и другие индивидуальные субъекты инновационной деятельности, среди которых наиболее важным объектом льготирования является предприятие. При этом необходимо отметить, что максимальная динамика налоговых льгот традиционно была направлена на предприятия новых и высоких технологий. Например, при величине ставки корпоративного подоходного налога 15% политика «Два исключения и три сокращения» («2 не учитывается, 3 — уменьшается наполовину») проводится для предприятий с зарубежным капиталом, которые освобождаются от уплаты корпоративного подоходного налога в течение 2 лет, принесших прибыль, а в течение 3 последующих лет сумма налога сокращается на 50%.

Реализация таких мер закладывает фундамент для развития высокотехнологичных предприятий, но при этом не принимается во внимание деятельность в сфере НИОКР, а также углубляется чувство несправедливости у менеджмента невысокотехнологичных предприятий (в особенности, это касается малых и средних предприятий).

Источником инноваций, согласно теории эндогенного роста, является человеческий капитал; только постоянное накопление человеческого капитала может позволить достичь прогресса и развития технологий. Налоговая политика оказывает влияние, в первую очередь, на величину предложения и спроса человеческого капитала: влияние на предложение человеческого капитала — уменьшение подоходного налога с физических лиц, повышение готовности к работе инновационного персонала. Влияние налогов на человеческий капитал в Китае, главным образом, происходит посредством налога, взимаемого с заработной платы, а также посредством снижения и освобождения от налогов затрат на обучение и оплату услуг.

В целом китайская налоговая политика по стимулированию инноваций играет важную роль в развитии инновационного потенциала страны, тем не менее существует ряд проблем, которые были нами подробно рассмотрены в [4]. В рамках настоящей статьи ограничимся лишь их констатацией в плане объекта стимулирования, сектора стимулирования и результатов стимулирования.

С точки зрения *объектов стимулирования*, государственная поддержка, главным образом, сконцентрирована на высокотехнологичных предприятиях и недостаточно поддерживает средние и малые предприятия, а также инновационный персонал.

С точки зрения *сектора стимулирования*, роль стимулирования НИОКР невелика, роль стимулов в производство инновационной продукции более значительна, но качество инновационной продукции невысокое.

С точки зрения *результатов стимулирования*, модель преобладания прямых льгот приводит к тому, что повышение рентабельности производства приводит к увеличению количества налоговых льгот. Крупные компании на зрелом этапе своего развития используют это преимущество, ставя под сомнение справедливость налоговой политики государства.

В целом налоговые льготы в КНР в настоящее время покрывают значительную часть поля, связанного с инновационным развитием государства, и затрагивают высокотехнологичные компании и продукты, расходы на НИОКР и заработную плату научно-технического персонала, импорт высокотехнологичного оборудования, трансфер технологий, высокотехнологические услуги. Величина налоговых стимулов и льгот была существенно увеличена в 2006 г. в связи с принятием Стратегического плана научно-технического развития КНР до 2020 года. И если раньше налоговые льготы сводились к снижению уровня налога на прибыль или НДС, то сейчас это крупные изъятия из налогооблагаемой базы и налоговые кредиты.

Литература

1. Гапоненко В. Ф. Бизнес-инкубаторы в Национальной инновационной системе. М.: Современная экономика и право, 2006.
2. Князев В. Г. Налоговые системы зарубежных стран / В. Г. Князев, Д. Г. Черник. М.: Закон и право, ЮНИТИ, 2002.
3. Куклина Е. А. Государственная поддержка инноваций в контексте модели национального менеджмента // Управленческое консультирование. 2013. № 9 (57). С. 11–21.
4. Куклина Е. А., Федорков А. И., Чжу Сяоцин, Сунь Юйсю, Се Тяньчэн. Налоговая политика стимулирования инновационной деятельности в России и Китае: этапы разработки и проблемы реализации // Управленческое консультирование. 2013. № 6. С. 48–60.
5. Куклина Е. А., Чжу Сяоцин, Сунь Юйсю, Се Тяньчэн. Налоговая политика стимулирования инновационной деятельности в России и Китае: вектор решения проблем и перспективы развития // Управленческое консультирование. 2013. № 7. С. 26–38.

6. Норт Д. Китайское меню // Ведомости. 8 апреля 2005 г. № 62 (1343).
7. Тютюрюков Н. Н. Налоговые системы зарубежных стран. М.: Дашков и К, 2010.
8. *China statistical yearbook on science and technology, 2012* / Ed. by National Bureau of Statistics Ministry of Science and Technology. China Statistics Press, 2012.

References

1. Gaponenko V. F. *Business incubators in National innovative system* [Biznes-inkubatory v Natsional'noi innovatsionnoi sisteme]. M.: Modern economy and law [Sovremennaya ekonomika i pravo], 2006.
2. Knyazev V. G. *Tax systems of foreign countries* [Nalogovye sistemy zarubezhnykh stran] / V.G. Knyazev, D.G. Chernik. M.: Law and right [Zakon i pravo], YuNITI, 2002.
3. Kuklina E. A. *State support of innovations in a context of model of national management* [Gosudarstvennaya podderzhka innovatsii v kontekste modeli natsional'nogo menedzhmenta] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 9 (57). P. 11–21.
4. Kuklina E. A., Fedorkov A. I., Zhu Xiaoqing, Sun Yuxiu, Xie Tiancheng. *Tax policy of stimulation of innovative activity of the organizations in Russia and China: development stages and realization problems* [Nalogovaya politika stimulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti v Rossii i Kitae: etapy razrabotki i problemy realizatsii] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 6. P. 48–60.
5. Kuklina E. A., Zhu Xiaoqing, Sun Yuxiu, Xie Tiancheng. *Tax policy of stimulation of innovative activity of the organisations in Russia and China: vector of the problems solving and development prospect* [Nalogovaya politika stimulirovaniya innovatsionnoi deyatel'nosti v Rossii i Kitae: vektor resheniya problem i perspektivy razvitiya] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 7. P. 26–38.
6. Nort D. Chinese menu [Kitaiskoe menyuu] // Vedomosti. On April 8, 2005. N 62 (1343).
7. Tyutyuryukov N. N. *Tax systems of foreign countries* [Nalogovye sistemy zarubezhnykh stran]. M.: Dashkov and Co, 2010.
8. *China statistical yearbook on science and technology, 2012* / Ed. by National Bureau of Statistics Ministry of Science and Technology. China Statistics Press, 2012.

Перспективы экономического развития регионов России: проблема выбора

Белов Валерий Игоревич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры макроэкономического регулирования
 Кандидат экономических наук
 belov@sziu.ru

РЕФЕРАТ

Данная статья посвящена актуальным экономическим проблемам, имеющим место в российской экономике. Наряду с неконкурентоспособностью российских товаров наблюдаются серьезные диспропорции в развитии субъектов РФ. Теории регионального развития свидетельствуют о наличии разных подходов в решении проблем равномерного/неравномерного роста регионов России. Для современных российских условий реализация модели «несбалансированного» роста представляется наиболее адекватной.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

региональная экономика, региональная политика, диспропорциональность, неравномерное развитие, несбалансированный рост

Belov V. I.

Prospects of Economic Development of Regions of Russia: Problem of Choice

Belov Valery Igorevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Macroeconomic Regulation
 PhD in Economy
 belov@sziu.ru

ABSTRACT

This article is devoted to the actual economic problems taking place in the Russian economy. Along with noncompetitiveness of the Russian goods serious disproportions in development of territorial subjects of the Russian Federation are observed. Theories of regional development testify to existence of different approaches in the solution of problems of uniform/uneven growth of regions of Russia. For modern Russian conditions realization of model of “unbalanced” growth is represented to the most adequate.

KEYWORDS

regional economy, regional policy, disproportionality, uneven development, unbalanced growth

В настоящее время Российская Федерация позиционирует себя как мощная держава, стремящаяся занять высокое пятое место в мировом рейтинге экономически развитых стран. Однако современное положение России, характеризующееся недостаточной конкурентоспособностью отечественных товаров на мировом рынке и диспропорциональностью в развитии региональных экономик, не позволяет с уверенностью рассуждать о светлых перспективах и экономическом благополучии страны. В ряде регионов наметились тенденции снижения темпов экономического роста, спада производства, сокращения числа рабочих мест и производительности труда.

Нарастающие противоречия в уровнях социально-экономического развития регионов требуют со стороны государственных органов власти оперативных действий. Кроме того, к внутрироссийским проблемам добавляются угрозы внешней среды, негативно влияющие на ход и поступательное развитие РФ. Отечественная эконо-

мика, глубоко зависящая от мировой конъюнктуры, постоянно сталкивается с вызовами мирового сообщества, которые также не могут оставаться без внимания и решения со стороны властей.

На наш взгляд, в настоящее время наиболее актуальными являются следующие проблемы в развитии российской экономики. Во-первых, отсутствие (полное или частичное) высокотехнологичных и современных отечественных товаров приводит к тому, что наша страна теряет лидирующие позиции на мировом рынке, экономика становится неконкурентоспособной, а продукция российских производителей — менее востребованной на рынке готовых продуктов. Во-вторых, прогрессирует увеличение дифференциации в региональном развитии субъектов РФ. Данные проблемы существуют независимо друг от друга, поскольку причины их образования, влияние различных условий и факторов, последствия — разные. Но их решение может укладываться в рамки единой экономической политики, проводимой российскими властями.

Думается, что решение внешних экономических проблем Российской Федерации может быть напрямую связано с устранением внутренних диспропорций между субъектами РФ. Очевидно, что в современных условиях хозяйствования используемые теоретические положения, методы и инструменты эффективного развития регионов нуждаются в корректировке либо полной замене. Назрела необходимость выработки адекватных реалиям сегодняшнего дня моделей перспективного эффективного экономического роста регионов России.

Становление и развитие рыночной экономики в нашей стране все более убеждает в том, что возврата к ранее использовавшейся модели административно-плановой экономики Советского Союза ожидать не следует. Вместе с тем положительный советский опыт управления экономическими процессами можно и необходимо учитывать. Наследие и ошибки прошлого, а также рыночные преобразования последних двух десятилетий обнажили ряд «новых» прогрессирующих социально-экономических проблем российской экономики. Заботящие долгое время ученых и экономистов проблемы равномерности развития страны не потеряли своей актуальности и в настоящее время.

Все более нарастающие масштабы социальной и экономической дифференциации в развитии регионов России становятся печальным фактом современной действительности. Например, наблюдается огромная разница по таким показателям, как¹:

- валовой региональный продукт (в 384 раза между Москвой и Республикой Ингушетия или Республикой Алтай);
- по основным фондам в экономике (в 460 раз между Москвой и Республикой Тыва и в 309 раз между Тюменской областью и Республикой Тыва);
- по показателю «обрабатывающие производства» (в 3773 раза между Москвой и Республикой Ингушетия или в 2151 раз между Московской областью и Чукотским АО);
- по вводу в действие общей площади жилых домов (в 26 463 раза между Московской областью и Чукотским АО, а между Московской и Магаданской областями — в 499 раз);
- по обороту розничной торговли (в 585 раз между Москвой и Ненецким ОА);
- по инвестициям в основной капитал (в 144 раза между Москвой и Чукотским АО);
- по сальдированному финансовому результату — от + 2 693 110 млн руб. (Москва) до –21 598 млн руб. (Вологодская область).

Огромная диспропорциональность в региональном развитии порождает серьезные социально-экономические проблемы в разных субъектах РФ. При анализе подобных показателей, представляющих собой вызовы современной России, об-

¹ Расчет автора согласно данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики за 2011–2012 гг.

наруживаются проблемы, требующие своего незамедлительного разрешения. В частности, возникают следующие вопросы: 1) необходимо ли сглаживать имеющиеся диспропорции и выравнивать уровни социально-экономического развития регионов, 2) является ли такое неравномерное развитие субъектов РФ благом для России.

Ответы на возникающие вопросы не так очевидны, как кажутся на первый взгляд. При первом приближении можно заметить следующее. С одной стороны, Россия как самое большое по площади государство в мире, разделенное на 83 субъекта, бесспорно, обладает разнообразными природно-климатическими условиями, а ее регионы разным промышленным, трудовым, научным и иным потенциалом. Кроме того, мобильность отдельных факторов производства (труда, капитала) и концентрация их в некоторых наиболее благополучных регионах страны создают объективную предпосылку для неравномерного развития субъектов РФ.

С другой стороны, 85% субъектов РФ, являющихся регионами-реципиентами (регионов-доноров всего 12–13), не способны в полном объеме выполнять свои социальные обязательства. Более того, обращает на себя внимание тот факт, что 70% населения страны живет на 2–3 прожиточных минимума, более 10% населения РФ являются бедными (существуют на средства ниже чем величина прожиточного минимума), в то время как другие 10% наших граждан распоряжаются 70% доходов нашей страны¹. Количество россиян, являющихся долларовыми миллиардерами, за последние годы только растет (даже в период финансово-экономического кризиса 2008 г.²).

Данные обстоятельства приводят не только к социальной напряженности и возмущениям в обществе, но и в некоторых случаях — к социальным взрывам и беспорядкам. Поэтому достигшая небывалых «высот» социальная и экономическая дифференциация требует немедленного вмешательства государства.

Одним из инструментов государственного регулирования экономического развития субъектов РФ выступает региональная политика, проводимая органами как федеральной, так и региональной власти. Оценка региональной политики органов исполнительной власти субъектов РФ по сути сводится к тому, что им необходимо систематически (ежеквартально, в отдельных случаях ежемесячно) отчитываться перед вышестоящим руководством (федеральным центром) по ряду социально-экономических показателей. Успешным руководителем субъекта Федерации считается тот, кто раз от разу показывает некую положительную динамику по рассматриваемым показателям. То есть каждый раз речь идет о некоем росте значений показателей, а не о качественном экономическом развитии вверенной губернаторам территории.

При этом каждый руководитель, заботясь об отчетных данных, принимает самостоятельное решение: стремится привлечь на свою территорию разных инвесторов, средства которых способны показать положительный рост некоторых показателей в ближайшем будущем. Однако подобная модель поведения направлена на учет субъективных интересов и не способствует сбалансированному развитию страны в целом.

Политика федеральных властей в отношении регионов в большей степени направлена на разрешение в оперативном режиме перманентных проблем между субъектами РФ, сглаживание наиболее острых социальных и экономических диспропорций между отдельными регионами страны в перспективе. Взгляды и подходы российских властей к проблеме, связанной с диспропорциональным и неравномерным развитием субъектов РФ, со временем менялись. Рассматривая в целом федеральную региональную политику за последние 20 лет, можно выделить несколько основных ее этапов [1]:

- период 1991–1994 гг. характеризовался борьбой с дезинтеграцией и регионализацией, акцент ставился на самостоятельное выживание регионов;

¹ По данным официального сайта Федеральной службы государственной статистики.

² По данным журнала Forbes.

- этап 1994–2000 гг. характеризовался выравниванием различий в уровнях развития регионов, разделением функций между регионами и центром;
- период 2000–2005 гг. связан с финансово-экономическим подчинением регионов центру, выстраиванием «властной вертикали»;
- с 2005 г. по настоящее время — реализация стратегии «поляризованного развития».

Как можно заметить, прежняя концепция регионального развития, направленная на выравнивание уровней социально-экономического развития регионов, уступила место новой стратегии «поляризованного развития», в основу которой заложен принцип дифференцированного подхода к регионам. Дело в том, что политика «выравнивания» не показала должной эффективности. В этой связи предполагается концентрация ресурсов и федеральная поддержка «опорных» регионов («точек роста»), которые впоследствии способствовали бы экономическому росту других территорий. Кроме того, существенным отличием данной концепции является то, что в основу заложен принцип избирательности в региональной политике, когда поддержка субъектам РФ оказывается не по политическим мотивам, а в силу экономических интересов как самого региона, так и страны в целом.

На современном этапе экономического развития федеральные органы власти стоят перед выбором пути дальнейшего развития регионов. Предполагается, что принимаемые властями решения о формировании новой региональной политики РФ должны носить не спонтанный, а научно обоснованный характер. В этой связи рассмотрим возможные варианты развития событий и обратимся к теоретическим воззрениям экономистов различных экономических школ.

Систематизируя и обобщая взгляды ученых относительно теорий регионального экономического роста, можно выделить два основных подхода касательно проблемы неравномерного/равномерного развития территорий: рыночный подход и подход «с участием государства».

Рыночный подход представлен теориями неоклассического направления, где неравномерное развитие регионов объясняется временными отклонениями от равновесия. Свою позицию неоклассики¹ излагали так: со временем в долгосрочной перспективе дифференциация уровня развития регионов *должна* исчезать, *должно* происходить сближение региональных уровней экономического развития, *должно* происходить сглаживание различий темпов роста регионов путем достижения капиталовооруженности равновесного состояния и мобильности факторов производства (курсив мой. — Авт.). В соответствии с неоклассическими теориями в условиях факторной мобильности капитал должен перемещаться из высокоразвитых регионов в менее развитые (ввиду низкой нормы прибыльности относительно другой группы регионов). Трудовые же ресурсы, наоборот, должны перемещаться в высокоразвитые регионы, где уровень заработной платы намного выше, чем в менее развитых регионах. В результате разнонаправленного движения труда и капитала совокупные доходы регионов должны сближаться и, следовательно, выравниваться различия экономического развития регионов.

Данный подход предусматривает пассивный экономический рост (а в некоторых случаях и снижение темпов роста) как регионов, так и страны в целом, поскольку создать кардинально различающиеся между субъектами РФ условия привлечения труда и капитала вряд ли возможно в нашей стране. Кроме того, опыт последних десятилетий показывает, что в реальной жизни условия мобильности факторов производства не соблюдаются. То есть идеализированная равновесная модель «сбалансированного» роста неоклассиков (такой, какой она *должна* была бы быть) не находит своего практического подтверждения: региональные диспропорции сохраняются, существенных экономических изменений в развитии регионов не наблюдается, структура региональной экономики остается прежней.

¹ Дж. Бортс, Х. Зиберт, Р. Солоу, Т. Сван, Г. Мэнкью.

Более того, действия властей согласно данному подходу порождают новые проблемы. С одной стороны, федеральному центру необходимо заниматься перераспределением бюджетных ассигнований, когда в пользу «бедных» регионов выделяются средства, «отобранные» у «богатых» регионов, что крайне возмущает последних. При этом регионы-доноры просто теряют стимул к своему дальнейшему экономическому развитию. С другой стороны, у регионов-реципиентов появляются иждивенческие настроения, и выхолащивается инициатива по совершенствованию структуры экономики и оптимизации имеющегося потенциала развития.

В основе второго подхода лежит участие государства в регулировании процессов экономического развития регионов. В отличие от теории равновесия, предполагающей, что соответствующие силы (механизм стихийного рынка) неизменно возвращают систему в состояние покоя, в теории кумулятивного развития утверждается, что уровни экономического развития регионов не выравниваются, а происходит лишь некоторое сближение между ними.

Например, Нобелевский лауреат по экономике Г. Мюрдаль в своей модели показывает, что преимущества определенных местностей, центров (полюсов) роста ведут к ускорению их развития и большому отставанию отсталых регионов. На этом основании делается вывод, что рост экономики происходит неравномерно и уровни экономического развития территорий не сближаются, однако возможно их некоторое выравнивание.

В пользу неравномерности развития высказывается и А. О. Хиршман в своей теории «прямой и обратной связи». В ней, в частности, говорится, что рост экономики в стране происходит несбалансированно. Ученый тоже приходит к выводу, что пространственный рост экономики в стране происходит неравномерно, в результате уровни экономического развития территорий сближаются, но не выравниваются.

Подобная модель «несбалансированного» роста находит отражение и в концепции «полюсов роста» французского экономиста Ф. Перру. В соответствии с данной концепцией рост экономики страны во всех регионах происходит неравномерно, он появляется в некоторых пунктах, или полюсах роста. Ф. Перру, в отличие от представителей неоклассического направления, считает, что экономический рост есть последовательность сменяющих друг друга неравновесных состояний, где равновесие всегда временно и непостоянно. При этом определяющая роль в создании «полюсов роста» принадлежит государству.

В рамках данного подхода возможны два варианта развития современной российской экономической ситуации. Согласно первому экономический рост регионов и страны в целом может быть инерционным, когда сохраняется направленность экономического развития регионов, но темпы экономического роста могут быть большими. То есть регионы, специализирующиеся на добыче нефти, газа, и традиционные регионы-экспортеры российского сырья сохраняют вектор своего развития, но наращивают объемы добычи и поставок в случае благоприятной конъюнктуры мирового рынка. Оставшиеся же регионы-аутсайдеры по-прежнему «работают» на внутренний рынок и пытаются хоть как-то угнаться за регионами-лидерами. Следствием данного варианта могут стать экономическая дезинтеграция регионов России и еще большая дифференциация между субъектами РФ.

Альтернативный вариант предполагает проведение активной региональной экономической политики, суть которой состоит в смене вектора развития российской экономики. Вместо сырьевой направленности предлагается выдвигание на передний план высокотехнологичных отраслей экономики. Ряд регионов страны, имеющих значительный потенциал экономического роста, при активной поддержке государства могли бы получить «толчок» в развитии и в дальнейшем стать «точками» регионального роста. Предполагается, что экономический рост будет увязан с качественными экономическими преобразованиями, направленными на развитие не только региональных экономических систем, но и страны в целом.

Дилемма, связанная с выбором перспектив экономического развития регионов России

Реализация данного варианта могла бы способствовать не только смене структуры национальной экономики, формированию конкурентоспособных производств, но и решению внешних экономических проблем, стоящих перед Российской Федерацией. Описанная ситуация представлена на рисунке.

Однако даже такие радужные перспективы развития страны неизбежно во главу угла ставят проблемы, связанные с определением допустимых пределов диспропорционального развития регионов. Дело в том, что следование данному сценарию развития рождает следующую серию вопросов, которые пока не имеют однозначного решения: каковы максимальные пределы (нормативы) социально-экономических различий в успешном развитии страны и ее регионов; каковы причинно-следственные связи возникающих диспропорций и как они влияют на темпы роста региональной экономики; имеются ли какие-либо закономерности в неравномерном развитии регионов и как они влияют на уровень благосостояния граждан страны.

Таким образом, с точки зрения экономического анализа, выбор в определении перспектив развития региональных экономик очевиден. Но каким будет политическое решение властей в отношении новой региональной политики?

Литература

1. Марченко Г. В. Кластерный подход к экономическому развитию регионов / Первый Ульяновский экономический форум. М: Рейтинговое агентство «Эксперт РА», 2006.

References

1. Marchenko G. V. *Cluster approach to economic development of regions* [Klasternyi podkhod k ekonomicheskomu razvitiyu regionov] / First Ulyanovsk Economic Forum [Pervyi Ul'yanovskii ekonomicheskii forum]. M: Rating agency "Expert RA" [Reitingovoe agentstvo «Ekspert RA»], 2006.

Проблемы совершенствования системы управления в ходе разработки и реализации Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года

Вульфович Ревекка Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)

Профессор кафедры стратегии, территориального развития и качества жизни

Доктор политических наук, профессор

prof_vulf@bk.ru

РЕФЕРАТ

В современных условиях обеспечение оптимального качества жизни на территории гигантского города невозможно без согласования интересов различных категорий его жителей, учета их потребностей и достижения консенсуса по наиболее важным проблемам городского развития. Одним из наиболее действенных инструментов городского развития становится стратегическое планирование, призванное сформулировать миссию города, определить цели и задачи, главный вектор поступательного движения. Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года является примером стремления к созданию комплексного плана совершенствования городской системы и повышения ее ключевых качественных параметров. Последнее невозможно без рационализации структуры системы городского управления и повышения эффективности ее функционирования. Однако данным проблемам уделяется недостаточно внимания в предлагаемом в настоящее время документе. Дальнейшее развитие города требует изменения алгоритма управленческой деятельности: введения в систему управления механизмов децентрализации путем расширения функций административных районов и повышения ответственности их администраций за параметры качества жизни на территории, а также более полной реализации роли органов местного самоуправления 111 муниципальных образований Санкт-Петербурга по продвижению интересов местных сообществ в соответствии с Конституцией РФ. С учетом имеющегося более чем пятнадцатилетнего опыта развития местного самоуправления в городе необходимо расширять и развивать кооперацию между муниципальными образованиями с целью постепенного движения в направлении их объединения в более самостоятельные и функциональные территориальные единицы. Целью развития системы управления Санкт-Петербурга должно стать приведение ее степени разнообразия в соответствие с разнообразием объекта управления, который представляет собой уникальное сочетание истории и современности, обладает исключительно широким спектром функций и большим творческим потенциалом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

качество жизни, стратегическое планирование, консенсус, миссия, эффективность, алгоритм, децентрализация, район, муниципальное образование, объединение, разнообразие

Vulfovich R. M.

The “Strategy of Social-Economic Development of St. Petersburg until 2030”: City-Government Improvement Problems During the Preparation and Implementation Process

Vulfovich Revekka Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)

Professor of the Chair of Strategy, Territory Development and Life Quality

Doctor of Science (Political Science), Professor

prof_vulf@bk.ru

ABSTRACT

To ensure the optimal life quality on the territory of the giant city under the modern conditions is impossible without a harmonization of different citizens groups' interests, taking into account their demands and reaching the consensus about the most important problems of city's development. The strategic planning becomes herewith one of the most efficient instruments of the city development and has to enunciate the city mission, to formulate the goals and tasks — the main direction of the steady advance. The "Strategy of social-economic development of St. Petersburg until 2030" is an example of the aiming to the development of the complex development program for the city with the goal of improving its key quality parameters. The latter is not possible without the optimization of the city-government system's structure and the rising of its functioning efficacy. But the actual document does not pay enough attention to these problems. Another administration algorithm is needed for a further development of the city of St. Petersburg: the decentralization mechanisms must be imposed into the city-government system through the expansion of the city districts' functions and enhancing their responsibility for the quality of life indicators on the territory. Also the 111 municipalities must play the standard role of self-government authorities in advancement of interests of the communities according with the Constitution of Russian Federation. As the 15 years of development of the local self-government in the city have shown it is necessary to move into direction of cooperation among municipalities with the goal of their merging into the more self-reliant and functional entities. The objective of the city-government system's development is to harmonize its diversity level with the diversity of the unique city uniting history and modernity, fulfilling the broad spectrum of functions and having a great creative potential.

KEYWORDS

life quality, strategic planning, consensus, mission, efficiency, algorithm, decentralization, district, municipality, merging, diversity

В XXI столетии одной из наиболее острых проблем стала проблема обеспечения единообразного качества жизни в границах различных территориальных единиц: наднациональных сообществ (например, Европейского союза), национальных государств, регионов, муниципальных образований и т. д. Во всех вышеперечисленных вариантах данная проблема требует принятия рациональных политических и управленческих решений, а также их эффективной реализации. Однако среди перечисленных территориальных единиц не были упомянуты системы, представляющие собой образования такой степени сложности, что процесс управления в их границах является настолько комплексным, конфликтным, противоречивым, что превосходит по этим параметрам все прочие варианты.

Речь идет о крупнейших городах мира — гигантских агломерациях, метрополиях, центрах преимущественного развития стран и макрорегионов. Определение любых параметров данных систем представляет собой сложную теоретическую проблему: агломерации в процессе роста пересекают границы субъектов федераций и даже национальных государств, численность населения резко колеблется в дневное и ночное время, а также не поддается точному определению в связи с отсутствием четко фиксированных границ и наличием в городе большого массива жителей, не зарегистрированных официальным образом. Уровень разнообразия территории чаще всего не позволяет управлять из одного центра, требует деконцентрации и децентрализации функций и полномочий.

В подобных условиях принятие рационального управленческого решения крайне затруднено, особенно в условиях разработки стратегических планов, требующих четкого и конкретного видения будущего вектора развития всей системы как целостного образования, несмотря на все имеющиеся различия между центром (ядром) агломерации и ее периферией, между различными элементами внутри центра и различными частями, составляющими периферию. Стратегия требует также формирования управленческой системы, способной, с одной стороны, стабилизировать процессы и придавать городу устойчивость и обеспечи-

вать поступательное развитие, а с другой — проявлять достаточную гибкость и высокую адаптивность для обеспечения изменчивости в соответствии с динамикой развития внешней среды.

При анализе в контексте вышесказанного развития Санкт-Петербурга — второй по величине и значению российской метрополии — следует выделить следующие важнейшие особенности города.

1. Высшую степень разнообразия территории и административно-территориального деления города: в составе территории Санкт-Петербурга девять отдельных городов (Красное Село — Красносельский район; Петродворец, Ломоносов — Петродворцовый район; Пушкин, Павловск — Пушкинский район; Кронштадт — Кронштадтский район; Зеленогорск, Сестрорецк — Курортный район; Колпино — Колпинский район); более 20 поселков, а также внутригородские районы, не имеющие отчетливого территориального деления, но при этом включающие кварталы, обладающие определенной спецификой, связанной с их расположением и историей развития. Так, Невский район разделен на две части Невой, а в составе исторических районов (Василеостровского, Петроградского, Центрального и Адмиралтейского) — муниципальные образования (МО), чья богатая история побудила их органы местного самоуправления дать своим муниципалитетам названия, связанные с историей территории (Дворцовый, Лиговка-Ямская, Коломна и т. п.).
2. Высокий уровень различий между отдельными параметрами качества жизни в зависимости от характера территории и ее специфики: низкая транспортная доступность (в пригородных районах связана со значительными расстояниями между населенными пунктами и удаленностью от ядра агломерации; в центральных районах — со слабым развитием метрополитена и крайней сложностью вывода на поверхность новых станций в зоне старой исторической застройки); низкое качество условий проживания (коммунальные квартиры в центре и зонах застройки 1970-х гг.; полная амортизация панельных домов первых серий, ветхое и аварийное жилье, отсутствие в поселках центрального отопления, водопровода и канализации, природного газа и т. п.), низкая доступность услуг в сфере культуры для жителей периферии, особенно молодежи и детей (сверхконцентрация крупнейших учреждений культуры в центральных районах города) и т. д.
3. Значительное расслоение городского сообщества по уровню доходов, способности получения различного рода услуг, уровню образования, профессиональной подготовки, принадлежности к различным этническим группам, языковым и религиозным сообществам (в окраинных районах, например, Выборгском, уже встречаются школы, где до 30% учащихся — дети-инофоны, т. е. дети, говорящие дома не на русском языке).
4. Существенные отличия параметров экологического благополучия, наличие или отсутствие зеленых насаждений, уровень освещенности во дворах и помещениях, состояние водных пространств и т. д.

Не вызывает сомнений, что при таком уровне разнообразия объекта управления, в соответствии с законом необходимого разнообразия, субъект управления должен обладать соответствующими характеристиками. Однако современная система управления Санкт-Петербурга имеет жестко централизованную структуру с концентрацией абсолютного большинства полномочий на уровне субъекта РФ, т. е. общегородском уровне управления. В целом в ней не произошло существенных изменений, с точки зрения централизации / децентрализации, с советского периода. Все стратегические и большая часть тактических решений принимаются правительством города и органами государственной исполнительной власти субъекта РФ.

Административные районы не имеют полномочий по принятию самостоятельных политических решений, так как не обладают политической сущностью, а являются

исполнителями политической воли городской власти. Более того, созданные в 1990-е гг. органы местного самоуправления лишь формально получили автономию, а, по сути, подчинены районной администрации и, соответственно, городу. Само по себе это противоречит духу Европейской хартии местного самоуправления и Конституции РФ, однако федеральное законодательство закрепило это положение в ст. 79 ФЗ-131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ», предоставив городам федерального значения большую, по сравнению с другими субъектами, самостоятельность в вопросах организации местного самоуправления на их территории.

Для сравнения, приведем пример двух европейских городов, которые, как правило, являются для Санкт-Петербурга эталоном: Лондон и Берлин. Лондонская модель с ее высоким уровнем децентрализации и полноценной муниципальной автономией 32 городских районов (боро) вряд ли может быть использована в Санкт-Петербурге, так как она сформировалась в условиях постепенного объединения и сращивания некогда самостоятельных муниципалитетов в условиях государственной системы, где органы местного самоуправления обладали всегда высокой самостоятельностью.

Гораздо более реалистичной представляется адаптация к условиям нашего города берлинской модели, выдержавшей не только более чем 90-летний период функционирования, но и полное разрушение в период фашизма. Уже в 1945 г. в Западном Берлине модель, созданная Законодательным собранием Пруссии в 1920 г., была восстановлена в прежнем виде. В данной модели районы, достаточно крупные (население от 200 000 до 400 000 человек), обладают ограниченной автономией в рамках полномочий, устанавливаемых городским законом (город Берлин является одновременно землей ФРГ, и закон принимается городской Палатой депутатов, являющейся одновременно земельным парламентом). Это позволяет городской власти, являющейся одновременно государственной, оказывать интенсивное влияние на районы и достигать необходимой для города унификации политики и целостности управленческой системы. Достаточно высоко интегрированным является и бюджетный процесс, так как район получает общую финансовую сумму, состоящую из трех блоков — материальных затрат, затрат на персонал и инвестиций — и являющуюся, таким образом, промежуточным вариантом между сметой и полноценным бюджетом.

Проанализировав опыт Берлина и Лондона, выделим несколько характерных управленческих проблем, одинаково актуальных для европейских городов и для Санкт-Петербурга.

1. Определение допустимого уровня децентрализации, не угрожающего целостности системы.
2. Выявление объема полномочий, которые могут и должны реализовываться на субгородском (районном или ином) уровне.
3. Установление оптимального соотношения при распределении финансовых потоков.
4. Учет интересов отдельных территориальных единиц при разработке планов застройки, использования территорий, выстраивании взаимоотношений с прилегающими к крупной метрополии муниципалитетами и другими территориальными системами.

К сожалению, управленческие проблемы в целом, а также выделенные ранее нами не нашли достаточно адекватного отражения в проекте Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года. В «Анализе социально-экономического развития Санкт-Петербурга» раздел 1.2.15 «Государственное управление» отражает преимущественно результаты, достигнутые в предоставлении государственных и муниципальных услуг, финансовую деятельность органов власти

различных уровней, но не выявляет фундаментальные проблемы с целью поиска их решения¹.

При этом в вышеназванном аналитическом отчете выявлены проблемы управления, отрицательно влияющие на развитие базовых параметров качества жизни, а также инвестиционную привлекательность города: так, в рейтинге «Ведение бизнеса в России» Санкт-Петербург имеет лишь 22-й рейтинг по интегрированному показателю среди 30 городов России, 24-й рейтинг по условиям подключения к энергоснабжению и 27-й — по условиям регистрации собственности².

Основным критерием оценки деятельности субъекта управления и степени его эффективности является объективное и субъективное качество жизни на территории, подведомственной органам государственной исполнительной власти и органам местного самоуправления, входящим в состав управленческой системы. По данным Министерства регионального развития РФ, Санкт-Петербург занимает в соответствии с оценкой эффективности деятельности органов государственной власти субъектов РФ по общей оценке 2-е место (1-е место — Республика Татарстан, 8-е место — город Москва), по уровню развития — 3-е место (1-е место — Республика Татарстан, 2-е место — Тюменская область, 6-е место — город Москва), по динамике развития — 30-е место (1-е место — Костромская область, 8-е место — Республика Татарстан, 21-е место — Псковская область, 27-е — Новгородская область, 63-е место — город Москва)³.

В состав показателей для оценки степени эффективности входит степень удовлетворенности граждан результатами деятельности управляющей системы. Очень высокие рейтинги в рамках общей оценки и по уровню развития вызывают оптимизм, однако серьезно беспокоит отсутствие достаточной динамики. С одной стороны, она объясняется тем, что многие изменения в деятельности системы управления были осуществлены ранее, а с другой — стремлением сохранять статус-кво и проводить лишь инкрементальные изменения.

Эта позиция городской власти не является новой: в 1990-е гг. появление в городе органов местного самоуправления вызывало серьезные опасения, как у первого мэра города А. А. Собчака, так и у его преемника В. А. Яковлева. Стремясь к сохранению целостности городского хозяйства, лидеры городов федерального значения добились внесения в ФЗ-154 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» поправки, известной как поправка Лужкова—Шишлова, согласно которой предметы ведения муниципальных образований, находящихся на территории Москвы и Санкт-Петербурга, в том числе определенные федеральным законом, а также объекты муниципальной собственности, источники доходов местных бюджетов определяются законами самих субъектов РФ⁴.

Поправка поставила органы местного самоуправления внутригородских территорий в полную зависимость от органов государственной власти субъекта РФ, тем более что территориальной основой развития местного самоуправления стали 111 МО в Санкт-Петербурге и более 120 в Москве (количество МО возросло после

¹ *Анализ социально-экономического развития Санкт-Петербурга*: [Электронный ресурс]. URL: [http://spbstrategy2030.ru/UserFiles/Files/tom3\(2\).pdf](http://spbstrategy2030.ru/UserFiles/Files/tom3(2).pdf) (дата обращения: 12.12.2013).

² *Города Российской Федерации в рейтинге «Ведение бизнеса»*: [Электронный ресурс]. URL: <http://rspp.ru/simplepage/518> (дата обращения: 12.12.2013).

³ *Рейтинг регионов по уровню и динамике*: [Электронный ресурс]. URL: http://ef.minregion.gas-u.ru/minreg2/index.php?show=activity_effekt&tool=tools_matrix&page=activity&mode=bubbles (дата обращения: 12.12.2013).

⁴ *Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ*: Фед. закон Российской Федерации № 154-ФЗ по состоянию на 21.07.2005 г.: [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_54553/ (дата обращения: 12.12.2013).

включения в состав Москвы части Московской области). Ситуация сохранилась и после принятия в 2003 г. нового закона.

В соответствии с текстом предварительного документа¹, в настоящее время в состоянии города наблюдается ряд проблем, которые требуют решения в ближайшие годы, что определит позитивную динамику развития или ее отсутствие. Как все большие системы с высоким уровнем сложности, комплексности, выполняющие множественные функции, второй по величине город России, субъект Российской Федерации, важнейший инновационный, образовательный, научный, культурный, туристический центр Санкт-Петербург не может длительное время оставаться в состоянии стагнации или низкой динамики развития. Таким образом, стратегия развития однозначно может выстраиваться только в рамках инновационного сценария (стр. 58–64 Стратегии). При этом ряд позиций данного сценария сохраняет инерционность, что не позволит решать многие проблемы городской системы с достаточной степенью интенсивности.

На основе анализа сформированного разработчиками документа нами выработан ряд предложений.

1. Особое внимание следует обратить на совершенствование институтов и повышение эффективности их деятельности, не ограничиваясь лишь повышением эффективности предоставления государственных и муниципальных услуг населению (стр. 100 Стратегии). Повышение эффективности выполнения выделенных государственных функций требует изменения самого алгоритма деятельности. В большинстве городов мира масштаба Санкт-Петербурга процесс управления строится на основе более выраженной децентрализации и разграничения полномочий и функций между всеми уровнями управления. В варианте Санкт-Петербурга это требует переосмысления роли административного района, который может и должен выполнять функции более самостоятельно и ответственно. С учетом сложившейся в городе в течение последних 15 лет системы местного самоуправления (МСУ) на внутригородских территориях в границах районов, возможно, следовало бы с участием Совета муниципальных образований Санкт-Петербурга постепенно продвигаться к районной модели МСУ путем кооперации МО в границах районов с последующим укрупнением и изменением территориальной основы.
2. Разграничение полномочий необходимо осуществлять на основе принципа субсидиарности с учетом мнения населения, органов местного самоуправления, районных администраций. В мировой практике известны случаи, когда передача полномочий осуществляется постепенно, а масштаб органов управления городского уровня постепенно уменьшался по мере того, как функции передавались на районный (муниципальный) уровень. В данном случае оптимизация происходит поэтапно, а предусмотренное сокращение персонала государственной службы не носит механического характера.
3. Указ Президента РФ № 314 от 09.03.2004 г. «О системе и структуре федеральных органов исполнительной власти» и его применение в последующие годы на федеральном и региональном уровне продемонстрировали сложность и определенную противоречивость процесса совершенствования структуры органов государственной исполнительной власти с целью приведения разнообразия системы управления в соответствие с разнообразием объекта управления. Движение по пути передачи государственных функций автономным и полуавтономным агентствам, а процесса предоставления государственных и муниципальных услуг учреждениям необходимо проводить более последовательно и системно.

¹ Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года: [Электронный ресурс]. URL: [http://spbstrategy2030.ru/UserFiles/Files/tom3\(2\).pdf](http://spbstrategy2030.ru/UserFiles/Files/tom3(2).pdf) (дата обращения: 12.12.2013).

4. Одной из сфер жизни города, в которых имеются наиболее острые проблемы, является обеспечение мобильности населения — одного из важнейших параметров качества жизни, влияющих на исполнение Санкт-Петербургом функции «комфортного места проживания», которая выделена в Стратегии как наиболее приоритетная, а также функции туристического центра (стр. 65–67 Стратегии). Для повышения мобильности, кроме интенсивного развития метрополитена, необходима реанимация трамвая с одновременным ограничением въезда в центр города личного автотранспорта, а также изъятием из транспортной системы маршрутного такси в его современном состоянии. Частные перевозчики могут и должны участвовать в решении городских проблем, однако они должны быть полностью интегрированы в транспортную систему: качество транспортных средств, правила эксплуатации и допуска водителей, единые условия оплаты. Для повышения уровня интеграции системы необходимо введение большего количества видов билетов (например, билет на одну поездку, позволяющий в течение двух часов двигаться в одном направлении с пересадками на всех видах городского общественного транспорта).
5. Важной проблемой является формирование городского сообщества, особенно его наиболее активного и эффективного «ядра». Одной из сфер, где это формирование может происходить, является жилищная сфера. Создание ТСЖ затруднено в Санкт-Петербурге большим количеством домов со смешанной формой собственности. В данном случае собственником значительного жилищного массива является Санкт-Петербург. Необходимо, чтобы город и/или район стали полноценными товарищами собственников-миноритариев, осуществляя правовую, методическую и финансовую поддержку деятельности данной формы самоорганизации населения. Возможно, на первом этапе это потребует создания специального Агентства поддержки ТСЖ, которому будет выделен определенный бюджет. Управляющие компании должны заключать договоры первоначально с агентством, а впоследствии ТСЖ могут по мере готовности переходить к самостоятельному взаимодействию с ними.
6. Предлагаемый инструмент зонирования (стр. 101–111 Стратегии) может сыграть важную роль в социально-экономическом развитии города, однако нельзя забывать, что одно из главных конкурентных преимуществ Санкт-Петербурга — его способность социализировать большие массивы населения, транслируя ему специфические ценности историко-архитектурного наследия города, его уникального облика и т. п. При максимальной концентрации функции жизнедеятельности в границах предлагаемых девяти зон воздействие данного типа социализации будет снижено: жители всех зон, кроме Центральной, Петровворцовой и Кронштадтской, будут ощущать себя не петербуржцами, а жителями стандартного современного города. Поэтому при зонировании требуется учет степени удаленности каждой из зон от исторического центра, а также разработка специальных программ по включению жителей новых территориальных единиц в освоение исторического наследия. Этот же аспект следует учитывать при создании новых крупных объектов культурной инфраструктуры: строительство нового здания Мариинского театра было бы гораздо более эффективным, например, в Приморском районе, а само здание не вызывало бы таких острых дискуссий.
7. Развитие Центральной зоны представляет собой особую проблему: во многих городах мира на определенном этапе их развития городской центр переставал быть селитебной территорией и исполнял только комплекс деловых, туристических и иных функций, что вело к его опустению (особенно в вечерние часы). При реализации различных проектов, связанных с реновационными процессами, нельзя забывать, что город — это, прежде всего, место для жизни, причем различных категорий населения. В связи с этим позитивное воздействие на

развитие Центрального, Адмиралтейского, Василеостровского и Петроградского районов могло бы оказать создание под гарантии правительства города Ссудного банка, где жители могли бы получить на определенный срок беспроцентную или низкопроцентную ссуду для приобретения нового жилья, в том числе в своем районе, с последующим капитальным ремонтом и продажей жилых единиц, освобождаемых ими. Данный инструмент позволил бы привлечь для реновации исторического центра не только ресурсы хозяйствующих субъектов, но и физических лиц, а также ускорить процесс и снизить его социальную негативную составляющую, возникающую при перемещении жителей с привычных им территорий проживания. Возможно проведение пилотного проекта при реализации одного из реновационных вариантов в историческом центре.

8. Высокий уровень политической стабильности и жесткая вертикаль власти в России, которые выделяются в Стратегии как позитивный фактор социально-экономического развития Санкт-Петербурга, не исключают возможностей формирования более активной и самостоятельной позиции органов государственной власти субъекта РФ по вопросам совместного ведения (ст. 72 Конституции РФ). Так, многие проблемы социального обеспечения в городе не решаются достаточно последовательно и интенсивно в связи с отсутствием федерального законодательства. Исходя из положений конституционного документа, субъекты РФ имеют право регламентировать любые вопросы в пределах вышеуказанной статьи собственными нормативными актами в отсутствие федерального закона.
9. В качестве миссии Санкт-Петербурга нами предлагается следующая формулировка: миссия города — генерация идей, способствующих инновационному развитию российской нации и ее культурного потенциала с одновременной реализацией активной политики в сфере образования, науки, культуры, туризма, предоставления высокотехнологичных услуг на территории города.
10. Подводя общий итог, можно констатировать, что инициатива по разработке Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2030 года имеет большое значение для дальнейшего развития города, однако ее реализация будет зависеть во многом от рационального разделения функций и полномочий между всеми акторами, действующими на территории Санкт-Петербурга, а также в ближних районах Ленинградской области начиная с отдельных граждан и семей, включая общественные и иные организации, органы местного самоуправления и государственной власти субъекта РФ, вплоть до федерального уровня управления, роль которого в Северной столице, возможно, выше, чем в любой другой точке России.

Организационно-управленческие аспекты деятельности конвергентной редакции

Ким Максим Николаевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой филологии и журналистики
Доктор филологических наук
kim@szags.ru

РЕФЕРАТ

Автор рассматривает различные организационно-управленческие аспекты деятельности конвергентной редакции по выпуску медийного продукта. Сегодня кардинальным образом изменились не только особенности организации и управления редакционным коллективом, но и комплекс профессиональных требований к журналистам и способы создания медийного продукта в условиях конвейерного производства. Деятельность конвергентной редакции разворачивается в двух направлениях: с одной стороны, они заняты поиском наиболее оптимальных моделей выпуска медийного контента, а с другой — внедрением новых методов организации труда журналистов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

конвергенция, контент, мультимедиа, медийная структура

Kim M. N.

Organizational and Administrative Activities of a Convergent Editorial Office

Kim Maksim Nikolaevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of Philology and Journalism
Doctor of Science (Philology)
kim@szags.ru

ABSTRACT

The author examines different organizational and administrative activities of a convergent editorial office at producing a media product. Today not only the features of organization and management of editorial staff radically changed, but also complex of professional standards for journalists and creating media product in line production. Convergent editorial activity takes place in two directions: on the one hand — finding the most optimal models of media content production, on the other hand — introduction of new methods of organizing journalists working process.

KEYWORDS

convergence, content, multimedia, media structure

Технологические преобразования, затронувшие в последние два десятилетия медийную сферу, кардинальным образом коснулись деятельности редакционных коллективов. Если раньше традиционные СМИ строились по принципу пирамидальной структуры, то теперь больше придерживаются горизонтальной. Редакции первого типа представляли собой жестко иерархизированную организацию во главе с главным редактором. Организационная природа таких коллективов заключалась в четком распределении функциональных обязанностей и ролей, в наличии различных нормативных документов, регулирующих редакционные отношения, в поэтапном прохождении журналистских материалов от корреспондента к заведующему отдела, затем ответственному секретарю и только потом на утверждение к главному редак-

тору. К плюсам данной модели относили принцип единоначалия, плановость, строгое распределение функциональных обязанностей и т. д. К минусам — громоздкость организационной структуры, отсутствие оперативности в принятии управленческих решений, бесконечные согласования по прохождению журналистских материалов и т. д.

В отличие от пирамидальной структуры горизонтальная имеет более гибкую форму. Внутриредакционное взаимодействие журналистов имеет более свободный характер, нет административной дистанции между подчиненными и руководителями, что способствует более быстрому обмену информацией между сотрудниками, а также оперативному принятию управленческих решений и т. д. К минусам можно отнести: отсутствие долгосрочных планов работы, так как подготовка материалов, как правило, идет «с колес»; доминирование тактического управления над стратегическим и т. п. Горизонтальная структура редакции приживалась там, где ставка делалась не на поддержание формальной дисциплины, а на творческую инициативность сотрудников, на их самоорганизованность и сознательность, на их способности самим определять цели деятельности относительно общередакционной политики, наконец, на их адаптивность к меняющимся условиям труда.

Таким образом, если в редакциях с пирамидальной структурой ставка делалась на плановость и подконтрольность каждого процесса, то во втором случае главное внимание уделялось поддержанию творческой мотивации журналистов. В условиях конвергенции СМИ, безусловно, горизонтальная структура редакции оказалась более приспособленной к изменениям, происходящим в медийной среде, но отнюдь не единственной, так как в условиях сближения и слияния различных средств передачи информации в единую платформу многие журналистские коллективы по-прежнему находятся в поисках наиболее эффективных моделей управления. Именно об этом пойдет речь дальше.

В условиях конвергенции СМИ, когда на одной площадке работают представители различных медийных специальностей (газетные, радиийные, телевизионные и сетевые журналисты), перед руководством таких редакций стоит проблема поиска схожих признаков деятельности с целью координации действий участников единого процесса по производству контента. Модель, связанная с распределением функциональных обязанностей, в данном случае не работает, так как специфика создания мультимедийного контента предполагает полную взаимозаменяемость журналистов. И не только. Подготовка материалов, одновременно рассчитанных для нескольких каналов, невозможна без объединенного тематического банка данных. Именно его создание и выступает тем общим делом, сближающим деятельность разнородных специалистов.

Какие цели и задачи достигаются за счет этой работы? Во-первых, организуется совместный поиск фактов по различным темам и направлениям; во-вторых, учитываются все мультимедийные элементы, требующиеся для реализации того или иного журналистского замысла; в-третьих, достигается общее понимание в реализации редакционных проектов и идей.

Благодаря наличию такого банка данных облегчается тематическое планирование материалов для разных каналов СМИ, так как изначально все участники редакционного процесса осведомлены о том, кто и в каком направлении работает. Таким образом, в условиях функционирования конвергентной редакции координация действий журналистов осуществляется за счет учета тематических ориентаций и предпочтений творческих работников.

В ходе своей деятельности конвергентная редакция вынуждена решать и другие не менее важные управленческие задачи. К ним мы отнесем и планирование работы журналистского коллектива, и производство мультимедийного контента с учетом языка СМИ, и распространение информационной продукции, и капитали-

зацию медийной структуры при сокращении издержек, и поиск эффективных методов привлечения рекламодателей, и выработку принципов привлечения аудитории, и многое другое. Попытаемся более подробно осветить некоторые из этих вопросов.

Планирование в конвергентной редакции, как отмечают московские исследователи, мало отличается от системы планерок в многопрофильном информационном агентстве, когда работа ведется 24 часа в сутки 7 дней в неделю. Но тщательность и интенсивность планирования, пишут ученые, становятся еще более важными как минимум по нескольким причинам. Среди них они выделяют:

- 1) технологический цикл производства мультимедийных продуктов может драматически отличаться;
- 2) производство мультимедийных жанров требует координации между подразделениями и сотрудниками;
- 3) конвергентная редакция стремится к производству мультимедийных историй (статей), поэтому на этапе планирования нужно представлять не только ее составляющие, но и всю историю в целом [1, с. 233].

На наш взгляд, есть существенная разница между работой конвергентной редакции и многопрофильным информационным агентством. В подобного рода агентствах действует, как правило, развернутая корреспондентская сеть. Там работа журналистов строится как в редакциях с пирамидальной структурой. Планерки и различного рода рабочие совещания здесь важны, так как именно на них согласовываются и распределяются все редакционные задания по выпуску информационных лент.

Конвергентная редакция не обладает такими творческими ресурсами и возможностями. Поэтому ставку здесь делают не на узких специалистов, а на универсальных журналистов, способных выполнить разнородные производственные операции.

Принципиально отличается «производство мультимедийных продуктов» в многопрофильном информационном агентстве и конвергентной редакции. В пирамидальных структурах, как мы уже отмечали, ставка делается на профессиональную специализацию журналистов. Поэтому в них взаимозаменяемость специалистов затруднена. Чтобы избежать сбоев в производственной цепочке, там серьезное внимание уделяется планированию. В этой связи московские исследователи отмечают, что в конвергентных СМИ проводятся две общередакционные планерки — утренняя и вечерняя. Общая планерка (долгосрочная и суточная) предполагает присутствие представителей всех отделов, продюсеров, координаторов универсальных журналистов, представителей фото-, видео- и инфографических служб. Общая планерка в первую очередь должна быть сориентирована на создание и отслеживание сюжетов. Утренняя планерка, как отмечают далее исследователи, может носить корректирующий по отношению к вечерней характер, на ней обсуждаются статусы готовности мультимедийных материалов, принимаются решения о развитии той или иной темы. Смысл всего этого процесса, по мнению уважаемых авторов, ориентирован на то, чтобы «планирование было прозрачным и отображало не только поставленную задачу, но и ход процесса, промежуточные и окончательные итоги, так как только при прозрачной карте готовности материалов и дедлайнов можно синхронизировать производство и эффективно собрать мультимедийный материал» [1, с. 236]. Но так ли это на практике?

Для конвергентной редакции «производство мультимедийных продуктов» — это неотъемлемое правило. Почему? В данном случае журналисты изначально поставлены в ситуацию создания подобного рода материалов. Поэтому, отправляясь на какое-либо редакционное задание, они не только технически оснащены диктофонами, фотоаппаратами и мини-камерами, но и готовы выступить в качестве пишущих, говорящих и снимающих журналистов.

Вечерние и утренние планерки больше, по всей видимости, приемлемы для многопрофильного агентства, где работают сотни сотрудников, а не для тех редакций, в которых число журналистов и технических специалистов имеет очень ограниченный состав, где малыми силами умудряются создавать контент для нескольких медийных платформ. В таких коллективах планерки предпочитают проводить в форме видеоконференции по скайпу, так как категория времени играет в работе конвергентной редакции решающее значение. Приезд в редакцию в вечернее и утреннее время для многих журналистов — непозволительная роскошь, так как это время они с большей пользой могут провести на выезде. Поэтому наиболее эффективной моделью взаимодействия между медиаменеджерами и журналистами является форма той же, допустим, электронной переписки. Продуктивности работы редакции может способствовать и постоянно обновляющаяся электронная доска, где могут быть отражены все этапы производственной цепочки по выпуску медийного продукта. Впрочем, без плана работы не может обойтись и конвергентная редакция. Исследователи выделяют три их разновидности: долгосрочный, среднесрочный и суточный (оперативный).

Долгосрочное планирование, по мнению московских ученых, опирается на календарь и базы анонсов. Оно позволяет заранее, издалека разглядеть «долгоиграющие» темы и темы, которые могут вызвать особый интерес у аудитории. Именно долгосрочное планирование пишут они: «позволяет без авралов, в спокойном режиме определиться со сложными мультимедийными жанрами, заказать авторам текстовые материалы, получить аккредитации и т. д.» [1, с. 234]. Календарь и базы анонсов — это хорошо для долгосрочного плана, но, на наш взгляд, этого не достаточно. Необходимо помимо календарного плана разрабатывать тематические рубрики. В данном случае без аналитического подхода в разверстке будущих тем не обойтись. Что это означает? В каждой теме, возьмем, к примеру, выборы в местное законодательное собрание, можно выйти на уровень осмысления некоторых проблемных зон: политическая конкуренция между оппозиционными и традиционными партиями; методы и формы использования предвыборных технологий; политические программы и заявления в ракурсе политической борьбы; характер идеологических противоречий внутри одной партии и т. д. Если календарный план напрямую связан с знаменательными датами, то аналитико-тематический — с глубинным изучением существующих в обществе латентных проблем. Такой подход при долгосрочном планировании более продуктивен, так как журналисты нацелены не только на освещение памятных дат, но и на поиск значимых тенденций и проблем, волнующих общественность. Хорошим подспорьем при составлении такого плана выступает единая тематическая база данных, о чем мы писали выше. Задача медиаменеджера состоит в том, чтобы предвидеть и очертить контуры тех событий, которые могут произойти в будущем, выявить тенденции их развития на основе анализа текущей жизни, предвосхитить сценарии развития той или иной жизненной проблемы или ситуации. Здесь, как мы видим, не обойтись без владения прогностическими методами анализа. Благодаря хорошо разработанному долгосрочному плану журналисты могут работать на перспективу, а значит, всегда быть первыми в освещении событий.

Что из себя представляет среднесрочный и суточный план?

Среднесрочный план рассчитан на квартал. Он составляется с учетом периодичности выхода конкретной теле- или радиопередачи, выпуска газеты, сроков обновления новостного сайта. В этом документе ставка делается на более подробную разработку тематических полос, блоков, рубрик. Наличие такого документа очень удобно не только для журналистов, но и для медиаменеджеров. Творческие сотрудники редакции, ориентируясь на этот план, могут не только заранее подготовиться к освещению тех или иных событий, но и углубиться в проблематику изуча-

емой темы, провести собственное расследование, более тщательно изучить документы, а главное — заранее готовить материалы для портфеля редактора. Как видим, среднесрочное планирование рассчитано не только на достижение определенного запаса прочности, но и на обеспечение конкурентоспособности поступающих в редакцию материалов.

Суточный план составляется на конкретный день. В нем обычно выделяют два раздела: первый связан с анонсами событий, второй — с текущими событиями. Над данным документом обычно работает дежурная бригада во главе с выпускающим редактором. В их задачи входит решение следующих вопросов: отслеживание информационных лент новостей по различным поисковым ресурсам; координация действий различных творческих и технических служб редакции; проведение редакционных летучек, на которых определяются приоритеты грядущего дня; верстка очередного выпуска газеты, радио- или телепередачи.

Наиболее показательным является характер планерки, на которой формируется суточный план. Вот как московские исследователи описывают данный процесс:

«Планерка идет как бы в двух плоскостях: первая плоскость — это сюжеты или темы, вторая, перпендикулярная ей, — мультимедийные средства, которые будут задействованы в разработке темы.

На планерке:

- определяются основные темы дня (как правило, накануне...);
- заранее запланированные темы дополняются актуальным контекстом;
- разрабатываются потенциальные сценарии развития темы;
- определяются мультимедийные элементы, которые могут быть полезны для каждой из тем;
- определяются источники мультимедийных элементов (собственное производство или иные);
- определяются участники процессов и распределяются роли;
- назначается продюсер или координатор каждой истории;
- определяются дедлайны для каждого из элементов;
- определяется дедлайн для мультимедийной статьи или намечаются этапы развития статьи» [1, с. 236].

Такая детализация суточного плана — производственная необходимость, так как позволяет каждому участнику редакционного процесса ясно представлять весь фронт работы. В отличие от других планов здесь четко определяются сроки и контроль исполнения, а главное — задаются параметры журналистских материалов: объем, жанр, время и место передачи в структуре всей программы. Без строгого соблюдения этих правил невозможно бесперебойное конвейерное производство по выпуску мультимедийного продукта.

Производство контента в конвергентной редакции зависит и от других факторов, к которым отнесем: технологические, творческие, организационно-управленческие.

В связи с тем что технология создания мультимедийного контента представляет собой конвейерный тип производства, его участники должны не только четко представлять свое место в общей структуре редакции, но и уметь вплоть до автоматизма выполнять возложенные на них обязанности. Кроме того, от них требуется сочетание универсализма с узкой профессиональной специализацией. Универсальные умения и навыки позволяют журналистам быть взаимозаменяемыми, а специализация в какой-либо области — со знанием дела разрабатывать проблемные темы. Таким образом, в условиях конвейерного производства требуются сотрудники разностороннего плана. В идеале любой журналист конвергентной редакции, имея под рукой ряд технических средств: ноутбук, диктофон, цифровой фотоаппарат со встроенной видеокамерой, должен уметь создать за определенный промежуток времени полноценный контент для их размещения на различных информационных ресурсах (на

сайте, в сетевой газете, на радио и телевидении). По мнению А. Н. Мнацаканяна, при конвейерном типе производства «на первое место выходят нелинейные процессы ускорения и обновления информационных потоков, также подверженных конвергенции, интеграции, синергетическому воздействию» [2]. О чем это говорит? Создание мультимедийного продукта основано на «мультивариативности», на совмещении различных языков СМИ, наконец, на особенностях передачи информации. «Мультивариативность» предполагает размещение одного и того же контента на нескольких информационных ресурсах, т. е. структура такого текста должна быть настолько адаптивной и гибкой, чтобы можно было насытить его фотоиллюстрациями, видеорядом, гиперссылками на другие источники информации, инфографикой и т. д.

Производство мультимедийного контента с учетом языка СМИ предполагает ориентацию не только на языковую, но и на жанровую форму подачи журналистского материала. По мнению специалистов, «производство мультимедийных жанров требует координации между подразделениями и сотрудниками» [1, с. 233]. В чем это выражается? Во-первых, каждый жанр имеет собственное языковое выражение. Новостные материалы, как правило, пишутся в книжно-деловом стиле. Для репортажей и интервью больше присуща разговорная лексика, для аналитических больше приемлем научно-популярный стиль, для художественно-публицистических характерно использование выразительных средств языка. С учетом всех этих факторов и готовится тот или иной материал. Тщательная проработка темы будущего выступления, а также жанровая форма ее воплощения обусловлены высокой себестоимостью мультимедийного продукта, так как в его подготовке участвуют не только журналисты, но и дизайнеры, верстальщики, операторы, звукорежиссеры и др. В условиях размещения одного контента на различных информационных платформах принципиальное значение имеет предварительная договоренность о жанровых формах подачи материала. Конвергентный журналист, готовя репортаж с места события, должен думать о разных видах его жанрового воплощения. Для радиорепортажа ему потребуются живые голоса и фоновые звуки, с помощью которых он смог бы передать атмосферу события; для телерепортажа — яркая картинка и закадровый текст; для сетевой газеты — фотографии с места события, инфографика и т. д. В такой ситуации журналист вынужден тесно взаимодействовать с другими специалистами.

При конвейерном типе производства необходимо учитывать особенности передачи информации, которые во многом зависят не только от временных факторов при подготовке журналистских материалов, но и от поиска новых форм размещения информации на различных мобильных устройствах. Поэтому в последние годы очень сильно выросли требования к скорости изложения информации, а также к освоению новых мобильных средств передачи информации.

Благодаря новым техническим инновациям стала возможной персонализация контента. В эпоху демассификации СМИ¹ наиболее обсуждаемыми вопросами ста-

¹ Ученые считают, что процесс демассификации средств информации не является исключительно технологическим фактором. По мнению В. А. Сидорова, «Это фактор углубляющейся стратификации общества, это обретение людьми своей идентичности, постоянно атакуемой напором волн глобализации, но обретение не через жесткое отстаивание традиционных жизненных установок и непоколебимости устоев этнокультуры, а через выделение в обществе новых социальных ниш. Каждая ниша формируется на основе ряда объективных статусных факторов индивидов: материальный достаток, образование, профессиональная принадлежность, место жительства и т. д. Число сочетаний этих факторов растет в геометрической прогрессии, так что новых социальных ниш также много. И каждой такой нише не может не соответствовать свой медийный ресурс, который способен выглядеть двояко». На наш взгляд, современные аудиторные исследования должны быть ориентированы именно на изучение этих новых социальных ниш с тем, чтобы реально понимать информационные запросы мобильной аудитории.

ли следующие: из каких тематических разделов должен состоять персонализированный контент, каким образом определять информационные потребности мобильной аудитории, какие информационные услуги окажутся самыми востребованными и т. п. Ответы на эти вопросы жизненно необходимы для конвергентных редакций. И информационные ресурсы могут быть востребованы тогда, когда они способны удовлетворить информационные потребности людей. Поэтому персонализированный контент должен полностью отражать не только духовные запросы аудитории, но и культуру информационного потребления.

Организационно-управленческие задачи при производстве контента предполагают решение вопросов, связанных с капитализацией медийной структуры при сокращении издержек по выпуску информационного продукта. Данная цель может быть достигнута за счет сокращения арендной платы за офис, экономии издательских расходов, поиска менее дорогостоящих форм распространения информации, с оптимизацией деятельности конвергентной редакции и т. д.

Сокращение арендной платы за офис стало возможным благодаря надомной работы журналистов. Теперь, пользуясь Интернетом и электронными средствами связи, сотрудники конвергентной редакции могут трудиться на удалении. Изменение формы работы повлекло за собой и характер взаимоотношений между журналистами и медиаменеджерами. При удаленной работе с редакцией самым важным моментом в организации деятельности редакции выступает налаживание обратной связи. Для этого требуются:

- 1) четкость в распределении редакционных заданий с учетом не только способностей и умений конкретного работника, но и с точки зрения его технического оснащения;
- 2) регулярность и плановость видеосвязей, которые должны проходить по определенному рабочему графику;
- 3) строгая отчетность по каждому виду операции, так как без этого наладить бесперебойную работу по выпуску информационного продукта невозможно.

В этих условиях роль медиаменеджера сводится к координации действий многих работников редакции: от верстальщиков до журналистов. И не только. Он должен уметь быстро принимать решения по ходу поступления в редакцию новых сведений, оперативно верстать план очередного новостного выпуска, согласовывать действия разнородных специалистов по выпуску тематического сюжета, организовывать работу дежурной бригады, редактировать поступающие в редакцию тексты и др. Таким образом, современный медиаменеджер должен уметь не только быстро маневрировать в сложной медийной среде, но и выполнять разные производственные функции.

Новыми принципами работы должны руководствоваться и творческие сотрудники редакции, которые, с одной стороны, как бы находятся в «свободном плавании», а с другой — их действия регламентированы редакционными планами. Работа на удалении требует от журналистов высокой степени самоорганизованности и самодисциплины. Но и этого недостаточно. Здесь важно и другое, чтобы журналисты были мотивированы на постоянное самосовершенствование и самообучение. Освоение журналистами смежных специальностей позволяет им быть взаимозаменяемыми. Именно поэтому в условиях капитализации медийной структуры акцент делается не на расширении кадрового состава конвергентной редакции, а на развитии креативного потенциала журналиста.

Таким образом, рассмотрев различные аспекты функционирования конвергентной редакции в цифровую эпоху, мы увидели, что кардинальным образом изменились не только особенности организации и управления редакционным коллективом, но и комплекс профессиональных требований к журналистам и способы создания медийного продукта в условиях конвейерного производства. Сегодня деятельность

конвергентной редакции разворачивается в двух направлениях: с одной стороны, они заняты поиском наиболее оптимальных моделей выпуска медийного контента, а с другой — внедрением новых методов организации труда журналистов. Только в этом случае становится возможным уход от шаблонизации всего конвейерного процесса по созданию медийного контента.

Литература

1. *Интернет-СМИ: теория и практика* / Под ред. М. М. Лукиной. М.: Аспект Пресс, 2011.
2. Мнацаканян А. Н. Взаимодействие традиционных медиа и Интернета на примере развития конвергентных СМИ в России с начала 2000-х: [Электронный ресурс]. URL: mfgs-sng.org/local/images/mfgs/ashot_mnatsakanjan.

References

1. *Internet mass-media: the theory and practice* [Internet-SMI: teoriya i praktika] / Under the editorship of M. M. Lukina [Pod red. M. M. Lukinoj]. M.: Aspect Press, 2011.
2. Mnatsakanyan A. N. *Interaction of traditional media and the Internet on the example of development of convergent mass media in Russia since the beginning of the 2000* [Vzaimodeistvie traditsionnykh media i interneta na primere razvitiya konvergentnykh SMI v Rossii s nachala 2000-ykh]: [Electronic resource]. URL: mfgs-sng.org/local/images/mfgs/ashot_mnatsakanjan. (in russ.)

Международно-правовые гарантии свободы самовыражения

Кириленко Виктор Петрович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой международного и гуманитарного права
Доктор юридических наук, профессор
Заслуженный юрист Российской Федерации
intlaw@szags.ru

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры международного и гуманитарного права
Кандидат юридических наук, доцент
intlaw@szags.ru

РЕФЕРАТ

Эффективность международно-правовых гарантий свободы самовыражения рассматривается в контексте соблюдения органами власти тех демократических стандартов, которые заложены в современную систему производства и потребления материальных благ. Виртуальная природа медиакommunikаций представляется основой для формирования обществом правовой действительности нового рода, специально ориентированной на принципиально современные виды отношений по созданию медиаконтента в условиях свободы самовыражения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

свобода самовыражения, виртуальная реальность, медиаправо

Kirilenko V. P., Alekseev G. V.

International Safeguards of Freedom of Expression

Kirilenko Viktor Petrovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Head of the Chair of International and Humanitarian Law
Doctor of Science (Jurisprudence), Professor
Honored Lawyer of Russia
intlaw@szags.ru

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of International and Humanitarian Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intlaw@szags.ru

ABSTRACT

Freedom of expression and its legal guarantees are reviewed in the context of democracy standards enforced by the state government. These democracy standards are studied as a legal basis of modern economy. Virtual nature of media communication is presented as a social space for the legal reality of a new kind. Article is specially focused on modern creative relations that are aimed to produce media content under the freedom of expression.

KEYWORDS

Freedom of expression, virtual reality, media law

Свобода самовыражения — многоаспектный правовой институт в современном международном праве. В России этот институт на практике реализуется через свободу слова, свободу творчества и преподавания. Творчество как форма само-

выражения представляет собой уникальное правовое отношение, которое в процессе интернационализации медиа все больше ставится международным и все так же, как и раньше, остается неразрывно связанным с просвещением и знанием.

Международно-правовая защита прав и свобод человека объединяет народы в стремлении обеспечить справедливость, всеобщий мир и содействовать социальному прогрессу и улучшению условий жизни. Единство медиапространства обеспечивается сочетанием международно-правовых универсальных и региональных норм, гарантирующих свободу самовыражения.

Всеобщая декларация прав и свобод человека и гражданина 1948 г.¹ гарантирует каждому человеку «право на свободу убеждений и на свободное выражение их» (ст. 19). В соответствии со ст. 27 декларации «каждый человек имеет право свободно участвовать в культурной жизни общества, наслаждаться искусством, участвовать в научном прогрессе и пользоваться его благами». П. 3 ст. 15 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. гласит: «Государства обязуются уважать свободу, безусловно, необходимую для научных исследований и творческой деятельности».

Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г.² в ст. 10 предоставляет гражданам государств Совета Европы «право свободно выражать свое мнение». Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо вмешательства со стороны публичных властей и независимо от государственных границ, но не препятствует государствам осуществлять лицензирование радиовещательных, телевизионных или кинематографических предприятий. Правоприменительная практика учрежденного Конвенцией Европейского суда по правам человека является источником европейского права.

Африканская хартия прав человека и народов 1980 г.³ устанавливает «право на выражение и распространение своих взглядов в соответствии с законом» (п. 2 ст. 9). Американская конвенция о правах человека 1978 г.⁴ содержит аналогичную норму и констатирует, что «право выражения своего мнения не может быть ограничено косвенными методами или средствами, как-то: злоупотреблением правительственным или частным контролем над бумагой, частотами радиопередач, инструментами или оборудованием, используемыми в распространении информации, или любыми иными средствами, направленными на задержку в обмене и распространении идей и мнений».

Азиатская хартия прав человека 1998 г.⁵, принятая на Конференции общественных правозащитных организаций, возлагает правозащитные функции на государства, провозглашает необходимость правовых гарантий плюрализма (ст. 5.2), защищает культурное многообразие (ст. 6.2) и свободу вероисповедания (ст. 6.3).

Российское законодательство в полной мере соответствует положениям международного права и идет дальше в сфере гуманитарных гарантий свободы самовыражения, в частности, п. 1 ст. 44 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому «свободу литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания».

Институт свободы самовыражения впервые формально был закреплен первой поправкой к Конституции США и получил распространение как основополагающая

¹ A/RES/217(III).

² ETS N 005 (Рим, 4 ноября 1950 г.).

³ African (Banjul) Charter on Human and Peoples' Rights (Adopted 27 June 1981, OAU Doc. CAB/LEG/67/3 rev. 5, 21 I.L.M. 58 (1982), entered into force 21 October 1986).

⁴ American Convention on Human Rights (pact of San Jose, Costa Rica). (18 July 1978). B-32.

⁵ Asian Human Rights Charter. Kwangju 16 May 1998: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.refworld.org/docid/452678304.html>.

гарантия либерализма. Тесно связанный со свободой вероисповедания, свободой прессы и правом собираться мирно без оружия институт свободы самовыражения со временем приобрел экономическое содержание, ставшее краеугольной гарантией его незыблемости [14, 3].

Справедливо мнение профессора В. Л. Квинта, который полагает, что «в рамках глобального рыночного пространства формируется и совсем новое экономическое явление — „глобальная производственная площадка“ (Global Workplace), когда производительные силы и производственные отношения, размещенные на территории часто далеких друг от друга стран, тем не менее объединяются единым технологическим процессом и общей конечной продукцией» [7, р. 14]. Это в полной мере относится к производству творческого продукта, и глобальная производственная площадка требует международно-правовых гарантий реализации свободы творчества.

Современное общество, которое представляет открытую коммуникативную систему, существующую в виртуальных пространствах, способно эффективно функционировать только в условиях либерализма, обеспечивающего социальным институтам конкурентные преимущества. Правовые гарантии свободы трансляции общего знания обеспечивают необходимые условия для динамичного развития институтов гражданского общества, способствуют наращиванию интеллектуального потенциала народного хозяйства.

Предприятия рынка медиапродукции, такие как кинокомпании, телеканалы, международные информационные агентства, играющие важную роль в международных отношениях [8], могут эффективно функционировать, приносить прибыль и достигать своих художественных и политических целей только при условии действительности гарантий реализации свободы творчества, свободы самовыражения.

В ряде публикаций обсуждаются вопросы о некой «вредной» информации, которую надо запретить или ограничить к распространению [1]. Очевидно, что речь здесь идет о недопустимости злоупотреблений свободой самовыражения, об обязанности воздерживаться от причинения вреда охраняемым законом интересам государства, физических и юридических лиц, в том числе и иностранных. Американская правовая доктрина, в частности профессора Р. А. Познер, К. Г. Кристи, констатируют неприемлемость традиционных административных методов при противодействии злоупотреблениям свободой самовыражения [12, р. 468].

Анализируя вопросы реализации свободы творчества журналистами, американские юристы ориентируются на правоприменительную практику судов Соединенного Королевства Великобритания. Они отмечают, что в суде возникают неразрешимые противоречия в связи с тем, что в современной правовой системе отсутствует механизм правового регулирования, способный гарантировать охрану частной жизни и защиту публичного интереса в условиях свободы самовыражения [Ibid.]. Эти противоречия не могут быть решены без радикальной комплексной реформы всего информационного законодательства. Результатом такой реформы должны стать расширение сферы действия института общественного достоинства в авторском праве, признание целого ряда субъективных прав фактических обладателей контента, формирование доктрины актуальной и виртуальной юрисдикции государств в медиaprостранстве. Традиционные охранительные меры в информационном праве становятся слишком дорогой в экономическом смысле ценой за чью-то застенчивость, щепетильность или халатность, которую в силу тех или иных причин следует на основании закона скрывать от общественного внимания.

Исследуя роль знаний в меняющемся обществе, французский ученый Жан-Франсуа Лиотар начинает свое исследование с определения по сути виртуального понятия «информационное поле». По его мнению, как национальные государства боролись за освоение территорий, а затем за распоряжение сырьевыми ресурсами и дешевой рабочей силой, надо полагать, так они будут бороться в будущем и за освоение

информации. Здесь открывается, по его мнению, новое поле для индустриальных и коммерческих стратегий, а также для стратегий военных и политических [15, р. 21]. В этом виртуальном пространстве важное место занимает кино [5; 4] — один из первых и ключевых институтов формирующейся медиареальности.

Профессор Ю. М. Лотман справедливо отмечал, что «одно из основных свойств кино — иллюзия реальности, стремление постоянно возобновлять в зрителе чувство подлинности происходящего на полотне, внушение, что не знаки вещей, а сами вещи предостоят перед ним...» [9, с. 223]. Виртуальная реальность тесно связана с пространством медиа, которое ее формирует [19]. Существующая в одних медиа-системах виртуальная реальность исчезает с изменением формата медиа. Правовые гарантии свободы мысли, слова и самовыражения актуализируются в конкретных социально-экономических, исторических, политических и научно-технических условиях, игнорировать которые означает смириться с неэффективностью правовых гарантий.

Французский философ Жиль Делёз противопоставляет актуальный (фактически существующий) объект и виртуальный образ. Актуальное, по мнению Жюль Делёза, не существует отдельно от виртуального. В обществе и правосознании людей происходит круговорот и воспроизводство актуального и виртуального, актуальное «погружено в похожую на туман расплывчатость виртуальных образов» [5, с. 134]. Виртуальное у Ж. Делёза, — это потенциал, который существует постоянно. Виртуальное реально, даже не будучи актуальным. Актуальное есть то, что является предметом медиа, виртуальное — что вполне может стать актуальным, но в определенной системе существует свернутым в своей виртуальности. Разворачиваясь, виртуальное становится актуальным. Свободное общение необходимо для экономически эффективной актуализации виртуальной реальности, которая через процессы общения, через сообщение приобретает форму и экономическое содержание, а следовательно, приобретает культурно-нравственное значение и охраняется правом.

Никлас Луман, характеризуя процессы современного общения, высказал мнение, что «для медиакommunikation — равно как и для понятия системы или понятия эволюции — выбор в пользу рациональности не является predetermined. По отношению к этому элементарному уровню можно сказать лишь, что здесь происходит то, что происходит. С другой стороны, формы менее постоянны (beständig), чем медиальный субстрат. Они поддерживаются лишь через такие предустановления (Vorkehrungen), как память, письменность, книгопечатание» [10, с. 17]. Память изменчива и непостоянна, как и все остальные формы медиа. Такая динамика производит виртуальную реальность, которая ускользает от любых проявлений диктатуры и при любом удобном случае виртуализирует потенциального диктатора.

Стирание государственных границ и трансформация мировой социальной системы из национальных государств в глобальную деревню помимо сближения народов обострили конкуренцию во всех сферах жизни общества [16, 17]. Однако, признавая конкуренцию полезной для экономики, следует осознавать, что конкуренция культур таит в себе риск гибели менее адаптивной культуры и создает угрозу культурному многообразию в целом.

Абстрактная свобода лишена юридического смысла. Причины бессмысленности свободы как таковой кроются в исторически сложившейся политико-правовой доктрине. Свобода формируется как движение за секуляризацию в трудах Томаса Джефферсона, как доктрина светского государства (лиаизма) во Франции и Турции. Свобода защищала интересы светского гражданского общества от реставрации религиозного права. Однако всякий раз факторы свободы определялись светской администрацией, и либеральное право подчинялось определенным интересам. Интересов свободы нет, так же как нет никаких интересов некоего мондиале [15] —

международного сообщества, и тем более нет международных интересов; есть личные интересы, и есть национальные интересы, есть интересы корпораций и интересы профсоюзов. Можно освободиться от политического влияния корпораций, однако это усилит профсоюзы. Упадок религиозных учреждений означает рост авторитета светской власти. Правовое положение индивида в значительной степени определяется собственным правосознанием, которое ориентировано на удовлетворение потребностей, а не на освобождение от определенного рода влияния.

В подавляющем большинстве случаев рассуждения о свободе сводятся к формированию в массовом сознании представления о справедливом правовом государстве, где путь к истинной свободе лежит через верховенство и торжество идеалов естественного права. Вместе с тем неправильно преувеличивать социальное значение права, обусловленное его функцией по разрешению социальных споров. Свобода как элемент конституционной культуры является императивом, позволяющим органам правосудия разрешать правовые проблемы по существу. В субъективном смысле свобода представляется юридически обеспеченной возможностью человека совершать любые действия, не запрещенные законом. Очень опасно не видеть всей полноты ответственности, которую возлагает на индивида такая правовая конструкция.

Высокий уровень достатка, хорошее образование, благоприятные социальные условия и взаимное уважение, которое способно порождать гармонию в социальном многообразии, являются правовыми условиями, образующими почву для либеральной политики. Либеральное правление соответственно требует затрат, сохраняет экономическое неравенство и лишь в теории заменяет в системе принуждения к труду диктатуру на мотивацию. Свобода в любом контексте зависит от реализации принципа равенства всех перед законом и судом, от единой системы ценностей и эффективности их правовой защиты. Если общение есть потребность и интерес, то барьеры на пути этого общения могут оказаться фатальными для авторитета либеральной власти.

Регулирование подавляющего большинства современных экономических отношений требует особого внимания к мотивам юридически значимого поведения. Регулирование конкуренции в условиях свободы рынка осуществляется исходя из мотивов предпринимателей [11], и нет никаких оснований полагать, что аналогичная методика не дает положительного результата применительно к свободе самовыражения.

Свобода медиакommunikации обеспечивает широкий круг интересов по производству объектов интеллектуальных прав, но отнюдь не является абсолютной и порождает угрозы злоупотребления. Вопросы диффамации и нарушения интеллектуальных прав являются актуальными проблемами либерализма во всемирном масштабе, и каждый из них заслуживает особого внимания. Свобода со всей очевидностью не дает права нарушать охраняемые законом интересы других людей и их объединений.

Проблематика информационной безопасности, особенно в части реализации государством идеологической политики, инициирует совсем не однозначные юридические дискуссии по вопросам легальности медиаконтента. Правовые пределы свободы медиа, установленные Федеральным законом Российской Федерации от 25 июля 2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»¹, бесспорно важны, однако положения закона могут толковаться против интересов гражданского общества, ограничивать свободу самовыражения. Эффективный конституционный контроль за органами правоприменения здесь есть первоочередная гарантия недопущения монополизации медиа власть предрешающей элитой.

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

Свобода медиакоммуникации представляет собой определенный правовой порядок, который существует в условиях гипотетической подконтрольности медиагаранту реализации свободы. Хаотичный, лавинообразный количественный рост числа информационных систем и объема информационных сообщений, равно как и появление технологических инноваций в сфере коммуникативных систем, сами по себе вряд ли способны породить нечто большее, чем правовая информатика и неопределенность. Именно правовая неопределенность порождает состояние медиа, близкое к анархии, а возникновение информационного права как самостоятельного научного направления на этом фоне ставит во главу угла электронную бюрократизацию, являющую собой информационный правовой порядок, — экономическую диктатуру принципиально нового рода [18, pp. 1, 41–43].

Свобода самовыражения требует высокого уровня чувственной организации индивида, иначе она не сможет быть реализована. Остро до сих пор стоит «вопрос о генезисе идеологических форм. Есть ли подлинно предмет социальной психологии изучение зависимости их от социального хозяйства? Мне думается, что ни в какой мере», — утверждает Л.С. Выготский и продолжает: «Это общая задача каждой частной науки, как ветви общей социологии. История религии и права, история искусства и науки решают всякий раз эту задачу для своей области» [4, с. 27]. Следуя этой логике, юристам необходимо в своих интересах исследовать социальную природу творчества, формы его становления.

Л.С. Выготский отмечает, что «целый ряд исследователей развивает теорию поэтического творчества, в которой сопоставляет художника с невротиком, хотя вслед за Штекелем называет смехотворным построение Ломброзо и проводимое им сближение между гением и сумасшедшим» [Там же, с. 97]. Очевидная ложность учения Чезаре Ломброзо не снимает с законодателя обязанности по защите психического здоровья людей от того, что можно случайно отнести к творчеству. Капитализм и творчество — крайне опасная среда для человеческой психики [6]. В системе, где нет иной идеологии, кроме либеральной, часть людей начинает самовыражаться противоестественно болезненно, причиняя окружающим страдания. Психически больные опасны, как и их творчество, а возможность получения ими дохода от реализации интеллектуальных прав и власти над умами людей вызывает беспокойство.

Представление правовой свободы в виде субъективной деонтологической концепции, так свойственное немецкой классической философии, сегодня недопустимо. Обеспеченный правом плюрализм — важнейшая гарантия свободы медиакоммуникаций. «Обыкновенный человек полагает, что он свободен, если ему дозволено действовать по своему произволу, между тем именно в произволе заключена причина его несвободы, — пишет Г.В. Ф. Гегель в труде „Философия права“. — Разумное — это дорога, по которой ходит каждый, на которой никто не выделяется. Когда великие художники завершают свое творение, можно сказать: да, таким оно должно быть; иными словами, обособленность художника совершенно исчезла и в произведении не проявляется какая-либо манера. У Фидия нет своей манеры, самый образ живет и выступает из камня. Но чем хуже художник, тем отчетливее мы видим его самого, его обособленность и произвол» [13, р. 81]. Вряд ли вообще стоит комментировать субъективизм подобного рода. Критериями оценки творчества в условиях либерализма являются его экономический эффект и законность. Нарушения закона не порождают прав, а убытки от творчества сами по себе являются мерой ответственности авторов, наказанием за неэффективность производящего творческого акта.

В процессе формирования правосознания режиссеров и операторов, сценаристов и кинокритиков, журналистов и рекламистов мы создаем определенное представление о должном поведении в социально-культурном пространстве медиа, где

свобода является естественно-правовым состоянием, но где так же неразрывно взаимосвязаны частная собственность и верховенство права как гарантии реализации свободы конкретным индивидом [2, с. 30].

Телевидение и Интернет, кино и зрелищная индустрия в целом, мобильная связь и развитие радиотехнологий существуют в либеральном правовом пространстве, где позитивное право — всего лишь одна из форм медиакommunikации, важная, но далеко не самая авторитетная, полезная, но не всегда экономически целесообразная, санкционированная государством, но совсем не обязательно воспринятая медиасообществом. Однако сохранение естественной правомерности медиасферы общая для всех ее участников — задача, обеспечивающая как доходность творчества, так и его безопасность.

Литература

1. Бачило И. Л., Лопатин В. Н., Федотов М. А. Информационное право. СПб.: Юридич. центр «Пресс», 2001. 789 с.
2. Белл Д., Инземцев В. Л. Эпоха разобщенности: Размышления о мире XXI века. М.: Центр исследований постиндустриального общества, 2007. 304 с.
3. Венгеров А. Б. Право и информатизация в условиях автоматизации управления (теоретические вопросы). М.: Юрид. лит., 1978. 208 с.
4. Выготский Л. С. Психология искусства. 3-е изд. М.: Искусство, 1986. 574 с.
5. Делёз Ж. Кино: Кино 1. Образ-движения; Кино 2. Образ-время / Пер. с фр. Б. Скуратова. М.: AdMarginem, 2004 = *Deleuze G. Cinéma I: L'image-mouvement* (1983). Trans. Cinema 1: The Movement-Image (1986). *Cinéma II: L'image-temps* (1985). Trans. Cinema 2: The Time-Image (1989).
6. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / Пер. с фр. и послесл. Д. Кралечкина; Науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с. = *Deleuze G. Guattari, Pierre-Felix. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* (French: L'anti-Oedipe), 1972.
7. Квинт В. Л. Идея ноосферы Вернадского и закономерности, предопределяющие формирование глобального ноосферного миропорядка XXI в. // Управленческое консультирование. 2013. № 5. С. 13–20.
8. Кириленко В. П., Алексеев Г. В. К вопросу о правовом статусе международных информационных агентств // Время и право / Северо-Западн. филиал ГОУ ВПО «Российская правовая академия Минюста юстиции РФ». 2013. № 2. С. 48–52.
9. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство СПб., 1998. 704 с.
10. Луман Н. Общество общества. Ч. II: Медиакommunikации / Пер. с нем. А. Глухова, О. Никифорова. М.: Логос, 2005. 280 с. = *Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft*, Frankfurt: Suhrkamp, 1997. (English translation: *Theory of Society*, Stanford: Stanford University Press).
11. Cass R. A., Hylton K. N. Antitrust intent. 74 Southern California Law Review 657 (2001): [Электронный ресурс]. URL: http://www.bu.edu/law/faculty/scholarship/workingpapers/abstracts/2000/pdf_files/CassHylton071800.pdf.
12. Christie G. C. Freedom of expression and its competitors // *Civil Justice Quarterly*. Issue 4. London: Sweet & Maxwell, 2012. P. 466–474.
13. Hegel G. W. F. Philosophie des Rechts. Berlin: Nicolaischen Buchhandlung, 1821 = *Гегель Г. В. Ф. Философия права* / Пер. с нем.; Ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц; Вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М.: Мысль, 1990. 524 с.
14. Lyotard J.-F. La cinema // *Des dispositifs pulsionnels*. Paris: Bourjois, 1980.
15. Lyotard J.-F. La Condition Postmoderne. Les Editions de Minuit, 1979 = *Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна* / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Ин-т эксперимент. Социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
16. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962. 330 p. = *Маклюэн М. Галактика Гутенберга*. М.: Академич. проект, 2005. 496 с.
17. McLuhan M. Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y.: McGraw Hill, 1964. 346 p. = *Маклюэн М. Понимание медиа*. М.: Кучково поле, 2007. 464 с.
18. Posner R. A. Free Speech in an Economic Perspective // *Suffolk University Law Review*, 20 (Spring), 1986.

19. *Virtual Reality: Theory, Practice, and Promise* / [Ed. by S.K. Helsel, J.P. Roth]. Westport: Meckler, 1991. 143 p.

References

- Bachilo I. L., Lopatin V. N., Fedotov M. A. *Information law* [Informatsionnoe pravo]. SPb.: Legal Press center [Yuridicheskii tsentr Press], 2001. 789 p.
- Bell D., Inozemtsev V. L. *Era of dissociation: Reflections about the world of the XXI century* [Epokha razobshchennosti: Razmyshleniya o mire XXI veka]. M.: Center of researches of post-industrial society [Tsentr issledovaniy postindustrial'nogo obshchestva], 2007. 304 p.
- Vengerov A. B. *Law and information in conditions management automation (theoretical questions)* [Pravo i informatsiya v usloviyakh avtomatizatsiya upravleniya (teoreticheskie voprosy)]. M.: Juridical literature [Yurid. lit.], 1978. 208 p.
- Vygotsky L. S. *Psychology of art: Edition third* [Psikhologiya iskusstva: Izdanie tret'e]. M.: Art [Iskusstvo], 1986. 574 p.
- Deleuze G. *Cinema: Cinema 1. Image movement; Cinema 2. The image time* [Kino: Kino 1. Obraz-dvizheniya; Kino 2. Obraz-vremya] / Transl. from French B. Skuratov. M.: AdMarginem, 200 *Deleuze G. Cinéma I: L'image-mouvement* (1983). Trans. Cinema 1: The Movement-Image (1986). *Cinéma II: L'image-temps* (1985). Trans. Cinema 2: The Time-Image (1989).
- Deleuze G., Guattari F. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* [Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya] / Transl. from French and afterword D. Kralechkin; scientific edition V. Kuznetsov. Yekaterinburg: U-Factory, 2007. 672 p. = *Deleuze G. Guattari, Pierre-Felix. Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia* (French: L'anti-Oedipe), 1972.
- Kvint V. L. *The Idea of a Noosphere of Vernadsky and the regularities predetermining formation of a global noosphere world order of the XXI century* [Ideya noosfery Vernadskogo i zakonomernosti, predopredelyayushchie formirovanie global'nogo noosfernogo miroportyadka XXI v.] // Administrative consultation [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2013. N 5. P. 13–20.
- Kirilenko V. P., Alekseev G. V. *On a question of legal status of the international news agencies* [K voprosu o pravovom statute mezhdunarodnykh informatsionnykh agentstv] // Time and law / Northwest (Saint-Petersburg) Branch of Russian Law Academy of Ministry of Justice of Russian Federation [Vremya i pravo / Severo-Zapadnii filial GOU VPO Rossiiskaya pravovaya akademiya Ministerstva yustitsii RF]. 2013. N 2. P. 48–52.
- Lotman Yu. M. *On art* [Ob iskusstve]. SPb.: Art of SPb [Iskusstvo SPb], 1998. 704 p.
- Luman N. *Theory of society. Part II. Media Communication* / Transl. from German [Obshchestvo obshchestva. Chast' II. Media komunikatsii / Per. s nem.] / A. Glukhov, O. Nikiforov. M.: Logos, 2005. 280 p. = *Luhmann N. Die Gesellschaft der Gesellschaft*, Frankfurt: Suhrkamp. 1997. (English translation: *Theory of Society*, Stanford: Stanford University Press).
- Cass R. A., Hylton K. N. *Antitrust intent*. 74 Southern California Law Review 657 (2001): [Electronic resource]. URL: http://www.bu.edu/law/faculty/scholarship/workingpapers/abstracts/2000/pdf_files/CassHylton071800.pdf.
- Christie G. C. *Freedom of expression and its competitors* // Civil Justice Quarterly. Issue 4. London: Sweet & Maxwell, 2012. P. 466–474.
- Hegel G.W.F. *Philosophie des Rechts*. Berlin: Nicolaischen Buchhandlung, 1821. Hegel G.W.F. *Philosophy of Law* [Filosofiya prava]. Translation from German. : Editor and complier D. A. Kerimov and V. S. Nersesyants; introduction and remarks V. S. Nersesyants. M.: Thought [Mysl'], 1990. 524 p.
- Lyotard J.-F. *La cinema* // Des dispositifs pulsionnels. Paris: Bourjois, 1980.
- Lyotard J.-F. *La Condition Postmoderne*. Les Editions de Minuit, 1979. Lyotard J.-F. *The Postmodern Condition* [Sostoyanie postmoderna]. Translation from French N. A. Shmatko M.: Institute of experimental sociology [Institut eksperiment. Sotsiologii], SPb. :Aletya [Aleteiya], 1998. 160 p.
- McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962. 330 p. = McLuhan M. *Gutenberg Galaxy* [Galaktika Gutenberga]. M.: Academic project [Akademicheskii proekt], 2005. 496 p.
- McLuhan M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. N. Y.: McGraw Hill, 1964. 346 p. = McLuhan M. *Understanding of media* [Ponimanie media]. M.: Kuchkovo field [Kuchkovo pole], 2007. 464 p.
- Posner R. A. *Free Speech in an Economic Perspective* // Sufflok University Law Review, 20 (Spring), 1986.
- Virtual Reality: Theory, Practice, and Promise* / [Ed. by S. K. Helsel, J. P. Roth]. Westport: Meckler, 1991. 143 p.

Развитие налогооблагаемой базы Санкт-Петербурга как источник доходов бюджета города

Десятниченко Дмитрий Юрьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры экономической теории и прикладной экономики
 Кандидат экономических наук, доцент
 rabotaemail@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируется сущность транспортного налога как источника доходов бюджета. Объектом исследования являются доходы бюджета Санкт-Петербурга 2010–2012 гг. Автор исследует структуру налоговой базы, показатели начисленных и уплаченных налоговых платежей, их динамику и структурные сдвиги. Предложены и рассчитаны аналитические показатели, такие как средняя величина налоговых поступлений от одного наземного транспортного средства, коэффициент обеспеченности транспортными средствами реальных плательщиков транспортного налога и др. По всем исследуемым показателям рассчитаны среднегодовые абсолютные и относительные изменения за исследуемый период. Анализ показал, что основными плательщиками транспортного налога в Санкт-Петербурге являются физические лица. Динамика роста их численности опережает динамику роста численности юридических лиц — плательщиков транспортного налога. На физических лиц возложено основное бремя фискальной нагрузки, что вкпе с высокой дифференциацией ставок транспортного налога в зависимости от мощности двигателя автомобиля стимулирует их к уклонению от уплаты налоговых платежей, что подтверждается анализом динамики фактических денежных поступлений от них. В статье автор высказывает рекомендации по реформированию взимания транспортного налога, предлагает отказаться от действующего механизма начисления и взимания транспортного налога в пользу включения сумм транспортного налога в цену моторного топлива.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

транспортные средства, бюджет, доходы бюджета, транспортный налог, Санкт-Петербург

Desyatnichenko D. Yu.

Development of Taxable Base of Saint-Petersburg as Source of the Income of City Budget

Desyatnichenko Dmitriy Yurevich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of the Economic Theory and Applied Economy
 PhD in Economy, Associate Professor
 rabotaemail@mail.ru

ABSTRACT

In article analyzed the essence of a vehicle tax as source of the income of the budget. Object of research are the income of the budget of St. Petersburg of 2010–2012. The author investigates structure of tax base, indicators of the added and paid tax payments, their dynamics and structural shifts.

In the course of the analysis the author offered and calculated synthetic analytical indicators, such as the average size of tax revenues from one land vehicle, coefficient of security by vehicles of real payers of a vehicle tax, etc. On all studied indicators average annual absolute and relative changes for the studied period are calculated.

The analysis showed that the main the payer of a vehicle tax in St. Petersburg are natural persons. Dynamics of growth of their number advances dynamics of growth of number of legal entities — payers of a vehicle tax.

The main burden of fiscal loading is assigned to natural persons that together with high differentiation of rates of a vehicle tax depending on car engine capacity, involuntarily stimulates them to evasion from payment of tax payments that is confirmed by the analysis of dynamics of the actual monetary receipts from them.

In end the author states some recommendations about reforming of theoretical approaches and practical mechanisms of collection of a vehicle tax, suggests to refuse the operating mechanism of charge and collection of a vehicle tax, in favor of inclusion which have well proved in much countries of the sums of a vehicle tax in the price of each liter of motor fuel.

KEYWORDS

Vehicles, budget, incomes of the budget, motor vehicle tax, St. Petersburg

Транспортный налог является относительно новым источником доходов региональных бюджетов, право взимания которого появилось у них в связи с необходимостью частичной компенсации выдающих доходов, обусловленной отменой с 1 января 2003 г. налога на пользователей автомобильных дорог. Налоговым кодексом РФ было закреплено право законодательных органов власти субъекта РФ установления и регулирования в пределах федеральных нормативных параметров налоговых ставок, порядка и сроков уплаты, форм отчетности, льгот по уплате транспортного налога.

По общему правилу плательщиками транспортного налога являются лица, в собственности которых находятся транспортные средства. Учет плательщиков транспортного налога ведется территориальными налоговыми органами исходя из места нахождения транспортного средства, определяемого с помощью законодательно утвержденной методики.

Налоговая база для исчисления транспортного налога классифицируется, прежде всего, по категориям плательщиков: юридическим и физическим лицам. В рамках каждой категории осуществляется детальная группировка элементов налоговой базы по характеру транспортного средства и мощности двигателя. Общая характеристика транспортных средств г. Санкт-Петербурга как источника доходов бюджета в 2010–2012 гг. представлена в таблице. Приведенные в данной таблице статистические показатели позволяют проанализировать динамику, структуру и структурные изменения в налоговой базе транспортного налога и структуре доходов бюджета.

Представленные данные позволяют сделать вывод, что основной категорией плательщиков транспортного налога в Санкт-Петербурге являются физические лица. При этом количество транспортных средств физических лиц, учтенных в базе налогового органа, имеет тенденцию к увеличению. В качестве обобщающего аналитического показателя, характеризующего налоговую нагрузку на одно транспортное средство, автором предлагается использовать показатель средней величины фактических поступлений от одного транспортного средства.

В качестве обобщающего аналитического показателя, характеризующего налоговую нагрузку на одно транспортное средство, нами предлагается использовать *показатель средней величины фактических поступлений от одного транспортного средства*. Расчет показателя предполагает соотнесение объема сумм налога, подлежащего к уплате в бюджет, за вычетом сумм, не поступивших в бюджет в связи с предоставлением налогоплательщикам налоговых льгот, с численностью транспортных средств, по которым предъявлен налог к уплате в бюджет.

Средняя величина фактических поступлений от одного транспортного средства увеличилась с 3888 руб. в 2010 г. до 4393 руб. в 2012 г. Общий прирост составил 13% при среднегодовом темпе 6,3%. Средняя величина исчисленных поступлений от одного наземного транспортного средства увеличилась в среднем с 3581 руб.

Категория плательщика	Показатель
Юридические лица	1. Количество налогоплательщиков, которыми исчислен налог к уплате в
	2. Количество транспортных средств, учтенных в базе данных налогового
	3. Количество транспортных средств, по которым начислен налог к уплате в том числе наземных транспортных средств
	4. Коэффициент обеспеченности транспортными средствами реальных плательщиков налога
	5. Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, — всего, тыс. руб.
	в том числе по наземным транспортным средствам, тыс. руб.
	6. Сумма налога, не поступившая в бюджет в связи с предоставлением налоговых льгот, тыс. руб.
	7. Средняя величина поступлений от каждого наземного транспортного средства, тыс. руб.
Физические лица	1. Количество налогоплательщиков, учтенных в базе данных налоговых
	2. Количество налогоплательщиков, которым не производилось предъявление с предоставлением налоговых льгот и освобождением от уплаты налога,
	3. Количество транспортных средств, учтенных в базе данных налогового в том числе наземных транспортных средств
	4. Количество транспортных средств, по которым предъявлен налог к уплате в том числе наземных транспортных средств
	5. Коэффициент обеспеченности транспортными средствами реальных плательщиков налога
	6. Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, — всего, тыс. руб.
	в том числе по наземным транспортным средствам, тыс. руб.
	7. Сумма налога, не поступившая в бюджет в связи с предоставлением налоговых льгот, тыс. руб.
	8. Средняя величина исчисленных поступлений от одного наземного транспортного средства, тыс. руб.
Итого обе категории	1. Количество налогоплательщиков, которыми исчислен и предъявлен налог на единицу
	2. Количество транспортных средств, учтенных в базе данных налогового
	3. Количество транспортных средств, по которым начислен или предъявлен налог, всего, единиц
	в том числе наземных транспортных средств
	4. Коэффициент обеспеченности транспортными средствами реальных плательщиков налога
	5. Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет, — всего, тыс. руб.
6. Сумма налога, подлежащая уплате в бюджет с учетом налоговых льгот, тыс. руб.	

¹ Составлено и рассчитано: на основе данных «Отчетов о налоговой базе и структуре начислений»

ник доходов бюджета в 2010–2012 гг.¹

	Год			Среднегодовой прирост	
	2010	2011	2012	Абсолютный	Относительный
бюджет, единиц	10 454	11 414	11 987	766,5	7,08
органа, — всего, единиц	154 647	162 843	173 854	9603,5	6,03
те в бюджет, — всего, единиц	153 607	161 072	172 779	9586	6,06
	151 467	158 980	170 522	9527,5	6,10
тельщиков транспортного	14,69361	14,11179	14,41387	-0,13987	-0,96
	1 073 999	1 114 658	1 286 551	106 276	9,45
	970 252	992 380	1 164 181	96 964,5	9,54
логоплательщикам налого-	0	473	578	289	
средства, тыс. руб	6,405699	6,242169	6,82716	0,210731	3,24
руб.	6,991862	6,920247	7,446223	0,22718	3,20
органов, единиц	1 139 944	1 225 165	1 260 558	60 307	5,16
ние налога к уплате в связи единиц	208 308	232 753	228 356	10 024	4,70
органа, — всего, единиц	1 605 713	1 723 162	1 781 928	88 107,5	5,34
	1 586 563	1 703 105	1 749 198	81 317,5	5,00
те в бюджет, — всего, единиц	1 388 337	1 512 942	1 556 446	84 054,5	5,88
	1 369 481	1 493 196	1 535 386	82 952,5	5,88
тельщиков транспортного на-	1,490214	1,52451	1,507889	0,008837	0,59
	5 748 153	6 465 612	7 278 549	765 198	12,53
	5 681 394	6 392 609	7 192 799	755 702,5	12,52
логоплательщикам налоговых	350 545	428 200	441 530	45 492,5	12,23
портного средства, тыс. руб.	3,580944	3,753503	4,112055	0,265555	7,16
средства, тыс. руб.	3,887823	3,990511	4,392712	0,252445	6,30
лог к уплате в бюджет,	942 090	1 003 826	1 044 189	51049,5	5,28
органа, — всего, единиц	1 760 360	1 886 005	1 955 782	97711	5,40
налог к уплате в бюджет, —	1 541 944	1 674 014	1 729 225	93640,5	5,90
	1 520 948	1 652 176	1 705 908	92480	5,91
тельщиков транспортного	1,636727	1,667634	1,656046	0,00966	0,59
	6 822 152	7 580 270	8 565 100	871 474	12,05
тыс. руб.	6 471 607	7 151 597	8 122 992	825 692,5	12,03

лений по транспортному налогу» УФНС РФ по Санкт-Петербургу за 2010, 2011, 2012 гг.

в 2010 г. до 4112 руб. в 2012 г., что составило 14,8% общего прироста при среднегодовом увеличении на 266 руб., или 7,16%.

Примечательным представляется соотношение средних уровней поступления от одного наземного транспортного средства, находящегося в собственности юридического и физического лица, и показателей их динамики. Так, в 2012 г. исчисленные поступления от одного наземного транспортного средства, находящегося в собственности физического лица, в среднем составляли 4112 руб., или 60% от аналогичного показателя, рассчитанного для юридического лица (его значение 6827 руб.), однако динамика среднегодового прироста данного показателя оказалась выражена опережающей по сравнению с динамикой данного показателя, рассчитанного для юридических лиц.

Физические лица в среднем ежегодно должны увеличивать сумму платежей с каждого наземного транспортного средства на 266 руб., в то время как юридические — лишь на 211 руб. Динамика среднего ежегодного прироста объема налоговых платежей, рассчитанных для транспортных средств физических лиц, составляет 126% аналогичного показателя, рассчитанного для транспортных средств юридических лиц. Кроме того, доля среднегодового абсолютного прироста объема платежа в общем объеме налогового платежа с одного наземного транспортного средства в 2012 г. для плательщиков юридических и физических лиц составила 3 и 6,5% соответственно.

Об уменьшении среднего количества транспортных средств, являющихся объектами налогообложения у каждого юридического лица — реального плательщика налога, свидетельствует незначительная отрицательная динамика коэффициента обеспеченности транспортными средствами. Если в 2010 г. каждое юридическое лицо уплачивало налог в среднем с 14,7 транспортных средств, то в 2012-м — с 14,41. Отчасти это связано с тем, что в 2011 и 2012 гг. данная категория налогоплательщиков начала пользоваться льготами.

Все перечисленное выше свидетельствует о сформировавшейся тенденции перекладывания бремени уплаты транспортного налога с юридических на физических лиц.

Третий раздел таблицы характеризует общую динамику налоговой базы и структуры доходов бюджета Санкт-Петербурга. Так, общее количество плательщиков транспортного налога, по которым исчислен и предъявлен налог к уплате в бюджет, увеличилось за исследуемый период с 942 090 до 1 044 189 при среднегодовом приросте в 51 049,5, или 5,28%. Количество транспортных средств, по которым начислен и предъявлен налог к уплате в бюджет, выросло с 1 541 944 до 1 729 225 при среднегодовом приросте в 93 640,5, или на 5,9%. Коэффициент обеспеченности транспортными средствами реальных плательщиков транспортного налога оставался стабильным на уровне 1,63–1,66 при незначительной тенденции к росту на уровне 0,59% в год. Наибольшие темпы роста демонстрирует показатель суммы налога, подлежащей уплате в бюджет. Он увеличился с 6 822 152 тыс. руб. в 2010 г. до 8 565 100 тыс. руб. в 2012 г. за счет среднегодового прироста в объеме 871 747 тыс. руб., или 12,05%. Будучи уменьшенным на сумму предоставленных налоговых льгот, данный показатель также демонстрирует высокую положительную динамику со среднегодовым приростом 12,03%.

Значимым критерием определения величины налога в бюджет является мощность двигателя транспортного средства. Структура парка легковых автомобилей Санкт-Петербурга по мощности двигателя представлена на рис. 1.

Грузовые транспортные средства, по которым был исчислен и предъявлен налог к уплате в бюджет, согласно данным анализируемой налоговой отчетности УФНС РФ по Санкт-Петербургу за 2012 г., также преимущественно находятся в собственности физических лиц: из общего их количества (160 874 шт.) 97 596 шт. принадлежат физическим лицам.

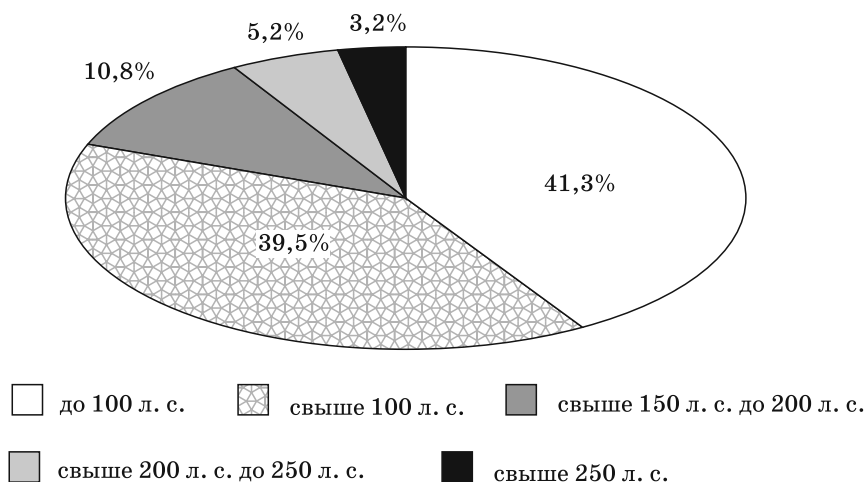

Рис. 1. Структура парка легковых автомобилей по мощности двигателя в 2012 г.

Структура парка грузовых транспортных средств по мощности двигателя представлена на рис. 2.

Наибольший удельный вес (37%) имеет группа грузовых транспортных средств с мощностью двигателя свыше 100 л. с. до 150 л. с. Далее следует группа грузовых транспортных средств с мощностью двигателя до 100 л. с. Третье место занимает группа грузовых транспортных средств высокой мощности — более 250 л. с., удельный вес которых лишь немного уступает удельному весу маломощных транспортных средств, составляя 24%. Таким образом парк грузовых транспортных средств преимущественно (на 61%) представлен транспортными средствами средней и очень высокой мощности. Именно подобные транспортные средства в процессе эксплуатации наносят наиболее значительный ущерб экологической среде, дорожному покрытию, общему состоянию дорожной инфраструктуры.

Анализируя действующие ставки транспортного налога, следует отметить, что ставки налогов для легковых автомобилей носят прогрессивный характер, варьируясь от 24 руб. за 1 л. с. для маломощных автомобилей (до 100 л. с.) до 150 руб. за 1 л. с. для автомобилей с высокой мощностью двигателя (свыше 250 л. с.), при общей вариации ставки налога в 6,25 раза. Ставки транспортного налога для грузовых автомобилей варьируются для тех же мощностных групп в диапазоне от 25 руб. за 1 л. с. до 65 руб. за 1 л. с., т. е. базовая ставка для них увеличивается лишь в 2,6 раза. А это означает, что, например, владелец легкового автомобиля мощностью 250 л. с. должен будет заплатить налог в размере, превышающем платеж владельца аналогичного по мощности грузового автомобиля более чем в 2,3 раза: 37 500 руб. против 16 250 руб. Подобный подход представляется, как минимум, спорным, провоцирующим владельцев мощных легковых автомобилей изыскивать различные способы уклонения от регулярной уплаты столь значительных сумм.

Учитывая опыт реформирования ставок налога на доходы физических лиц, рекомендуется, как минимум, отказаться от высокой дифференциации ставок транспортного налога для легковых транспортных средств в зависимости от мощности двигателя, как максимум — отказаться от привязки объема налоговых платежей к мощности двигателя.

Необходимость реформирования механизма взимания транспортного налога подтверждается заметными расхождениями в показателях плановых сборов пла-

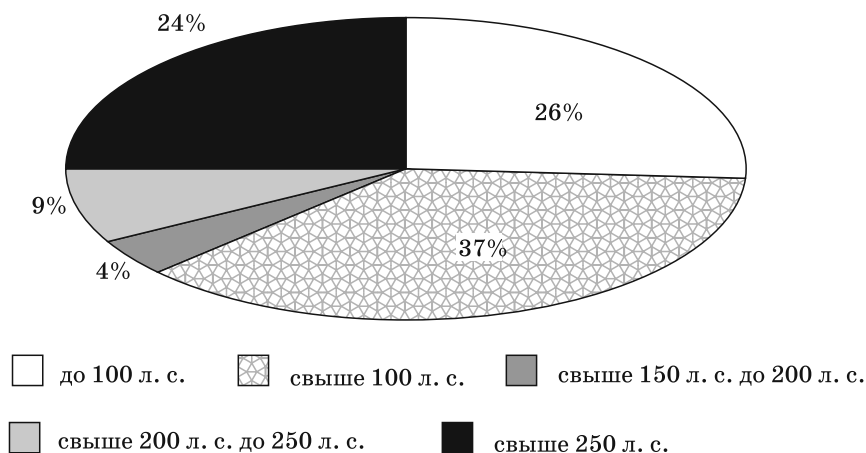

Рис. 2. Структура парка грузовых транспортных средств по мощности двигателя в 2012 г.

тежей и отчетных данных Комитета финансов Санкт-Петербурга. Так, в 2012 г. согласно данным таблицы налоговая служба планировала направить в бюджет за счет поступлений от транспортного налога 8 122 992 тыс. руб., однако после 1-й корректировки¹ сумма была уменьшена до 6 958 039,1 тыс. руб. Аналогичное несовпадение наблюдается в каждом анализируемом налоговом периоде. Доля поступлений от транспортного налога в доходах бюджета Санкт-Петербурга в период 2010–2012 гг. оставалась невысокой и варьировалась в интервале 1,7–1,9%. Все это свидетельствует о несовершенстве существующего механизма взимания налога и необходимости его реформирования.

Как заявил в интервью заместитель министра финансов РФ С. Д. Шаталов 20 сентября 2012 г.² с 2015 г. может быть введена новая схема взимания транспортного налога, основанная на учете не лошадиных сил, а рабочего объема двигателя и его экологического класса, при этом новые автомобили высокого экологического класса получают значительные понижающие коэффициенты.

Перспективным, на наш взгляд, представляется использование опыта США и ряда других стран, включающих сумму налога в цену топлива. Подобный подход, по мнению автора, является более эффективным механизмом компенсации реального (а не условного, учетного) вреда, причиняемого экологии и транспортной инфраструктуре региона, в котором фактически (а не номинально) эксплуатируется транспортное средство, исключая возможность уклонения от платежей в бюджет; позволит существенно экономить средства, направляемые сегодня на повышение эффективности администрирования, истребование сумм неоплачиваемого транспортного налога при действующем механизме его взимания.

¹ *Официальный сайт Комитета финансов Санкт-Петербурга: [Электронный ресурс]. URL: [http://www.fincom.spb.ru/comfin/budjet/doh/structure.htm?id=10269570@SXFolderAttrSearch&fid=null&link=10269570@SXFolderAttrSearch\\$10269569@SXTuneAttrSearch\\$1537247\\$217454836&lk=10259521](http://www.fincom.spb.ru/comfin/budjet/doh/structure.htm?id=10269570@SXFolderAttrSearch&fid=null&link=10269570@SXFolderAttrSearch$10269569@SXTuneAttrSearch$1537247$217454836&lk=10259521) (дата обращения: 22.09.2013).*

² *Интервью заместителя министра финансов РФ С. Д. Шаталова: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minfin.ru/ru/press/speech/index.php?id4=20050> (дата обращения: 22.09.2013).*

Прикладной аспект семиотики медиатекстов

Сосновская Анна Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Кафедра управления общественными отношениями
Кандидат филологических наук, доцент
anna12012007@ya.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются методы семиотического и дискурсивного анализа медиатекстов, поднимаются вопросы конструирования коммуникативного пространства, работы дискурса и идеологии.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

семиотика, PR, дискурс, конструирование, идеология

Sosnovskaya A. M.

Practical Aspect of Semiotics of Media Texts

Sosnovskaya Anna Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Chair of Public Relations Management
PhD in Philology, Associate Professor
anna12012007@ya.ru

ABSTRACT

This article discusses methods of semiotic and discursive analysis of media texts and it raises questions of construction of communicative space, work of discourse and ideology.

KEYWORDS

semiotics, PR, discourse, constuction, ideology

PR-дискурс и реклама как семиотические системы

Хороший специалист по рекламе и связям с общественностью не в последнюю очередь думает, как привлечь и удержать внимание потенциальной аудитории (ведь только 6 сек внимания гарантируют дальнейший контакт), как перекричать информационный шум, от которого наш современник научился отключаться, как и на каком основании выделиться из фона и стать объектом интереса, объектом удовлетворения потребностей.

Создавая медиатексты, криэйтор (в дословном переводе — создатель, художник — это общее название мы употребляем для всех создателей медиатекстов — рекламщиков, пиарщиков, журналистов) конструирует реальность, т. е. предлагает новые варианты смыслов, рассказов, интерпретаций, используя которые человек действует в социуме. Слова и тексты имеют быстрый доступ к психологии и глубинным структурам восприятия человека. В данной статье мы хотим показать теории в рамках семиотики, которые носят прикладной характер и имеют большой эвристический потенциал для работы идеологии.

Семиотика — наука о коммуникативных системах и знаках, используемых в процессе общения; семиотика видит реальность как систему текстов. PR и реклама — тексты. В таком случае, если вся реальность — это текст, необходимо уметь осмысленно писать и читать его.

Статья состоит из 3 больших частей. В первой части речь пойдет о восприятии текста, во второй — структуре повествования, в третьей — о гештальт-структуре.

Для удобства наш текст разбит также и на маленькие части с оглавлениями.

Процесс восприятия и интерпретации текста

Восприятие текста — активный деятельностный процесс. Человек целостно схватывает фигуру, выделяя ее из окружающего фона и одновременно учитывая его в качестве контекста. Далее реципиент соотносит элементы воспринятого с хранящимися в памяти объектами. Происходит узнавание и категоризация воспринятого, что дает энергию для действия. Человек принимает решение по поводу воспринятого. Далее он действует каким-то образом. Затем оценивает свое взаимодействие и заканчивает процесс контактирования с данной фигурой интереса, чтобы через некоторое время увлечься чем-то новым, ведь что-то после небольшого отдыха снова привлечет его внимание. Так мы описали механизм восприятия и контактирования с фигурой интереса. Фигура интереса — это образ.

Стюарт Холл выделил в образе три коммуникативные составляющие, которые воздействуют на реципиента и о которых стоит задуматься криэйтору, чтобы создать привлекательный продукт.

1. Репрезентативный уровень образа (как показать объект, что главное выделить в нем, какая часть фигуры несет основное послание, как идеальный реципиент хотел бы этот образ воспринимать...).
2. Коммуникативный, диалогический уровень образа (понять, какой диалог со зрителем ведет данный текст, какое послание несет).
3. Контекстуальный уровень (что этот текст значит в более широком контексте, в контексте газетной полосы, культуры...) [6].

Дискурсивное восхождение

Исследователь А. Дерябин предложил концепцию «дискурсивной возгонки», с помощью которой мы неоднократно анализировали медиатексты. Мы сделали таблицу, в которую гармонично вписалась система С. Холла (табл. 1, колонка «Контекст и социальные действия»). Изначально — пока оно не осмысленно и не встроено в субъективную картину мира индивида — любое событие бессмысленно и по своему дискурсивному статусу анекдотично. «Сырое», не сопровождаемое комментариями событие воспринимается как курьез — как нечто «любопытное, занимательное, неожиданное, уникальное». Его действующие лица — индивидуальные акторы; оно репрезентирует хаос окружающего, которое еще не упорядочено смыслополагающей деятельностью индивида, а также оно внеконтекстуально и его релевантность с трудом поддается оценке зрителем. Таким «непонятым», «анекдотичным» материалом выступают фрагменты визуального медиатекста, детали и ракурсы изображаемого, репрезентации и референта из реальности [3].

Криэйтор с помощью своих инструментов (PR, рекламы, журналистики) связывает разрозненный материал, формируя восприятие и поле для размышлений. Вершиной этой лестницы восхождения дискурса являются идеологи проекта, которые символизируют установленный порядок.

В результате трехэтапного развития темы сублимируется исходный хаос индивидуального бытия, и частный эпизод предстает перед зрителем как социально и культурно значимое событие. Медиатекст при этом реализует три свои главнейшие функции — развлекательную, интегративную и дидактическую.

В каждой колонке таблицы изображено движение снизу вверх — от частного к общему, обобщенному и объединяющему. Следует отметить, что восхождение дискурса идет не всегда синхронно по выделенным параметрам, однако данная ме-

Схема анализа текстов PR

Текст	Производство— рассказчик	Восприятие— зритель	Контекст и социальные действия	Функция медиатекста
Поучение	Ведущий	Императив, культура	Культура, идеология	Дидактическая
Повествование	Репортер	Социализация	Диалог, конвенция	Интегративная
Анекдот	Свидетель	Отдых	Репрезентация	Развлекательная

тодика исключительно релевантна для задач анализа и интерпретации. Рассмотрим теперь таблицу по горизонтальным рядам.

Первая стадия: анекдот — свидетель — отдых — репрезентация — развлечение. Процесс самовыражения и творчества — это отдых и развлечение, удовольствие, чувственное и невербальное. Репрезентация отвечает на вопрос «как» изображено, какая деталь в фокусе внимания художника, а затем и зрителя.

Вторая стадия: повествование — репортер — социализация — диалог и конвенция — интеграция. Чувственную, эмоциональную репрезентацию позиционируют в социальном контексте, предлагают принятые трактовки и способы говорения о подобных вещах.

Третья стадия: поучение — ведущий — императив, культура — идеология — дидактика. На третьей стадии уяснены все позиции и правила чтения текста — зритель уже выходит за рамки композиции и осмысляет увиденное, принимает решение.

Схема дискурсивного развития визуального медиатекста многократно опробована и дает нам глубокое понимание восприятия вербального и невербального медиатекстов, закономерностей социального научения.

Социальное научение

Представители бихевиористского направления психологии выделяют несколько фаз восприятия и обработки информации для социального научения, а именно: внимание, селективное восприятие, когнитивное проигрывание, необходимые навыки, усвоение, оценка, кодирование, воспроизводство. Для того чтобы социальное научение состоялось, необходима мотивация, интерес реципиента.

Иерархия потребностей А. Маслоу — одна из наиболее известных теорий содержания мотивации (принято все модели мотивации делить на группы: содержания, процессов, подкрепления и эффектов). Данная модель основана на результатах психологических исследований. Потребности рассматриваются как осознаваемое отсутствие чего-либо, вызывающее побуждение к действию. Согласно теории А. Маслоу, потребности первого уровня — физиологические (потребность в пище, отдыхе, тепле и т. д.) — являются врожденными и присущи всем людям. А высшие потребности могут появиться только в том случае, если достигнут определенный уровень удовлетворения потребностей предыдущего уровня.

Г. Мюррей с коллегами разработал список потребностей «второго уровня» (нефизиологических) — всего более 20 потребностей. Эти потребности в разной степени присущи всем людям. Потребности второго уровня удовлетворяются в процессе взаимодействия со средой, другими людьми, но могут быть удовлетворены символически, опосредованно через СМИ, когда реципиент идентифициру-

ется с выразителем своей потребности и «проходит» цикл удовлетворения потребности и интереса посредством другого.

Семиотический анализ сообщения

Эффекты рекламы

Откровенные визуальные образы на социальные темы (Benetton) внушают смутное беспокойство, вызывают тревогу. Они не позволяют «спокойно» воспринять информацию. Данная реклама смущает, потому что не вписывается в картину мира с позитивными ценностями. С такой рекламой сложно идентифицироваться. Однако использование социальных тем как товара и как рекламы уменьшает остроту проблемы, ставит социальные проблемы в один ряд с историями о стиральном порошке, что снижает уровень социального и политического протеста.

Сцепление — особая структура памяти, указывающая на то, что лучше запоминаются тексты, созвучные с теми, что вызывают приятные ассоциации или же отсылают к значимым текстам с помощью игры слов.

Серия социальной рекламы GlaxoSmithKline¹ “Do not let one risk hide another” — «Не дайте одному риску скрыть другой» — учитывает эту фиксацию и вовлеченность в узнавание значимых текстов. В этой серии используются сюжеты сказок. Когда зритель приготовился сопереживать знакомым героям в опасности, рекламист обращает наше внимание на невыключенные электроприборы (утюг и др.). Но это еще не все — внизу мелким шрифтом сделана приписка о бактериях, которые незаметно разрушают организм изнутри и что необходима профилактика (однако, как мы видим здесь, слишком много сцепления запутывает).

Европейский нарратив

Восприятие изображенного объекта обязательно носит активный, сознательный характер. Активность и полнота восприятия зависят и от субъективных качеств реципиента, от его установки (настроенность на определенное восприятие). Выделяют три ипостаси установки: когнитивный, аффективный, поведенческий компоненты.

Процесс восприятия условно делится на три фазы:

- 1) *предкоммуникативная*, которая реализуется в различных индивидуальных психологических установках субъекта, иначе говоря, в определенной настроенности человека на тот или иной тип восприятия;
- 2) *коммуникативная фаза* — непосредственно сам процесс восприятия субъектом текста;
- 3) *посткоммуникативная фаза* — оценка, «переживание» воспринятого текста в его положительном или отрицательном векторе в целом и в деталях, в частности.

Эти фазы восприятия можно соотнести с элементами композиции повествования: завязка — кульминация — развязка.

По этой схеме привычно строится история. Эту схему называют «европейский нарратив». Идентифицировать работу нарратива по производству смысла и текста помогает метод когерентности (это упоминаемое нами сцепление, связность). Метод когерентности используют для описания качеств, которые отличают текст от случайной, несвязной мешанины (хаоса — в рамках дискурсивного восхождения). Именно нарратив — основная и базовая форма когерентности, поскольку она объединяет элементы в последовательность причины и следствия. Синтактика изуча-

¹ Фармацевтическая компания «ГлаксоСмитКляйн» (GlaxoSmithKline Plc.): [Электронный ресурс]. URL: <http://www.glaxosmithkline.ru/home.aspx>.

ет связь элементов текста. Когерентность — это качество текста, однако ее можно трактовать и как ментальное событие в сознании аудитории, и как результат диалога и коммуникации. Разные тексты обладают разным уровнем когерентности. Телевизионные тексты воспринимаются как поток. Однако чем более структурированы тексты, чем теснее связаны элементы внутри текста, тем привлекательнее они для восприятия. Исследователь Кейси и его коллеги считают, что «именно нарративы заманивают, вовлекают и стимулируют нас продолжать читать, смотреть или слушать; разворачивание, развитие нарративов — это один из источников наслаждения в медиа» [4, с. 129]. Исследователи теории кино пришли к выводу, что нарративы постоянно повторяются, и в кино необходимо идентифицировать глубинные структуры. Значение кодируется на более глубоком уровне истории, который не зависит от текста.

Структура повествования

Проанализировав более 100 волшебных сказок, петербургский филолог начала века В. Я. Пропп выделил повторяющиеся роли (7) и функции сказок (31).

Пропповские функции распределяются между семью действующими лицами волшебной сказки. Пропп выделяет:

- Героя,
- Антагониста (вредителя),
- Дарителя волшебных средств герою сказки,
- Волшебного помощника,
- Царевну или ее отца,
- Отправителя,
- Ложного героя.

Все эти действующие лица имеют свой круг действий, т. е. одну или несколько функций: несложно увидеть в современной рекламе использование структуры волшебной сказки.

Повествование представляет собой развитие сюжета по циклу от начального усложнения ситуации (завязка) через кульминацию и окончательное ее разрешение (развязка). Проиллюстрируем сюжет в табл. 2.

Усложнение, нарушение привычного хода событий делает историю заслуживающей внимания. Нарратив пытается урегулировать кризис и восстановить равновесие в системе. «Каждый эпизод в рамках истории воспроизводит эту модель, но только ее уменьшенный, сокращенный вариант. О существовании этой логики текст подает сигналы, но способность ее распознать зависит от того, как читатели или зрители структурируют в своем уме текст. Эта логика служит масштабным параметром когерентности текста, располагая каждый элемент на арке, начиная с появления кризиса и до его финального разрешения» [4, с. 132].

Слушание истории — это отчасти попытка услышать мнение рассказчика о том, почему произошло определенное событие. И это мнение вплетено в историю через способ объединения отдельных элементов в некую цепочку. Отчасти журналистская политика заключается в том, чтобы противостоять нарративам источников, от которых была получена новость. Журналисты изменяют способ организации элементов, чтобы сделать новость достойной внимания. Таким образом, они позиционируют оригинальный нарратив как только один из возможных. На телевидении доминирует не нарратив (как законченный гештальт), а поток несогласованных текстов. Наиболее важные места сосредоточения значения находятся в пространстве между эпизодами, которое зрители наполняют своим содержанием.

Как считает Олсон, чем дальше фильм или телевизионный нарратив отдалается от прото-нарратива (функции сказок по Проппу или архетипические роли по Юнгу),

Этапы повествования

Экспозиция	Причины, которые породили завязку
Завязка	Главный герой или героиня обнаруживают потерю или недостачу
Развитие сюжета	Поиск потерянного или недостающего
Кульминация	Главный герой или героиня сражаются с противоположной силой и всегда побеждают ее или разгадывают трудные загадки
Развязка	Преодоление потери или недостачи

тем менее знакомыми, менее приемлемыми и менее согласованными становятся эти нарративы.

Отражение структур психики в текстах

Психолингвисты выделяют от 5 до 10 типичных текстов, соответствующих типам характеров, акцентуациям. Семантика текстов обусловлена языковым сознанием автора, а также особым созвучным воспринимающим сознанием. В. Белянин выделяет светлые, активные, веселые, красивые, темные и печальные тексты, соотнося их с мироощущением психотипов [1]. В. Руднев предложил континуум нормы речи, где отступление к полюсам характеризует тот или иной тип акцентуации характера человека [5] (табл. 3).

Таблица 3

Континуум речи

Модальность		Норма	
Эпистемологическая	Известно	Полагаемо	Неизвестно
Алетическая	Необходимо	Возможно	Невозможно
Темпоральная	Там	Здесь	Нигде
Пространственная	Тогда	Сейчас	Потом
Аксиологическая	Хорошо	Безразлично	Плохо

Психологическая структура текста*Гештальт-контакт*

Гештальт-подход, процессо-ориентированное направление психотерапии, фокусируется на этапах контактирования человека со средой.

Теоретики гештальта (сторонники целостного восприятия) выделяют пять стадий взаимодействия со средой.

Контактом представители направления называют любое взаимодействие со средой с целью удовлетворить возникшую потребность. У потребителя текста (реклама, статья) удовлетворяется интеллектуальная потребность (знать), а также эстетическая, развлекательная и другие потребности. Любой контакт со средой можно представить в виде универсальной схемы, знание которой, безусловно, обогатит творческого работника, создающего текст. Создатель текста в процессе творчества может учитывать и символически удовлетворять этапы контакта аудитории с его текстом.

Рассмотрим контакт аудитории с текстом. Потребность в информации — одна из насущных социальных потребностей. Медиа среда ежедневно предлагает конструкцию реальности для людей, которые хотят сориентироваться в ситуации неопределенности. Единообразные формы и жанры, повторяющаяся структура, в общем, снижают тревожность и ощущение хаоса происходящего. Тексты и все медиапродукты выполняют роль интерпретатора и персоны, структурирующей и интерпретирующей происходящее, наделяющей смыслом события, устанавливающей причинно-следственные связи, интегрирующей событие в ткань культуры.

Теоретиками журналистики скрупулезно исследованы механизмы создания журналистских произведений от замысла до воплощения. Именно некая повторяемость, шаблонность и рекурсивность журналистского творчества гарантируют культурное воспроизводство, а значит, и социальную стабильность хотя бы на уровне медийной копии общества.

Цикл контакта состоит из нескольких стадий, которые сменяют друг друга достаточно быстро. Цикл контакта — это динамика образования гештальта, фигуры из фона, ее формирование и последующее разрушение. Цикл контакта связан с циркуляцией энергии интереса.

В полевой парадигме гештальт-подхода суть цикла контакта состоит в возникновении напряжения на границе контакта «организм — среда», вызванного внутренними импульсами или внешними раздражителями, а затем деятельностью организма, направленной на уменьшение этого напряжения. Представим составляющие этого процесса на воображаемом графике в координатах времени и энергии:

- 1) организм в состоянии покоя (начало, он открыт новому опыту);
- 2) раздражитель, который может быть внутренним или внешним;
- 3) создание образа ситуации;
- 4) ответ на сложившуюся ситуацию, направленный на:
 - ◆ уменьшение напряжения,
 - ◆ возвращение к организмическому балансу.

Традиционно выделяют четыре основных стадии цикла контакта и связанные с ними прерывания контакта.

1) *Преконтакт* (forcontact) представляет собой дифференцирование фона и выделение фигуры. Это стадия ощущений; задача этапа — ориентация в среде и ощущениях (потребностях) организма. Представим спешащего за дозой информации человека, тревожащегося в состоянии незнания и нехватки новостей. Он пролистывает газету, щелкает каналы телевидения, видит единообразную форму и стиль и успокаивается — он сориентировался, понял, что ничего сверхважного не произошло и можно далее продолжать ознакомление с жизнью социума по заголовкам и лидам.

2) *Контактирование* (contacting). На этой стадии потребность уже выделена, и организм начинает действовать. Происходит развитие фигуры, увеличение возбуждения, опустошение фона. В процессе контактинга происходит выделение агрессии. Эта стадия отождествления и отчуждения Эго с различными аспектами фигуры, что сопровождается эмоциями: приятными — влечение, интерес, или неприятными — нетерпение, раздражение, отвержение. Напряжение на границе контакта велико, поэтому контактинг либо теряет энергию и затягивается, либо переходит на следующие стадии. Наш читатель выискивает подходящую информацию и не находит исчерпывающего ответа — он недоволен и раздражен, но вот находит нужную статью, в чем-то совпадающую с его установками, и погружается в чтение.

3) *Финальный контакт* (full-contact) — концентрация, слияние и идентификация с фигурой, максимум возбуждения. Достигается полное осознание (awareness) процесса и происходит спонтанное единое действие восприятия, движения и чув-

ства. Организм полностью идентифицирует себя с фигурой, что является естественным, необходимым слиянием. Возбуждение на границе контакта разряжается, потребность удовлетворяется. Наш читатель «слился» с текстом, как бы живет в тексте, вовлечен и захвачен, осуществляет мысленный эксперимент, ощущает получение опыта.

4) *Постконтакт* (postcontact). Фигура теряет энергию, разрушается и уходит в фон. Возбуждение падает, и граница контакта либо исчезает, либо теряет смысл. Главная задача — ассимиляция опыта и его интеграция. Происходит интеграция нового опыта в общую идентичность организма. Личность представляет собой продукт интеграции опыта многих контактов.

5) *Состояние равновесия, покоя*. Читатель формулирует выводы, соотносит их со своей картиной мира. Прерывание на этапе постконтакта — девальвизация (обесценивание) — произвольное вмешательство и препятствие ассимиляции нового опыта. Далее следует пауза, некоторая пустота, после которой начинает нарастать энергия и возникать следующая потребность.

Творчество копирайтера (составляющего рекламу или PR-текст) состоит в создании образа читателя каждый раз во время написания материала. Читатель будет читать текст по-своему, но автору надо создать максимально точный и понятный текст, предугадать возможные заминки в процессе контакта с его текстом и как бы «продвинуть» читателя по циклу контакта с текстом для его же пользы, т. е. для завершения гештальта, психологического удовлетворения и личностного роста.

Особенности контакта с текстом

Можно подумать, какими средствами создать настроение, передать чувства, компенсировать все или некоторые прерывания. Некоторые люди никогда не могут достигать пункта отдыха. Здесь можно как бы притормозить бегущего, расслабить, начать с легкого, тихого и ненавязчивого топика. Хорошо поговорить об ощущениях тела, об окружающей обстановке.

Некоторые люди не знают об их потребностях. Можно указать потребности, желания, надежды, символически удовлетворяемые в тексте. Указать на потребности и требования среды.

Некоторые люди не могут мобилизовать их энергию, энергитизируют простые и ясные решения и действия. Недаром именно СМИ — инструмент мобилизации масс. Журналист всегда знает, к чему призывает текст.

Некоторые люди не могут сделать выбор между альтернативами. Можно поразмышлять над альтернативами, подтолкнуть к выбору (но часто выбор делается от противоположного).

Некоторые люди не могут ничего полностью испытать. Но они могут идентифицироваться с автором, который описывает свои ощущения.

Некоторые люди не могут различить между тем, что является хорошим для них, и что — нет. Этим тоже помогает механизм идентификации со значимыми другими. Можно упомянуть, как это было хорошо и полезно для какой-то звезды.

Некоторые люди не могут испытать удовлетворение. Описание «симптомов» удовлетворения и признаков завершения дела в настоящем времени заполнит эту брешь.

Некоторые люди не могут уйти. Поэтому так важны выводы, наметки на движение вперед (но не слишком много), заключительные слова и прощание.

Для многих современных людей последняя фаза цикла контакта самая трудная. Они воспитаны так, что не терпят пустоты, дискомфорта неделания, и они точно сорвутся и побегут за новыми впечатлениями без прощания или будут возвращаться снова и снова к тексту, анализируя детали. Так называемые работоголики имеют расстройства именно в этой части цикла контакта.

Таким образом, каждый из этих пунктов в цикле предлагает возможную область проблемы, и, понимая цикл, мы можем минимизировать потери внимания читателя журналистскими средствами. Учитывая психологию, мы заботимся о своих читателях. Текст, возможно, будет слегка затянутым и занудным (это в случае, если наш читатель проходит по циклу не со всеми прерываниями), но заботливым и целостным.

Контакт с аудиторией у автора, как правило, затруднен — мы можем только фантазировать, о чем она думает, каковы ее потребности. Однако намерения, поведение, культура и социальный строй взаимосвязаны, и это дает нам возможность творческого конструирования и реконструирования. Выше было дано описание реализации потребности в информации.

«Развлекая себя до смерти» (Н. Постман)

В подзаголовке — цитата из книги социолога, который доказывает, что потребность в развлечении доминирует сегодня. Постоянная потребность в развлечении является инфантильной позицией. Итак, если аудитория удовлетворяет потребность в развлечении, то читатель или зритель вступает в контакт со СМИ без особых намерений. Он может использовать СМИ и как времяпрепровождение, и как ритуал. Он вступает в контакт открытым и пассивным — активная роль в руках журналиста, который может активизировать какие-то потребности и желания. Есть люди, которые всегда знают, чего они хотят. Другие предпочитают ознакомиться с полем предложений и рекламой и отнестись к ним с оценкой, занять позицию издалека. Они хотят быть соблазненными, убежденными, очарованными. Они хотят купить вместе с товаром еще что-то, получить с информацией еще что-то — может быть, особое впечатление, настроение, подтверждение идентичности, подтверждение своей компетентности, удовлетворить какой-то свой дефицит, и, может быть, на символическом уровне они получают удовлетворение.

Пассивные читатели проецируют свою активность СМИ, передают им часть своей силы и энергии. СМИ можно сравнить с материнской фигурой в этом случае. Чтобы представить детско-материнские отношения СМИ и аудитории, воспользуемся графиком теории развития ребенка от рождения до 3 лет итальянского психолога и психотерапевта Маргариты Спаньоло-Лобб.

Нам представляется, что стадии развития ребенка можно экстраполировать на стадии взаимодействия аудитории и СМИ, а также стадии восприятия текста СМИ.

На первой стадии в развитии ребенка наблюдается симбиоз и слияние с материнской фигурой. Как мы уже говорили выше, контакт со СМИ начинается с потребности социальной общности. Первичный порыв — желание слияния со СМИ (как с моделью общества) и с информацией.

Второй этап развития ребенка характеризуется «способностью интроецировать», то есть усваивать слова и когнитивные схемы. Умение называть вещи словами «делают ребенка сильнее» на этой стадии. На второй стадии взаимодействия аудитории со СМИ — интроекции — читатель получает слова и интерпретации событий. Недифференцированная тревога переведена в слова и, таким образом, в символы и структуры. СМИ (мать) символически удовлетворяет и некоторые другие потребности аудитории, о которых хорошо осведомлена (например, потребность развлечения).

Маргарита Спаньоло-Лобб описывает переход со второй на третью стадию развития ребенка как процесс накопления до избыточности: «интроецируя, ребенок получает больше энергии; в какой-то момент этой энергии становится слишком много, и ребенок начинает испытывать потребность в проецировании, потому что его границы по-прежнему узкие и слабые, чтобы удержать эту энергию».

По аналогии информация дает аудитории много энергии, ощущение контроля за ситуацией и индивидуальное чувство социальной адекватности и силы.

Избыточная энергия выплескивается на этом этапе в среду — собеседнику, в адрес СМИ и правительства — в форме конфликта, недовольства и критики. Процесс проецирования заключается в приписывании своих качеств окружению.

Проявленная агрессия в процессе взаимодействия и последующее обсуждение недовольства и нахождение компромисса сближают участников коммуникации, вызывая взаимное доверие и лояльность. Здесь проецирование разрешается в действии. «Агрессия — знак внимания к СМИ, — считают журналисты, — значит, мы их заинтересовали, взволновали, вызвали эмоцию». Вызвать негативную эмоцию для журналиста (как и для рекламиста) иногда намного ценнее, так как она вызывает напряжение и желание разрядки и действия (покупать товар даже только для того, чтобы сбросить излишнюю энергию, овладеть им, проявив власть таким образом; продолжать смотреть, слушать то, что раздражает — «Дом-2», чтобы потом усиленно критиковать и «уничтожать» своего противника).

Четвертый этап развития ребенка и аудитории — это доверие себе, здоровое самоуважение и уважение к различным точкам зрения. Маргарита Спаньоло-Лобб маркирует данный этап механизмом ретрофлексии, подразумевая переключение психики во «взрослое» рефлексивное состояние. Здесь человек дифференцирует свои воззрения от картины мира других, основывая на этом дальнейший сознательный поиск, выбор информации и действия.

«Взрослый» человек может дать описание своей картины мира, дать свою собственную обдуманную в процессе сравнений и размышлений точку зрения на событие, свою аргументированную интерпретацию, изложить самостоятельно найденные и усвоенные доводы, — он становится способным рассказывать истории о мире, социуме и о себе, приобретая дискурсивное и нарративное «Я». Этот последний этап связан с функцией Персоны (социальной маски) в структуре психики человека. Осуществляя контакт со средой на последнем этапе, человек как бы обращается к себе, к оценке своего опыта, к интеграции полученного знания. Так происходит рост личности. Так происходит постоянное реконструирование своей идентичности («я человек, который...»).

Тексты СМИ

Вернемся к текстам. Эту же структуру из четырех этапов, полагаем, можно использовать не только в одном тексте, но и в серии текстов при анализе события, предлагая читателю соответствующий этапам текст (в определенном жанре) по мере разворачивания события. В преконтакте это будут тексты, создающие атмосферу, обозначающие специфику и поле проблем. Контактное — это «плотное» описание происходящего, репортаж, где перед нами ясные фигуры действия, но результаты пока не понятны. На третьем этапе — полного контакта — ясны результаты и предлагаются первые итоги, корреляции действий. А на четвертом этапе — постконтакта — журналисты должны предлагать аналитику события. Важно не выбиваться из жанра на каждом этапе и соблюдать последовательность.

Рассмотрим ткань текста, чтобы попытаться понять, с чем именно мы как читатели контактируем. Текст СМИ — это временная форма, разворачивающаяся во времени, если речь идет об электронных СМИ, но также и пространственная форма, если мы рассматриваем печатные издания и наружные формы рекламы. Текст — это фигура, воспринимаемая на фоне, т.е. в контексте событий и окружающих текстов. Все они представляют символическую реальность, которая задает координаты восприятия происходящего. Соприкасаясь с текстами, мы соприкасаемся опосредованно с реальностью (мы ориентируемся в ней, но многого в нашем непосредственном опыте нет), а также мы соприкасаемся с изменяющимся от таких контактов собой (функция конструирования и поддержания социальной идентичности).

В пространстве непосредственного контакта с текстом мы бы выделили три измерения: «Я — пространство», «Текст — пространство» и «Оно — пространство».

«Оно — пространство» представляет собой матрицу взаимодействия, поле проекций редакции и аудитории. В этом пространстве также всегда явно или имплицитно находятся мета-послания, нормы и идеалы, структурирующие социум.

Тексты СМИ обращаются к способности аудитории осознавать свои потребности, осознавать себя аудиторией с определенными характеристиками, которая способна сосуществовать с социумом посредством медиа и дискурса. Присутствие в медиасфере — это особый способ бытия в мире, когда нереализованные желания могут получить символическое удовлетворение. Обновленная таким удовлетворяющим контактом, обогащенная информацией о мире и о себе, аудитория творчески приспосабливается к социуму.

Поэтапное осмысление текста

Этот цикл можно соотнести с поэтапным осмыслением текста. Поэтапное осмысление текста может быть представлено в модели интерпретации текста как единого структурного целого, воспринимаемого непосредственно и сразу, но действующего несколько слоев восприятия (четыре — от низшего к высшему): знаки, семантические единицы, предметное содержание и изображение, ценностные образы.

Подробнее охарактеризовать эти четыре уровня восприятия текста можно следующим образом.

Первый акт понимания семиотического текста соотносится с восприятием субъектом поверхностной фактуры изображения, линий, цветов, вербальных и символических знаков — с восприятием визуального ряда на плоскости.

Второй акт — предметное соотнесение изображения («семантических единиц») с денотатом, узнавание визуального ряда — сличение его с хранящимися в памяти понятиями и представлениями (или отрицательный результат попытки такого соотнесения, когда изображение и вербальный текст остаются не узнаваемыми, так как субъект не находит для них соответствующих денотатов).

Третий акт восприятия семиотической системы предполагает надделение визуального ряда определенным конкретным и абстрактным содержанием, смыслом, образностью, дающими возможность выхода на различные ассоциативные связи.

Четвертый акт понимания — установление определенных отношений между субъектом и текстом (условный «диалог»), при котором субъектом окончательно дается оценка и вывод изображению, т. е. реализуется индивидуальное понимание визуального ряда в виде развернутой осмысленной интерпретации всего текста.

Обязательным условием первичной реализации отношений между субъектом и текстом является первый акт восприятия, который служит необходимой базой, основой для формирования следующих трех актов понимания. Однако начально интерпретирующим, на наш взгляд, можно назвать второй акт восприятия (узнавание, сличение), в последующих актах интерпретация и понимание приобретают более выраженные, законченные формы. В каждом реальном акте восприятия текста не обязательно участвуют все четыре его компонента. Субъект останавливается на том уровне восприятия, который соответствует его установке, психологической и интеллектуальной подготовленности, а также различным привходящим факторам. Восприятие семиотического текста в целом — сложный многоступенчатый акт, включающий в себя как бессознательные, интуитивные, так и осознанные мыслительные операции, строящийся на эмоциональном и рациональном постижении данной знаковой системы. Интерпретация входит обязательной составной частью в общий процесс восприятия, начинаясь с уровня предметной соотнесенности изображения с объектами реальности, с их узнавания.

Интерпретация соотносится с интеграцией. Человек должен осмыслить опыт контакта с текстом рекламы или PR и включить этот опыт в свой жизненный репертуар.

Чтобы порожденный автором и далее отлученный от него текст стал «живым» и жизнеспособным, необходимо его включить в соответствующую культуру. Он должен быть процитирован другими текстами, проинтерпретирован в дискурсе. Так он становится фактом культуры. Он интегрирован в дискурс. «Что еще говорит нам текст помимо явного значения?» — расшифровка смысла, стоящего за очевидным смыслом есть интерпретация (П. Рикер). Автор заложил в текст свой субъективный смысл. Понимание изначального смысла становится неважным. Важным становится открытость текста для различного понимания.

Перепроизводство и семантический шум

В учебнике «Визуальные коммуникации в рекламе и дизайне» под редакцией В. О. Пигулевского авторы исследуют переход от уникального предложения о продаже (УПП) к эмоциональному предложению о продажах (ЭПП) в условиях перепроизводства товаров и избыточного потока знаков в культуре. В ситуации семантической насыщенности рынка необходимо учиться воздействовать на потребителя на бессознательном уровне [2, с. 155].

Авторы пишут о рекламе как соблазнении (и действительно, в немецком языке имеются эти два значения одного слова). Мы полагаем, что реклама вызывает к ценностям. Реклама дарит счастье пребывания в иллюзиях, реклама придумывает идентичность, поддерживает наши грезы и мечты (например, грезы в стиле Фэн-тези — это грезы и мечтания о волшебных (паранормальных, экстрасенсорных качествах человека)). Вслед за психоаналитиком С. Жижеком мы считаем, что иллюзии — это необходимая реальность человека.

Политический приоритет

Реклама может проникать в структуру мотивов и желаний. Эмоциональное влияние рекламы обусловлено наличием в ней ряда ключевых моментов — запоминающейся графики, остроумного лаконичного текста и творческой изюминки. Речь идет об эмоциональном заряде, находящем отклик в душе потребителя, это что-то созвучное его мироощущению, подтверждение правоты надежд, которые он лелеет. Это может быть все, что угодно: слоган, фраза, рифма, изображение или персонаж. Апелляция к чувствам людей предполагает обращение к 10 базовым эмоциям: интерес, радость, удивление, гнев, грусть, отвращение, презрение, страх, стыд, чувство вины. Креативный образ также затрагивает мотивационную структуру личности: надежды, опасения, тревоги, облегчение, расслабление, разочарование.

По меткому выражению С. Жижека, нам надо придумать фантазию, чтобы справиться с реальностью, преодолеть кошмар/травму реальности (fictionalized it).

Медиатексты помогают поддерживать хрупкое равновесие между образами и реальностью, подпитывают фантазии, раздувают огонек желаний, раскрашивают наши интерпретационные схемы. Все это говорит о том, что тексты конструируют мир, и работа дискурса политически приоритетна.

Литература

1. *Белянин В. П.* Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе). М., 2013.
2. *Графический дизайн и рекламное предложение // Визуальные коммуникации в рекламе и дизайне / Под ред. В. О. Пигулевского.* Х., 2011.
3. *Дерябин А.* Телевизионные новости как коммуникативное событие // *Дискурс.* 1998. № 7. С. 60–63.

4. Матисон Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. Х., 2013.
5. Руднев В. Диалог с безумием. М.: Аграф, 2005.
6. *Representation. Cultural Representations and Signifying Practices* / Ed. by St. Hall. London: Sage, 2003.

References

1. Belyanin V.P. *Base of psycholinguistic diagnostics* (World models in literature) [Osnovy psikhologicheskoi diagnostiki. (Modeli mira v literature)]. M., 2013.
2. *Graphic design and the advertising offer* [Graficheskii dizain i reklamnoe predlozhenie] // Visual communications in advertising and design [Vizual'nye kommunikatsii v reklame i dizaine] / Under the editorship of V.O. Pigulevsky. Kharkiv, 2011.
3. Deryabin A. *Television news as communicative event* [Televizionnye novosti kak kommunikativnoe sobytie] // Discourse [Diskurs]. 1998. N 7. P. 60–63.
4. Matison D. *Media-discourse. Analysis of media tests* [Media-diskurs. Analiz media-testov]. Kharkiv, 2013.
5. Rudnev V. *Dialogue with madness* [Dialog s bezumiem]. M.: Agraffe, 2005.
6. *Representation. Cultural Representations and Signifying Practices* / Ed. by St. Hall. London: Sage, 2003.

Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в организации социально-профилактической работы с семьей

Цинченко Галина Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры социологии и социальной работы
 Кандидат социологических наук, доцент
 galina_ts55@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена теоретическим аспектам межведомственного и межсекторного взаимодействия в социально-профилактической работе с семьями в рамках единого социально-профилактического пространства на основе комплексного подхода. Такой подход, по мнению автора, позволит объединить материальные, кадровые ресурсы в решении актуальных проблем семейной политики: своевременного выявления семей социального риска, неблагополучных семей, проживающих на данной территории, оказании необходимой им помощи, выстроить единые подходы профилактической работы с семьями, создать единый банк данных о семьях. Профилактику семейного неблагополучия целесообразно разрабатывать как составную часть экономической и социальной региональной политики.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

семья, социально-профилактическая работа, взаимодействие, семейное неблагополучие

Tsynchenko G. M.

Cooperation of State and Institutes of Civic Community in the Organization of Social-Preventive Work with the Family

Tsynchenko Galina Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of Sociology and Social Work
 PhD in Sociology, Associate Professor
 galina_ts55@mail.ru

ABSTRACT

This approach, in the opinion of the author, will make it possible to combine material, cadre resources in the solution of the vital problems of the family policy: the timely development of the families of social risk, the unhappy families, which live in this territory, rendering to the necessary for them aid, to build the unified approaches of preventive work with the families, to create united data bank about the families. The preventive maintenance of family trouble it is expedient to develop as the component part of the economic and social regional policy.

KEYWORDS

family, social-preventive work, interaction, the family trouble

Социальное взаимодействие — одно из центральных понятий социологии, в основе которого лежит представление о том, что социальный субъект всегда находится в физическом или мысленном окружении других деятелей и ведет себя сообразно этой ситуации [8]. Субъектами социального взаимодействия могут быть акторы разного уровня — личности, малые группы, большие социальные общности. Количество видов социального взаимодействия достаточно большое на разных уровнях:

межличностное взаимодействие, взаимодействие личности и группы, межгрупповое и т. д., при этом на каждом уровне взаимодействие будет иметь свою специфику.

Можно выделить три уровня социального взаимодействия: микроуровень, мезоуровень, макроуровень. Микроуровень — это уровень межиндивидуального взаимодействия, макроуровень — уровень взаимодействия социальных структур, мезоуровень — уровень взаимодействия социальных групп.

При анализе социального воздействия на микроуровне привлекают такие теории, как бихевиоризм, теория обмена, символический интеракционизм, драматургический подход и феноменология. Бихевиоризм — (от англ. behavior — поведение) «наука о поведении», направление в науках о человеке, считающее человеческое поведение полностью обусловленным воздействием внешней среды. С точки зрения бихевиоризма поведенческой реакции индивида определяется воздействием окружающей среды. Устойчивые модели поведения вырабатываются многократным положительным подкреплением образца, причем альтернативные образцы или не подкрепляются, либо подкрепляются негативно.

Если выделение микро- и макроуровня является традиционным, то четко выделить мезоуровень трудно. Мы под мезоуровнем социального взаимодействия будем понимать *социальное взаимодействие внутри группы и взаимодействия, обусловленные групповой принадлежностью*. Поэтому важными здесь будут понятия «первичные» и «вторичные группы».

Американский социолог Ч. Кули ввел понятие «группа первичная» еще в начале XX в. Первичные группы — реальные малые группы, в которых существует непосредственный психологический контакт, межличностные отношения между ее членами. Первичные группы, с точки зрения Ч. Кули, первичны в двух смыслах: 1) они дают индивиду самый ранний и самый полный опыт социального единства. Это группы, в которых происходит первичная социализация; 2) эти группы не меняются так быстро и кардинально, как макроструктуры. Кули считал, что первичные группы практически идентичны во все времена и во всех культурах. Хотя они зависят от свойств социальной структуры общества, но менее подвержены изменениям и имеют некоторые универсальные свойства: наличие родственников, дружественных или соседских связей. Первичные группы имеют фундаментальное значение, так как они являются мощными инструментами социального контроля, который хотя и неформальный, межличностный, гибкий, но от него невозможно уклониться. Именно в первичных группах формируется личность человека, но в крупных городах первичные группы распадаются, а их распад, с точки зрения Ч. Кули, означает распад социальных связей вообще, распад социальности [4]. Базовыми элементами общества Ч. Кули считал первичные и вторичные социальные группы, различение которых основано на их роли в социализирующем влиянии на человека. Первичные группы (семья, соседство, детские группы, местные общины и др.) характеризуются непосредственными и устойчивыми взаимоотношениями, личностными, неформальными связями, малым размером. Первичным группам и принадлежит главное место в социализации, в интериоризации наиболее устойчивых социальных норм и ценностей. Социализирующая роль малой группы предопределяет, таким образом, воспроизведение фундаментальных человеческих свойств в обществе в целом, а трансформация малых групп — видоизменение системы социальных отношений. Вторичные группы (вторичные общественные институты) образуют социальную структуру, в которой контакты людей носят нормализованный и обезличенный характер. Вторичная группа — это группа, объединяющая индивидов, участвующих в безличных отношениях, объединенных некой общей практической целью. Во вторичных группах превалирует инструментальный тип связей; индивиды рассматриваются как средства достижения цели, а не как самоцель взаимного общения. Такие группы включают в себя большее количество участников, чем первичные,

более формализованы [9]. В современном обществе преобладают вторичные группы. П. Штомка писал, что «интересным проявлением этой тенденции становится формирование и быстрое широкое распространение групп, близких по своему характеру к первичным, хотя и не попавшим в вышеприведенный „каталог“ Кули. Таковы группы социализации, группы реабилитации, группы индивидуального тренинга, группы развития воображения, группы формирования восприимчивости, групповые предсупружеские консультации, группы коллективного психоанализа, терапевтические группы и т. п., где люди встречаются только для того, чтобы ощутить близость, установить личные связи друг с другом, проявить откровенность, открытость по отношению к другим, незаинтересованность, а следовательно, для получения того, чего так сильно им не хватает в их профессиональной, трудовой, а также официальной жизни. Проявлением данной тенденции можно считать также появление, особенно заметное в молодежной среде, многочисленных сект или квазирелигиозных групп, которые дают людям замену семейной или дружеской близости» [10], т. е. для получения того, чего современным людям так не хватает. Так, в городских условиях происходит сегментация человеческих отношений, в результате которого отсутствие поддержки в трудные периоды жизни, нехватка эмоциональных контактов приводят к возрастанию роли такой первичной группы, каковой является семья. Семья оказывается едва ли не единственной первичной группой, сохраняющейся в крупных городах. Однако сегодня семья претерпевает значительные трансформации. Социолог Льюис Вирт описывает последствия разрушения первичных связей в городе и проблемы, которые порождает этот процесс: «В число отличительных черт городского образа жизни социологи часто включают замену первичных контактов вторичными, ослабление родственных чувств, падение социальной значимости семьи, исчезновение соседства и подрыв традиционной основы социальной солидарности. Все эти явления подтверждаются объективными показателями. Город не благоприятствует традиционному типу семейной жизни, включающему воспитание детей и сохранение дома как места сосредоточения всех жизненно важных деятельностей. Перенос промышленной, образовательной или рекреационной деятельности в специализированные учреждения, находящиеся вне дома, лишил семью ее самых характерных исторических функций. В городах матери, как правило, устраиваются на работу... браки нередко откладываются, выше доля не связанных семейными узами людей» [1].

Мезоуровень чрезвычайно важен для социальной работы, потому что многие проблемы, которые можно предотвратить или преодолеть, являются не индивидуальными, а групповыми и могут быть решены только на уровне группы. Многие виды дезадаптации — результат неправильного взаимодействия с группой, которые могут быть компенсированы путем изменения взаимодействия с группой. На Западе одним из ведущих направлений социальной работы является работа с сообществами (community social work). Важнейшей группой общества является семья. В России накоплен большой опыт работы с семьей, но опыт работы с этническими или религиозными общинами используется редко. Сегодня семья как первичная группа является значимым объектом и субъектом социальной работы, так как даже решение индивидуальных проблем часто невозможно без участия семьи.

В то же время семья сама может провоцировать проблемы, в частности, неблагоприятное положение ребенка. Так, пренебрежение к нуждам ребенка, недостаточное внимание к ребенку, насилие в отношении детей могут явиться причинами попадания ребенка в категорию детей, оставшихся без попечения родителей.

Макроуровень обычно определяется как уровень социальных структур. Т. Парсонс, основоположник функционального подхода к анализу общества, определял структуру как «аспект системы, обладающей устойчивостью» [7]. Теории, используемые на макроуровне, — функционализм и системный подход. Сущность подхода со-

стоит в выделении элементов социального взаимодействия и определения их места и значения в системе. На макроуровне социальную работу с семьей и детьми осуществляют различные ведомства, организации и учреждения, имеющие непосредственное отношение к профилактике семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности.

Работа строится на активном взаимодействии со всеми органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних:

- комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав;
- подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел;
- органами опеки и попечительства; органами управления образованием и образовательными учреждениями (школами, детскими садами и др.);
- органами здравоохранения и учреждениями здравоохранения; спортивными секциями, подростковыми клубами и др.;
- органами и учреждениями, функционирующими в общественном секторе, включающем различные общественные организации и объединения, оказывающие социальные услуги семьям и детям.

Взаимодействие с комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав направлено на осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, взаимодействию при выявлении и устранении причин и условий, способствующих возникновению факторов семейного неблагополучия, безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних; при применении мер воздействия в отношении несовершеннолетних, их родителей или законных представителей в случае и порядке, которые предусмотрены законодательством Российской Федерации и законодательством субъекта Федерации.

Основные направления сотрудничества с органами опеки и попечительства связаны с жизнеустройством детей, оказавшихся в социально опасном положении. Семейное устройство ребенка требует эффективного взаимодействия специалистов разных ведомств с органами опеки и попечительства, создания новых схем распределения обязанностей между ними с тем, чтобы наиболее полно защитить права и законные интересы воспитанников.

В качестве основных направлений взаимодействия с органами опеки и попечительства назовем оказание содействия органам опеки и попечительства в устройстве детей в замещающие семьи; совместное оказание консультационной и методической помощи гражданам, желающим воспитывать в своих семьях детей, оставшихся без попечения родителей; совместное проведение медико-психологического и педагогического сопровождения замещающей семьи в период адаптации ребенка к новым условиям и патронажа в течение всего времени его пребывания в семье. В Санкт-Петербурге и других регионах такое сотрудничество показало высокую эффективность, особенно в связи с недостаточным количеством штатных специалистов отделов опеки и попечительства.

Основные аспекты взаимодействия с органами внутренних дел — это обмен информацией о семьях и детях групп криминального риска; разработка и реализация профилактических мероприятий по защите несовершеннолетних от противоправных посягательств на их жизнь, здоровье, нравственное благополучие; выявление детей, уклоняющихся от учебы, бродяжничающих, занимающихся попрошайничеством, страдающих разного рода зависимостями; социальная и правовая защита детей и подростков от преступных элементов и лиц, стремящихся вовлечь несовершеннолетних в антиобщественную деятельность; выявление семей, в которых родители или другие взрослые своим образом жизни оказывают на несовершеннолетних криминализирующее влияние, создают обстановку, несовместимую с нормальной жизнью детей: оставляют без попечения, пьянствуют, употребляют

наркотики, занимаются проституцией, допускают жестокость и насилие по отношению к детям, не обеспечивают им должного содержания и др.

Взаимодействие негосударственных организаций с органами здравоохранения должно быть направлено на выявление признаков раннего семейного неблагополучия, установление контактов с детьми и родителями групп социального и медицинского риска. Это достигается путем организации совместных фронтальных и индивидуальных обследований, при которых могут быть выявлены дети и подростки, употребляющие алкоголь, наркотические и токсические вещества, дети, склонные к аморальному поведению, девочки с ранними беременностями и подростки с заболеваниями, передающимися половым путем, ВИЧ-инфицированные и т. д.

Взаимодействие с образовательными учреждениями приобретает особое значение в связи с ростом показателей безнадзорности и правонарушений, отсевом учащихся школ и фактической утратой многими школами воспитательных функций. Учителя и специалисты негосударственных организаций и учреждений могут проводить совместные консилиумы. Консилиум распределяет функции между школой, социальными службами, негосударственными организациями и семьей по сопровождению каждого нуждающегося в помощи ребенка, планирует проведение профилактических мероприятий.

Социальные службы негосударственных организаций ориентированы на работу с биологической семьей ребенка, разрешение внутрисемейных конфликтов, оздоровление условий семейной жизни, создание для ребенка воспитывающей среды по месту жительства, с тем чтобы его помещение в приют или исправительно-воспитательное учреждение рассматривалось как последняя и самая крайняя мера. Именно поэтому так важна организация межведомственного взаимодействия всех субъектов системы профилактики.

Таким образом, межведомственное взаимодействие позволит значительно быстрее и качественнее собирать информацию о неблагополучных семьях и детях, профессионально выявлять причины этого неблагополучия, вырабатывать стратегию и тактику по оказанию социальной профилактической помощи семьям и детям, проживающим на данной территории.

Решению задач, стоящих перед государственными учреждениями и организациями, способствуют хорошо налаженные контакты с благотворительными, общественными и религиозными организациями, способными постоянно или периодически оказывать материальную помощь, психологическую и духовную поддержку наиболее остро нуждающимся семьям и детям или устанавливать индивидуальное шефство над несовершеннолетними, проживающими в приютах и реабилитационных центрах.

В сфере профилактики семейного неблагополучия это сотрудничество с негосударственными организациями может осуществляться по различным направлениям.

Одно из них — выявление неблагополучных семей, в том числе находящихся на ранней стадии десоциализации. Негосударственные объединения располагают возможностями для оперативного получения достоверной и конкретной информации о таких семьях, что обусловлено близостью негосударственных организаций к населению, неформальным и доверительным характером отношений их представителей с людьми.

Совместная деятельность может осуществляться путем включения представителей специализированных отделений государственных учреждений и общественных объединений в состав различных комиссий; приглашения представителей негосударственных организаций к исследовательской работе, проводимой социальными службами, и заказа специалистам негосударственных организаций самостоятельных исследований причин семейного неблагополучия и социальной девиации несовершеннолетних. Результаты анализов, выводы и предложения могут быть переданы

негосударственным организациям и органам управления и службам социальной защиты населения для организации дальнейшей профилактической социальной работы.

Негосударственные организации имеют возможность реализовывать широкий спектр форм и методов социальной поддержки семей в рамках различных направлений социальной работы и в соответствии с профилактическими программами, реализуемыми органами социальной защиты населения.

Общественные организации могут быть привлечены к работе с неблагополучными семьями, нуждающимися в медико-социальной помощи. Они могут оказывать содействие в избавлении взрослых членов семьи от злоупотребления алкоголем (организация посещения соответствующих тренингов, вовлечение в группы анонимных алкоголиков, убеждение в необходимости лечения от алкоголизма), помощи в прохождении курса оздоровления, приобретении лекарств, организации консультаций психотерапевта и др.

Важной задачей профилактической социальной работы следует считать участие общественных объединений в оказании социальной помощи семьям, после возвращения детей из государственных учреждений системы профилактики в родные семьи, в том числе проведение работы с родителями по оздоровлению семейной обстановки. Специалисты негосударственных организаций могут вести контроль психологического климата в семье, степени соблюдения родителями трезвого образа жизни.

Можно привлекать негосударственные организации, ориентированные на социальную работу с семьей, для решения комплекса задач реабилитационной работы. Среди них: поиск семей, желающих взять детей на воспитание, участие в тестировании потенциальных родителей, подготовка их к приему детей и т. д.

Общественные организации по месту жительства граждан располагают большими возможностями по диагностированию семей, а также по общественному воздействию на такие семьи, оказанию им разносторонней помощи в решении жизненных проблем.

Большой вклад в улучшение профилактической и реабилитационной деятельности социальных служб по работе с детьми из семей группы риска могут внести общественные организации ветеранов, офицеров и военнослужащих запаса, объединения, занимающиеся патриотическим воспитанием, которые имеют большой практический опыт. Лидеры и актив этих организаций имеют возможность проводить тематические встречи и беседы с детьми, организовывать патриотические и военно-шефскую работу, стать для трудных подростков старшими друзьями и наставниками.

Организации, занимающиеся пропагандой и формированием здорового образа жизни, физкультурно-спортивных и туристических общественных объединений могут способствовать приобщению детей из неблагополучных семей, детей с девиантным поведением к участию в спортивных соревнованиях, турпоходах, привлекать их в спортивные, туристические кружки и секции. Они могут вести работу по разъяснению губительного воздействия курения, алкоголя и других вредных привычек, необходимости соблюдать нормы гигиены, заботиться о своем здоровье.

Серьезную роль в профилактической работе с семьями могли бы выполнять общественные организации, работающие в сфере культуры и искусства, выявляя у детей из семей группы риска интерес к творческой деятельности, развивая их способности, приобщая к разумным формам проведения свободного времени, знакомя с лучшими, соответствующими возрастному восприятию образцами литературы, музыки, живописи и архитектуры, с памятниками истории, культуры и религии.

Большими материальными возможностями располагают общественные объединения промышленников и предпринимателей, негосударственные организации в сфере материального производства, экономики и финансов, банки и созданные

ими благотворительные фонды. Их резервы как потенциальных спонсоров деятельности специализированных учреждений, реализации новых программ и проектов по профилактике детской безнадзорности намного выше, чем реальный вклад в решение этой первостепенной общегосударственной проблемы.

Значимым в решении проблем профилактики семейного неблагополучия является создание или включение уже существующих тех учреждений и организаций социальной поддержки семей и детей, которые необходимы данной территории для решения проблем социально-профилактической работы. Подобные общественные учреждения и организации мы рассматриваем как важные субъекты семейной политики, необходимые звенья системы профилактики семейного неблагополучия, детской безнадзорности и беспризорности.

Приобщение негосударственных организаций социальной направленности к этой деятельности, поддержка негосударственных организаций, уже работающих в этой области, инициирование создания новых, способных объединить граждан, которые желают участвовать в такой работе, должны быть приоритетной задачей органов управления социальной защиты. Для этого нужно активизировать работу по следующим направлениям:

- регулярно организовывать встречи органов власти с лидерами негосударственных организаций и инициативными группами по созданию новых общественных объединений по профилактической работе с семьей и детьми;
- использовать средства массовой информации (специальных рубрик в газетах, теле- и радиопередачах) по освещению проблем семей с детьми;
- проводить работу с лидерами негосударственных организаций по организации совместной работы в области социальной профилактики в работе с семьями;
- вводить для негосударственных организаций, участвующих в профилактической работе с семьями, льготы на оплату аренды помещений, коммунальных услуг, налоговые льготы в части их уплаты в региональный и местные бюджеты [11].

Системность, а также правовая и финансовая сторона профилактической деятельности достигаются путем инициирования органами социальной защиты населения и другими заинтересованными структурами управления социальной сферой разработки и принятия на региональном и муниципальном уровнях нормативных правовых документов, регулирующих взаимодействие государственных, муниципальных органов власти и общественных объединений.

Высокие качественные показатели проводимой социально-профилактической работы могут быть обеспечены использованием научного подхода к планированию и организации профилактической деятельности; адекватностью и современностью имеющейся нормативно-правовой базы (в том числе на региональном уровне); профессионализмом специалистов и квалификацией представителей общественных организаций; достаточными материальной базой и финансовыми ресурсами и др.

Особое значение имеет взаимодействие государственных органов и учреждений с религиозными организациями. Все традиционные для России конфессии оказывают благоприятное влияние на духовно-нравственное воспитание населения, поддерживают институт семьи, пропагандируют ценности семейной жизни.

Важно отметить, что в Федеральном законе от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»¹ предусмотрена государственная поддержка общественных объединений по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Реализация данного принципа требует целенаправленной системы мер по созданию

¹ Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон от 24 сентября 1999 г. № 120-ФЗ (ред. 07 мая 2013 г. с изм., вступившим в силу с 08 мая 2013 г.).

реальных возможностей участия негосударственных организаций в социально-профилактической работе.

Итак, организация социально-профилактической работы с семьей объединяет учреждения и организации, предоставляющие социальные услуги семьям и детям, в рамках единого социально-профилактического пространства на основе комплексного подхода, межведомственного и межсекторного взаимодействия. Такой подход к организации совместной работы позволит объединить материальные, кадровые ресурсы в решении актуальных проблем семейной политики: своевременного выявления семей социального риска, неблагополучных семей, проживающих на данной территории, оказании необходимой им помощи, выстроить единые подходы профилактической работы с семьями, создать единый банк данных о семьях. Комплексную социальную профилактику семейного неблагополучия целесообразно разрабатывать, учитывая все три уровня социального взаимодействия как составную часть экономической и социальной региональной политики. При таком подходе достигается согласованность взаимодействия различных ведомств и решение вопросов материального, кадрового и иного обеспечения предусмотренных мероприятий в социальной сфере. Социальная сфера — это устойчивая область человеческой деятельности людей по воспроизводству своей жизни, пространство реализации социальной функции общества, в которой обретает смысл социальная политика государства, реализуются социальные и гражданские права человека. Социальная сфера представляет собой сложное и системное образование, целостную, постоянно изменяющуюся подсистему общества. В данном качестве социальная сфера общества выступает объектом политико-управленческого воздействия со стороны социальных субъектов и институтов современной политики социального государства в России [5]. С системно-социологической точки зрения социальная сфера «включает в себя ансамбль специфических социальных связей и отношений, а также совокупность социальных институтов, элементов инфраструктуры, непосредственно обеспечивающих жизнедеятельность человека, его развитие» [6].

Формирование эффективной политики в отношении семьи требует многоаспектного анализа ситуации в семейно-брачной сфере с учетом появления новых тенденций и их последствий. Социологические исследования дают возможность утверждать, что происходит процесс размывания системы поведенческих норм в сфере брака и семьи (см.: [2; 3]). Формирование эффективной помощи и политики в отношении семьи требует многоаспектного анализа ситуации в семейной сфере с учетом появления новых тенденций и их последствий. Добиться положительных изменений, снизить проявление негативных явлений в семейной сфере можно, воздействуя на нее опосредованно, через системы более высокого уровня. Укрепление важнейшей первичной группы, каковой является семья, должно стать основной целью взаимодействия государства и институтов гражданского общества в организации социально-профилактической работы с семьей.

Литература

1. *Вирт Л.* Избранные работы по социологии: Сб. переводов / Пер. с англ. РАН ИНИОН. Центр соц. научно-информ. исслед-й. Отдел социологии и социальной психологии; В.Г. Николаев; Отв. ред. Л.В. Гирко. М.: ИНИОН, 2005. 244 с.
2. *Гурко Т.А.* Брак и родительство в России. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. 325 с.
3. *Здравомыслова О.М., Арутюнян М.Ю.* Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования). М.: Эдиториал УРСС, 1998. 176 с.
4. *Кули Ч.* Первичные группы. Американская социологическая мысль. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1996. С. 328–333.

5. Милецкий В. П., Казаринова Н. В. Системное содержание современной социальной политики. СПб.: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2010. 120 с.
6. Осадчая Г. И. Социология социальной сферы. М.: Изд-во МГСУ, 2003.
7. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академич. проект, 2000. 880 с.
8. Седов Л. А. Взаимодействие социальное // Современная западная социология: Словарь. М., 1990. С. 52.
9. Социальное взаимодействие в системе социальной работы: Учебник / Под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2011. С. 32.
10. Штомка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. В. Червоной. М.: Логос, 2005. 664 с.
11. Цинченко Г. М. Семья в социально-профилактической парадигме исследования. СПб.: СПбГУТД, 2010.

References

1. Wirth L. *Chosen works on sociology: Collection of translations* [Izbrannye raboty po sotsiologii: Sbornik perevodov] / Transl. from English V. G. Nikolaev; INION of Russian Academy of Sciences. Center of social scientific and information researches. Department of sociology and social psychology [RAN INION. Tsentr sotsial'nykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy. Otdel sotsiologii i sotsial'noi psikhologii]; Editionship L. V. Girko. M.: INION, 2005. 244 p.
2. Gurko T. A. *Wedlock and parenthood in Russia* [Brak i roditel'stvo v Rossii]. M.: Institute of the Sociology of the Russian Academy of Sciences [Institut Sotsiologii RAN], 2008. 325 p.
3. Zdravomyslova O. M., Arutyunyan M. Yu. *Russian seed on the European background (on materials of the international sociological research)* [Rossiiskaya semya na evropeiskom fone (po materialam mezhdunarodnogo sotsiologicheskogo issledovaniya)]. M.: Editorial URSS, 1998. 176 p.
4. Cooley Ch. *Primary groups. American sociological thought* [Pervichnye gruppy. Amerikanskaya sotsiologicheskaya mysl']. M.: International University of business and management [Mezhdunar. un-t biznesa i upravleniya], 1996.
5. Miletский V. P., Kazarinov N. V. *System content of modern social policy* [Sistemnoe sodержanie sovremennoi sotsial'noi politiki]. SPb.: Publishing house of Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" [Izd-vo SPbGETU «LETI»], 2010. 120 p.
6. Osadchaya G. I. *Sociology of the social sphere* [Sotsiologiya sotsial'noi sfery]. M.: Moscow State University of Civil Engineering publishing house [Izd-vo MGSU], 2003.
7. Parsons T. *Structure of social action* [O strukture sotsial'nogo deistviya]. M.: Academy Project [Akadem. proekt], 2000. 880 p.
8. Sedov L. A. *Social interaction. Modern western sociology: Dictionary* [Vzaimodeistvie sotsial'noe. Sovremennaya zapadnaya sotsiologiya: Slovar']. M., 1990.
9. *Social interaction in system of social work: Textbook* [Sotsial'noe vzaimodeistvie v sisteme sotsial'noi raboty: Uchebnik] / Under the general editorship of Z. H. Saraliyeva. N. Novgorod: Publishing house of the Nizhny Novgorod University [Izd-vo Nizhegorodskogo universiteta], 2011.
10. Shtomka P. *Sociology. Analysis of the modern society* [Sotsiologiya. Analizsovremennogo obshchestva] / Transl. from Polish S. V. Chervona. M.: Logos, 2005. 664 p.
11. Tsinchenko G. M. *Family in a social and preventive paradigm of research* [Sem'ya v sotsial'no-profilakticheskoi paradigme issledovaniya]. SPb.: SPSUTD. 2010.

Краудсорсинг как современная модель обмена и управления информацией в сетевых СМИ

Пак Екатерина Максимовна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Старший преподаватель кафедры управления общественными отношениями
 Соискатель факультета высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета
 EMPak@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются современные тенденции развития краудсорсинговых моделей обмена и управления информацией в сетевых СМИ. Автор изучает причины популяризации идей краудсорсинга в интернет-журналистике, а также детально описывает самые распространенные формы краудсорсинга (crowd searching, crowd creation, crowd funding и crowd voting), которые позволяют концентрировать и координировать краудсорсинговую деятельность в сетевых редакциях. Особое внимание автор уделил недостаткам, связанным с грамотным управлением данной технологией, и рассмотрел пути их разрешения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

краудсорсинг, краудфандинг, СМИ, технология

E. M. Pak

Crowdsourcing as a Modern Model of Exchange and Management of Information in the Online Media

Пак Ekaterina Maksimovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Assistant Professor of the Chair of Public Relations Management
 Competitor of the Faculty of Higher School of Journalism and mass communications of Saint Petersburg State University
 EMPak@yandex.ru

ABSTRACT

The article deals with modern trends in crowdsourcing ways of information exchange and direction in network mass media. The author explains the reason of popularity crowdsourcing ideas in the Internet journalism. The author also dwells on the most popular types of crowdsourcing, such as crowd searching, crowd creation, crowd funding and crowd voting - they allow to concentrate and coordinate crowdsourcing activity in net editions. The author focuses her attention on disadvantages which are connected with direction of this technology and offers several ways of solution of these issues.

KEYWORDS

crowdsourcing, crowdfunding, online media, technology

Современная медиаиндустрия, опираясь на развивающуюся инфраструктуру и технологический прогресс, в корне меняет традиционные представления о медиасистеме. Появление сетевой коммуникации, основанной на цифровом способе передачи и распространении информационных потоков, способствовало формированию новой системы функционирования СМИ и вместе с ней возникновению иной модели обмена и управления информацией, такой как *краудсорсинг*.

Термин «*краудсорсинг*» происходит от английского словосочетания crowd и sourcing — «социальный ресурс». Также под ним понимают новую модель партнерства

между производителями информации и сетевой публикой или той или иной группой людей, основанной на использовании ресурса сетевого общества с целью проработки и решения поставленных вопросов и задач. Таким образом, краудсорсинг — это коллективный метод поиска идей, и интернет в этом случае выступает как инструмент, который позволяет создавать специальные платформы, где концентрируются и координируется краудсорсинговая деятельность.

Принято считать, что концепция краудсорсинга родилась в 2006 г., когда редактор журнала Wired¹ Марк Робинсон (Mark Robinson) опубликовал статью Джеффа Хауи (Jeff Howe) под названием «Расцвет краудсорсинга» (The Rise of Crowdsourcing) [3]. Правда, в публикации это явление рассматривалось только в контексте новых бизнес-моделей, в рамках которых фирмы могли привлекать потребителей к производству и модификации товаров. Сегодня идея краудсорсинга активно используется в социальных, политических, культурных и гражданских аспектах. Поэтому в контексте журналистики, цель которой — собирать эксклюзивную и сенсационную информацию, краудсорсинг может принимать разные формы. Он может не только включать процесс обмена информацией, ресурсами, ценными кадрами, но и возможность написания рецензий к фильмам, совместное обсуждение документов, написание текстов, тематические проекты по сбору информации по определенным темам и многое другое. В данном случае читатели выступают не только в качестве потребителей контента, но и как создатели информации, особенно в массовых и чрезвычайных ситуациях (ЧС)². Другими словами, краудсорсинг создает платформу, которая позволяет реализовывать поставленные задачи с помощью партнерства между потребителями и производителями информации. Причем мотивация человека может быть самой разной: личный интерес к проблеме, желание проявить себя, вызов интеллектуальным и творческим способностям, групповая обусловленность и т. д. [2, с. 158]. «Если мы берем историю с пожарами, — говорит Григорий Асмолов, создатель краудсорсинговых проектов «Карта холодов», «Карта радиации» и атлас помощи «Виртуальная рында», — то это может быть просто группа волонтеров, которая организуется и мобилизует свои собственные ресурсы»³. Это говорит о том, что сегодня понятие «краудсорсинг» понимается не только как иерархическая модель, концентрирующая вокруг себя внимание широкой публики для достижения какой-либо цели, а как новый инструмент информационных технологий, помогающий организовать сетевой «крауд» для разрешения социальных, общественных и других проблем.

В зависимости от типа задач и участников их решения выделяют следующие виды краудсорсинга:

- *Crowd searching* — коллективный поиск информации. Данный метод краудсорсинга стал успешно развиваться благодаря развитию новых информационных технологий. Особенно ярко он проявился в социальных и гражданских аспектах. Сейчас подобного рода проекты можно встретить как в традиционной журналистике, так и в сетевой. Например, на ГТРК «Россия» есть рубрика «Мобильный репортер», а на канале НТВ — «Чрезвычайные происшествия», которые строятся на том, что люди, ставшие очевидцами каких-то событий, сами присылают заснятые фрагменты в редакцию для их обнародования. Практически на всех радиостанциях существует рубрика «О пробках на городских дорогах», где информация передается и используется автолюбителями. Но самое широкое развитие данное явление получило в интернет-журналистике, так как сетевые из-

¹ Wired — журнал о влиянии компьютерных технологий на культуру, экономику и политику.

² Мобилизовать сетевой крауд: [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/10/28/crowdsourcing/> (дата обращения: 19.01.2013).

³ Там же (дата обращения: 5.05.2013).

дания обладают большим потенциалом вовлечения потенциальной аудитории в проект. Они обеспечивают постоянный поток актуальной информации и предоставляют оперативную возможность диалога. В сетевых изданиях можно увидеть репортаж, помеченный лейблом «любительская съемка», или материал, начиненный гиперссылками на фотографии или видеоматериалы очевидцев. По мнению Григория Асмолова, очень удачным получилась у «Газеты.ру» «Карта нарушений». Это геолокационная краудсорсинговая платформа, которая задействует население как ресурс для сбора информации в тех или иных ситуациях. Безусловно, очень яркий пример краудсорсинга — это Open Street Map, где, мобилизуя человеческий ресурс, люди создают карту мира, которая точнее и подробнее многих профессиональных карт¹.

- *Crowd creation* (народное творческое сознание) — это перспективное направление в краудсорсинге, позволяющее обеспечить процесс генерации и поиск эффективных решений креативными и перспективными идеями. Считается, что метод краудкриэйшин появился «еще в 1714 г., когда правительством Великобритании был реализован проект массового народного творчества. Для решения навигационных задач необходимо было разработать метод определения долготы на море. Вместо привычного в таких случаях привлечения ученого для изысканий был предложен приз любому, кто найдет решение этой задачи» [2, с. 158]. В России самым ярким и популярным примером такого краудсорсинга на телевидении была программа «Сам себе режиссер» (1992), где основной контент состоял из народного творчества обычных телезрителей. Сегодня данный метод активно применяется в интернет-журналистике через различные формы интерактивной коммуникации электронных редакций СМИ с читателями — электронные письма, форумы, гостевые стены и другое, чтобы читатель в режиме реального времени мог давать комментарий, оставлять отзыв, участвовать в различных онлайн-конференциях, высказывать свои мысли и идеи. Очень интересной нам видится новая форма проведения интервью-live. В отличие от традиционного печатного жанра интервью интервью-live предполагает живой импровизированный диалог в режиме онлайн между пользователями, журналистом и интервьюируемым. Журналист в данном случае исполняет роль модератора. Пользователи именно ему за 2–3 дня до основного мероприятия посылают вопросы к эксперту, а он (журналист), в свою очередь, пересылает их интервьюируемому. Ответы публикуются в режиме онлайн-конференции. И если в непосредственном интервью журналист занимал активную позицию в разговоре: задал вопросы, управлял ходом ведения беседы, фокусировал ее в рамках заданной темы, оказывал психологическое воздействие на собеседника и т. д., то во время проведения заочной пресс-конференции роль журналиста — сохранять полный нейтралитет, чтобы создать, таким образом, иллюзию живой и спонтанной беседы.
- *Crowdfunding* — социальный ресурс. Одна из ярких разновидностей краудсорсинга. Термин *crowdfunding* произошел от английского словосочетания *crowd* и *funding* — народное финансирование. Другими словами, понятие «краудфандинг» трактуется как модель/платформа коллективного сотрудничества людей, которые добровольно объединяют свои денежные средства через сеть для финансирования и поддержания развития благотворительных проектов, акций и фондов. Сюда относятся всевозможные сборы пожертвований на лечение, восстановление пострадавших после ЧС районов, финансирование различных инициативных групп и организаций. Примером краудфандинга в традиционных СМИ может служить программа Елены Малышевой на Первом канале «Жить здорово», где в

¹ Мобилизовать сетевой «крауд»: [Электронный ресурс]. URL: <http://lenta.ru/articles/2011/10/28/crowdsource/> (дата обращения: 22.01.2013).

конце каждой передачи зрителям предоставляется информация о детских домах, нуждающихся в помощи и усыновлении/удочерении детей. Ярким примером краудфандинга в сетевом ресурсе, по словам Марии Грачевой, директора по развитию компании «Яндекс.Деньги», был фонд Romogi.org, организованный в 2005 г.

В последние годы на первый план выходят гражданские инициативы (например, борьба с последствиями лесных пожаров) и общественно-политические проекты¹. Но здесь очень важна степень охвата платформы, т. е. сколько людей о ней знают и сколько людей могут ею воспользоваться. Хотя в некоторых случаях для краудсорсинга такого масштаба не обязательно создавать отдельный проект и размещать его на специализированном сайте. Достаточно иметь собственные страницы в социальных сетях, блогах и микроблогах. Читатели, чувствуя свою причастность к той или иной проблеме, комментируют, пишут отзывы на материал, делают перепост, пересылают деньги, оказывая таким образом со своей стороны помощь. Журналист, используя народные ресурсы, меньше времени тратит на подготовку текста и получает порой более качественный, а главное — более востребованный материал.

Известны случаи, когда некоторые порталы активно используют народные пожертвования — например, сайт «Русский обозреватель» (<http://www.rus-obr.ru/donate>) или интернет-СМИ «Православие и мир» (<http://www.pravmir.ru/help/>). Интернет-СМИ «Частный корреспондент» периодически работает по схожему принципу: журналистам можно заказывать статьи за 7000 рублей (<http://www.chaskor.ru/order/>) (<http://mnenia.ru/rubric/culture/kraudfanding-dlya-samyh-umnyh/>, Мария Вагина, 6 июля 2012 г.) [1].

- *Crowd voting* (народное голосование) — данный тип краудсорсинга редко используют как самостоятельный метод получения информации, обычно он является дополнением к вышеперечисленным типам. Поскольку механизм голосования в основном используется для принятия лучшего решения путем сравнения и отбора полученных данных. Результаты такого голосования или опроса являются ценным дополнением к любой краудсорсинговой модели. Сетевая журналистика часто использует данный метод в своей повседневной работе, обращаясь к аудитории с просьбой помочь им, вывесив опрос в социальной сети или «голосовалку».

Как правило, в электронных изданиях используют две формы народного голосования — бесплатные и платные. Пример бесплатного народного голосования может быть представлен как линк «пальчик вверх», предназначенный для выставления рейтинговой оценки материалов (с 1 до ...), в форме гиперссылки «поделиться в социальных сетях» (ВКонтакте, Твиттер, Фэйсбук, Одноклассники и т. д.) и последнее — в виде вопросов с односложными вариантами ответов «да», «нет», «не знаю», «может быть» и т. д. Это очень оперативный и простой способ составления и обновления статистики.

Платные формы народного голосования, как показали наши наблюдения, используются в тех случаях, когда автору на платной основе необходимо обработать полученные ответы. Поэтому характер вопросов в таких голосованиях носит, как правило, не закрытый характер, а многовариантный. Такие результаты легче поддаются машинной обработке. Бесплатные опросы, в которых минимум содержатся два закрытых вопроса, особой обработки не требуют, поэтому в этом случае опрос бесплатный. Только характером обработки материалов, по всей видимости, можно объяснить платность или бесплатность опросов.

Как видим, популярность краудсорсинговых моделей обмена информации сегодня очевидна. Однако в этой технологии имеются и недостатки, которые суще-

¹ Особенности краудфандинга в России: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.seopro.ru/news/2012/10/osobennosti-kraudfandinga-v-rossii.html> (дата обращения: 22.01.2013).

ственно ограничивают область ее применения. Во-первых, краудсорсинг порождает массу непрофессиональной активности в решении различных задач, которая может отпугнуть профессиональную аудиторию. Во-вторых, в силу непринудительного участия в различного рода мероприятиях краудсорсинг подходит только для тех задач, которые просты и вызывают общественный интерес, что существенным образом может сужать спектр использования данной технологии в деятельности человека¹. Решение обозначенных проблем видится только в грамотном управлении массового доступа населения к сетевым ресурсам СМИ. Одним из первых путей развития краудсорсинговых технологий в новом направлении может стать образование порталов профессиональных сообществ, которые в отличие от социальных сетей пользуются большим доверием у специалистов. Так будет формироваться «экспертная сеть» — сообщество профессионалов в определенной области, объединенных одной онлайн-платформой, в рамках которой они смогут стать связующим звеном между общественно-значимыми проблемами и пользовательскими идеями по их разрешению². Так, в 2012 г. был проведен международный студенческий конкурс «Масс-Медиа Перспектива», объявленный Российской ассоциацией по связям с общественностью и Высшей школой журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ при поддержке Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями Санкт-Петербурга для поддержания коммуникационных проектов в области рекламы, PR и журналистики [1]. Конкурс под девизом «Твой мир в движении» дал возможность студентам предложить пути решения наиболее важных общественных проблем, а также получить уникальную возможность реализовать свои задумки на портале CITYCELEBRITY.RU. Успешными медиапроектами можно назвать международный онлайн-журнал Matter о технике и науке, который создали известные журналисты таких изданий, как Nature, The Atlantic, The Economist, New Scientist, GigaOM, The Guardian, Businessweek и The New York Times; новый чилийский стартап в области интернет-журналистики Poderopediac [1] с обучающим ресурсом Poderomedia для независимых журналистов и горожан (которых учат, как пользоваться новостными приложениями, как вести репортажи при помощи компьютера, как пользоваться инструментами открытых ресурсов); онлайн медиа-центр paidContent³, который посвящен бизнесу интернет-медиа (впоследствии был куплен газетой The Guardian в 2008 г.)⁴ и др.

Суммируем вышесказанное: медийные проекты и порталы профессиональных сообществ — одна из отправных точек развития краудсорсинга, это формат общественных проектов, которые создаются СМИ или по их заказу с целью повысить собственную капитализацию, увеличить читаемость, повысить качество материалов, поиск новых форм взаимодействия с аудиторией. Не случайно ключевой темой X Форума прессы Северо-Запада стала дискуссия «Краудсорсинг и медиа-среда: синергетический эффект или экспансия дилетантов?», в ходе которой председатель правления ОАО «Сбербанк России» Алексей Ситников, отметил: «Взрывное развитие краудсорсинга в сетевых СМИ и социальных медиа в первом десятилетии XXI в. совершенно изменило природу информационных процессов во всем мире, охваченном Интернетом. Следующее десятилетие будет посвящено поиску спосо-

¹ Экспертные сети — архитектура коммуникаций общества будущего: [Электронный ресурс]. URL: users/files/fortexts/11420.pdf (дата обращения: 4.11.2013).

² Экспертные сети — архитектура коммуникаций общества будущего: [Электронный ресурс]. URL: users/files/fortexts/11420.pdf (дата обращения: 4.11.2013).

³ Why we are moving our media coverage over to Gigaom - paidContent: [Электронный ресурс]. URL: <http://paidcontent.org/2013/11/12/why-we-are-moving-our-media-coverage-over-to-gigaom/> (дата обращения: 4.11.2013).

⁴ Независимое СМИ «Русский Обозреватель»: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rus-obr.ru/donate> (дата обращения: 4.11.2013).

бов и разработке технологий, способных обеспечить максимальный синергетический эффект от этого никогда ранее не существовавшего массового взаимодействия и превратить его в массовое сотрудничество»¹.

Таким образом, одна из новых тенденций сетевой журналистики заключается в том, что мы от потребителей контента перерождаемся в сообщество производителей информации, сообщество, которое более активно задействовано в производстве новостей и акций, мы превращаемся в неотъемлемую часть нашей социальной реальности. Благодаря краудсорсинговым проектам населению предоставляются удобные площадки для проявления собственной инициативы, которая, в свою очередь, помогает в разрешении общественно значимых проблем и способствует развитию коллективного разума.

Литература

1. Мельник Г. С., Рябова Т. Г. Проблема краудсорсинга и краудфандинга в медийном дискурсе: Мат-лы междунар. конф. «Государство и бизнес. Вопросы теории и практики» (15–16 апреля 2013 г.). СПб.: Изд-во СЗИУ РАНХиГС, 2013.
2. Чугреев В. Л. Создание краудсорсинг-проекта для публикации и обсуждения предложений по социально-экономическому развитию региона // Проблемы развития территории. Вып. 6 (62). Вологда, 2012. С. 158.
3. Howe J. The Rise of Crowdsourcing: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html> (дата обращения: 5.045.2013).

References

1. Melnik G. S., Ryabova T. G. *Crowdsourcing and crowd funding problem in a media discourse: Materials of international conference "State and business. Issues of theory and practice"* (April 15–16, 2013) [Problema kraudsorsinga i kraudfandinga v mediinom diskurse: Materialy mezhdunar. konf. «Gosudarstvo i biznes. Voprosy teorii i praktiki», provodimoi 15–16 aprelya 2013 g.]. SPb.: Publishing house of a North-West Institute of Management of RANEPА [Izd-vo SZIU RANKhiGS], 2013.
2. Chugreev V. L. *Creation of crowdsourcing project for the publication and discussion of offers on social and economic development of the region* [Sozдание kraudsorsing-proekta dlya publikatsii i obsuzhdeniya predlozhenii po sotsial'no-ekonomicheskomu razvitiyu regiona] // Problems of development of the territo [Problemy razvitiya territorii]. Vol. 6 (62). Vologda, 2012. P. 158.
3. Howe J. The Rise of Crowdsourcing: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wired.com/wired/archive/14.06/crowds.html> (дата обращения: 5.045.2013).

¹ Вести. Карелия: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spb-venchur.ru/news/19070.htm> (дата обращения: 4.11.2013).

Коррупция как социальное явление: историко-философские и политологические аспекты мировой мысли и практики*

Таирова Нэлли Михайловна

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
 Доцент кафедры истории и политологии
 Кандидат исторических наук, доцент
 mmandrik@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье исследуются природа и сущность коррупции, коннотация которых отражена в известных трудах мыслителей XV–XIX вв., указывается на органическую связь коррупции с политикой. Коррупция характеризуется как дисфункциональный процесс в системе управления, а деятельность чиновников — порочной. Автор рассматривает мировые коррупционные практики и раскрывает борьбу с коррумпированными политическими и банковскими организациями (на примере правления американского президента А. Линкольна).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

коррупция, частная выгода, лесть, взяточничество, доносы, мздоимство, покровительство, зависть, подкуп, коррумпированность, эра коррупции

Tairova N. M.

Corruption as Social Phenomenon: Historical, Philosophical and Politological Aspects of World Thought and Practice

Tairova Nelly Mikhailovna

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
 Associate Professor of the Chair of History and Political Science
 PhD in History, Associate Professor
 mmandrik@mail.ru

ABSTRACT

In the article the nature and essence of the corruption which connotation is reflected in known works of thinkers of the XV–XIX centuries is investigated. Specific organic cooperation of corruption with politics is stated. Corruption is characterized as dysfunctional process in a control system. The author considers world corruption practices and opens fight against the corrupted political and bank organizations (on the example of board of the American president A. Lincoln).

KEYWORDS

corruption, private benefit, flattery, bribery, denunciations, bribery, protection, envy, bribery, corruption, era of corruption

Современное понятие коррупции начинает складываться в XV–XVI вв. В европейских странах основной чертой политической практики становится культивирование коррупционных традиций в высших эшелонах власти. Эпоха Возрождения не была исключением, и коррупция заполняла повседневную жизнь итальянских городов. Не

*Продолжение. Начало см. в «Управленческом консультировании» № 1 за 2014 г. (с. 98–108).

случайно Николо ди Бернардо Макиавелли (1469–1527), автор знаменитого произведения «Государь», определял коррупцию как признак состояния общества, сравнивая ее с болезнью, а именно с чахоткой: вначале она трудно распознается, но легко вылечивается; если же она запущена, то ее легко распознать, но излечить трудно [5, с. 78–79].

Другим пониманием коррупции является его указание на органическую связь коррупции с политикой. Коррупция выступает как определенная система использования публичной деятельности в своих личных интересах. Показательным в этом случае является образ советника государя. Макиавелли своеобразно представляет его характеристику: «Если он больше беспокоится о себе, чем о государе, и во всем ищет выгоды для себя, он никогда не будет хорошим слугой государю, и тот никогда не сможет понадеяться на него» [4, с. 108].

Между тем Макиавелли объясняет, что самым распространенным видом коррупционной зависимости людей является обычная лесть, особый тип отношения одного человека к другому. Философ говорит о лести и льстецах, которых в больших количествах можно встретить при дворах государей. Он совершенно точно показывает картину вживления лести в отношения государя с поданными: если государь стремится изжить лесть, то он подвергает себя опасности, так как может вызвать к себе пренебрежение. Лесть неискоренима, и если государь захочет все-таки услышать правду и каждый сможет сказать ему эту правду, то к нему как к государю перестанут проявлять должное уважение [Там же, с. 109].

И действительно, что же такое лесть? Лесть — это слова и чувства, которые проявляет тот, кто хочет получить личную выгоду от другого — вышестоящего по должности лица. Его никто не просит, чтобы он словесно и физически прогигался, лесть не наказуемое чувство, ее можно услышать и принять за правду, а можно проигнорировать. Макиавелли же предлагает лесть перевести в ранг совета, ибо советоваться с другими государь может тогда, когда он сам хочет, а не тогда, когда хотят другие [Там же, с. 110]. По выражению Макиавелли, коррупция — это использование публичных возможностей в частных интересах.

В Англии беспощадная борьба со взяточничеством велась в период правления Генриха VIII (1491–1547) из династии Тюдоров. В стране существовала система доносов. Ящики для письменных доносов были размещены около королевских учреждений и каждый мог воспользоваться без страха и упрека этой услугой. Таким способом Генрих VIII пытался искоренить мздоимство по всей стране. Однако ему вскоре пришлось отказаться от такого нововведения в фискальной политике. Дело заключалось в том, что за каждый донос его автор получал денежное вознаграждение — фартинг (денежная единица Англии). «Законопослушные» граждане засыпали своими доносами весь бюрократический аппарат, который уже не мог справиться с таким огромным количеством доносов. Как правило, жертвами в основном становились «колдуны», «ведьмы» и др. .

Ярким примером, почему люди ради своей выгоды предают тех, кто живет и ест рядом с ними, получая за это взятки или покровительство сильных мира сего, является теория «естественного состояния», возникшая в XVII в. Так, в основе политического учения Томаса Гоббса (1588–1679) лежит своеобразное представление о природе и страстях человека («Левифан»). Т. Гоббс считал, что человек от природы склонен к преследованию своей частной выгоды, стремится к возвышению над другими. Следовательно, между людьми возникают зависть, ненависть, а в соперничестве они добиваются почета и чинов [1, с. 118]. В целях собственной безопасности люди проявляют недоверие к другим, из соображения чести проявляют неуважение по мелочам, даже из-за несогласия во мнении. То есть люди находятся в состоянии войны, когда каждый является врагом каждого [Там же, с. 86–87].

По Гоббсу выходит, что зависть, слезка, ненависть, мщение, вечный страх, состязательность и месть — это война, а все остальное — мир [Там же, с. 87]. Более того, объясняя природу преступления, философ раскрывает и принципы их осуществления. Гоббс подчеркивает, что в глазах различных людей одно и то же деяние может быть расценено или нравственно положительным, или отрицательным. Причину же преступления Гоббс видит в тщеславии или глупой переоценке собственной личности. Тщеславие, как правило, порождает соответствующее предположение, что наказания, установленные законами, распространяющиеся на всех подданных, не должны применяться к тем, кто обладает богатством, также как к бедным. В этом случае люди, кичащиеся своим богатством, смело совершают преступления в надежде, что им удастся избежать наказания путем подкупа государственного правосудия или получить прощение за деньги или другие формы вознаграждения [Там же, с. 204]. Гоббс в контексте «подкуп» показывает крестный путь к коррумпированной государственной юстиции, которая реально подменяет закон государства законом рынка (деньги — товар) в целях собственного обогащения. Но вот что удивительно, в образ преступника Гоббс включил массу «людей». «Люди» тогда — это определенное множество, которое имеет такое же множество могущественных родственников. Так вот, это множество, завоевавшее себе в обществе популярность и определенную репутацию среди толпы, осмеливается нарушать законы государства, включая в свое собственное преступление надежду, что им удастся оказать давление на ту власть, законы которой они нарушают. Но ведь именно этой власти как государственной машине надлежит заботиться о приведении законов в исполнение [Там же].

С другой стороны, Гоббс пытается понять смысл «подкупа» с позиции действий самого суверена (правителя), на котором лежит обязанность награждать людей. Он рассматривает две ситуации: в первом случае, когда граждане, хорошо отслужившие государству, награждаются и тем самым для других создается стимул верной службы; вторая ситуация моделирует «подкуп» деньгами или повышение какого-либо популярного и честолюбивого подданного, который минимально затратил общественные средства, однако технически такое повышение связано с тем, чтобы нейтрализовать его и не позволять ему вести какую-либо против себя агитацию среди народа. И тогда человек, получивший незаслуженно почести, будет отвергнут и не принят народом. Т. Гоббс критически относится к такому роду вознаграждениям, считая эти знаки внимания суверена не благодарностью, а страхом, последствия которого для государства могут быть вредны [Там же, с. 240].

Тот факт, что люди в своем общении предоставляют друг другу благодеяния, заставляет Гоббса исследовать собственно их сущность и источники их возникновения. В этой связи он выделяет три вида «благодеяний»: благодарность, обязательство и взаимопомощь (классификация выстроена автором данной статьи — от простого к сложному). Во-первых, отношения «благодарности» обычно возникают между тем, кого признают выше стоящим по чину, и подчиненным. Это располагает проявить любовь к своему благодетелю. При этом само принятие благодарности есть честь, оказываемая тому, кто это благодеяние обязывает принимать, и тогда благодарность принимается в качестве оплаты. Другим типом отношений являются отношения между двумя равными по статусу индивидуумами. Однако один из них получает от другого больше благодеяний, чем он сможет возместить ему в равной степени. Тому, кто получил благодеяние в качестве благодарности, остается только проявлять показушную любовь, а в действительности — чувствовать тайную ненависть к своему благодетелю. Человек оказывается в положении несостоятельного должника, который тайно желает, чтобы никогда не видеть этого кредитора [Там же, с. 70]. Что же собой представляет «обязательство»? Если благодеяние обязывает к чему-либо, то обязательство по своей сути есть рабство, а обязательство, которое не может

быть оплачено, есть вечное рабство [Там же]. Но у Гоббса есть и другое объяснение обязательству. В этом случае показаны характерные особенности благодеяния, полученные от человека, который признан выше по чину. Несомненно, такое благодеяние располагает любого из нас к любви дарителю, ибо это благодеяние есть не новое уничтожение, а принятие «благодарности» как чести, и эта честь является оплатой тому, кто обязывает принимать данное благодеяние [Там же]. И, наконец, Гоббс аргументирует благодеяния как «взаимопомощь» и «взаимная услуга», признавая, что они могут располагать к любви, если получены от равного или от ниже стоящего по чину. Согласно намерению получателя эти благодеяния должны содержать надежду на равное воздаяние. Однако нельзя не заметить, что благодеяния по взаимным услугам в свою очередь способствуют появлению ситуации состязательности и включения обеих сторон в конкурентную среду (кто кого превзойдет в благодеянии). Что касается благодеяния как «взаимопомощи», то эта услуга является самой благородной и обеспечивает доверие и любовь к людям.

Совершенно очевидно, что условное деление благодеяний позволяет увидеть возможные элементы коррумпированных отношений, возникающих внутри официальной жизни: во-первых, принимая охотно «благодарность», человек находится в состоянии постоянной оплаты за расположение к нему, хотя чисто внешне благодетелю выражена любовь, но это является вынужденным актом и человек может оказаться в тени властвующего, приспособиться к нему, а соответственно, не сможет реализовать собственные интересы; во-вторых, получая от кого-либо благодеяния, человек ставит себя равным с тем, от кого исходит благое расположение, но если этих благодеяний больше, чем круг возможностей возмещения, то, беря на себя «обязательства» и не справляясь с ними, человек попадает в положение «несостоявшегося должника», что вызывает показную любовь (лесть), неудовольствие и неприятность в общении; в-третьих, в отношениях «взаимные услуги» имеются также некоторые издержки, ведь состязательность и постоянные услуги друг другу могут приводить не к дружбе, а к противостоянию. В состязании есть всегда кто-то первый, но победителей, как говорят, не судят. И только «взаимопомощь» без примеси состязательности есть естественное состояние людей и определена как чистая форма взаимодействия между людьми. Если человек оказывает услуги, то взамен он не может требовать той же отдачи, а вот помощь человек осуществляет по велению сердца, а не ради какой-либо выгоды. Таким образом, Т. Гоббс показывает, что коррумпированные элементы проникли в повседневную жизнь и являются неотъемлемой частью состояния всех отношений между людьми. Соответственно, Т. Гоббс в коррупции видит тот корень зла, из которого вытекают всякого рода соблазны и презрение ко всем законам.

Французский политический мыслитель эпохи Просвещения Шарль-Луи Монтескье (1689–1755) считал коррупцию социальным явлением, которое существует в обществе с тех пор, как только сформировался управленческий аппарат. Так, в вопросе о подарках («О духе законов», кн. 5, гл. XVII) Монтескье ссылается на непримиримую позицию Платона, требовавшего смерти тем, кто принимал подарки за исполнение своего долга: «Не следует принимать подарков ни за хорошие, ни за дурные дела» [6, с. 218]. Следующий аргумент был направлен против римского закона, позволяющего должностным лицам принимать приношения. В силу того что преподношение должно было иметь определенный стоимостный эквивалент, не превышающий 100 экю в год, Монтескье определял римский закон как дурной закон, выдвигая под новый законодательный принцип нравственное основание: «Кому ничего не дают, тот ничего и не желает; те же, кому дают мало, вскоре желают большего, а потом и многого» [Там же, с. 218]. Не менее важные идеи о коррупции Монтескье раскрывает в контексте разложения принципов правления: монархии, аристократии, деспотии. Так, в череде несчастий, которые народ по-

стигает в демократии, Монтескье выдвигает такие крайности, как утрата добродетели и потеря уважения к правителям, развращение и властолюбие, алчность и стремление к роскоши. Вседозволенность приводит народ к единственной цели — заведовать общественной казной. Предела коррумпированность достигает тогда, когда народ начинает свои голоса продавать на выборах за деньги. Те же, кто борется за власть, подкупают народ, выдавая ему из общественной казны деньги за их голосование, но при этом стремятся в итоге получить от народа больше, чем они давали [Там же, с. 254–255].

Однако приход аристократии к власти не устраняет опасности в устройстве государства, ибо власть аристократии только в том случае может проявиться, если она будет соблюдать законы. Но в случае несоблюдения законов возможно появление деспотического государства со множеством деспотов. Испорченность достигает высокого уровня, когда власть становится наследственной, а правление — насильственным. В таком государстве мало добродетели, а государством овладевает дух легкомыслия, небрежности [Там же, с. 257].

В монархии принцип разложения ощутим, когда высшие должности в государстве становятся ступенями рабства (в смысле раболепия, лести), а соответственно утрачивается связь между честью и почестями (человек одновременно может быть унижен до бесчестия и украшен почестями). Кроме того, сановники, будучи в своем рабстве всем обязаны только государю, всегда свободны перед отечеством. Особенность такой власти заключается в том, что если власть государя становится чрезмерной, то в этом случае уменьшается безопасность его особы.

Ш.-Л. Монтескье задается вопросом, если существуют люди, которые могут развращать власть государя, при этом изменяя ее природу, то не совершают ли они против Его Величества особого рода преступление или оскорбление? Причину же возникновения деспотического государства Монтескье видит в том, что лучшие законы превращаются в дурные и обращены против самого государства. Но, чтобы заставить правителей подчиниться законам, народ придумал своеобразное средство как восстание [Там же, с. 260]. Для чего нужен мятеж? Важно заставить правителей подчиниться закону и не злоупотреблять властью. Ссылаясь на Тита Ливия, Монтескье приводит показательный пример: Ганнибал, вернувшись в Карфаген, увидел, что чиновники и первые граждане республики расхищают государственные доходы и злоупотребляют своей властью. Это стало возможным лишь с исчезновением политического института власти, а когда ликвидирован политический институт, тогда исчезает добродетель и на ее место вступают роскошь и порок. И если не контролировать эти недуги, то общество гибнет. Порочность и коррумпированность чиновников появляются там, где отсутствуют контролирующие институты (например, цензура) [Там же, с. 260–263].

Характеризуя состояние деспотического правления, Монтескье обращает внимание на своеобразие его правления. Согласно обычаю при императоре Моголе всякое обращение к вышестоящему лицу или непосредственно к государю, как правило, должно было сопровождаться различного рода приношениями. То есть любой прием просьб мог состояться только при наличии у поданных вознаграждения. По существу, император свои милости продавал за подарки. Из этого Монтескье определяет характер деспотического правления: в государстве нет граждан; связь между высшими и низшими осуществляется посредством карательной силы, которую одни налагают на других. Но при этом Монтескье констатирует, что лишь в том государстве, в котором отсутствуют какие-либо дела, в таком государстве нет надобности обращаться к высокопоставленному лицу с просьбами или жалобами [Там же, с. 218]. Он подчеркивает, что политическая свобода возможна лишь при тех правлениях (умеренных), где не нарушают формы властвования. Но, к сожалению, опыт всех веков показывает, что всякий человек, обладающий властью,

склонен злоупотреблять этой властью. А злоупотребление властью, как известно, может быть бесконечным, пока человек не достигнет положенного ему предела. И чтобы не было возможности к злоупотреблению властью, философ определенно говорит о таком порядке вещей, при котором различные власти должны взаимно сдерживать друг друга.

Вместе с тем Монтескье уповает на то, что возможно возникнет такой государственный строй, «при котором никого не будут понуждать делать то, к чему его не обязывает закон, и не делать того, что закон ему дозволяет» [Там же, с. 289]. Характеризуя коррупцию как дисфункциональный процесс в системе правления, Монтескье особо подчеркивает значимость для государства не только принципа разделения властей, но и соблюдения в нем свободы. Государства гибнут тогда, когда законодательная власть оказывается более испорченной, чем исполнительная [Там же, с. 300].

Как видно, Монтескье не только осуждал коррупцию, но и показал различные формы ее развращенности: получение подарков за выполнение своего государственного долга, алчность и стремление к роскоши, захват общественной казны, подкуп за голоса на выборах, раболепие перед государем, злоупотребление властью, расхищение государственных доходов, продажа милости за подарки. В борьбе с коррупцией Ш.-Л. Монтескье особое значение придает институциональному подходу, позволяющему создать политический и контролирующий орган (типа цензуры). Вместе с тем он был солидарен с Платоном, который осуждал взятки и требовал за принятие подарков смертной казни.

Показательно, но Монтескье не допускал самой идеи ранжирования подарков по определенной стоимости, понимая, что коррумпированность произрастает от малого до большого размера в любом государстве. Следовательно, не следует коррупцию вводить в определенный стоимостный эквивалент, так как у коррупции не может быть никакой ниши в системе государственной службы.

Жан-Жак Руссо (1712–1778), политический мыслитель, писатель французского Просвещения, в письмах к политическим деятелям и философам своего времени, в многочисленных работах объяснял через призму собственной судьбы идеи, распространение которых представлялось полезным для общества. Так, уже в конкурсной работе «Рассуждения о науках» Руссо поставил главный свой вопрос — что является результатом социального неравенства?

Руссо видел, что в обществе одни занимают «почетные места», другие — находятся в «пресловутом неравенстве условий жизни» [2, с. 144]. Следовательно, неравенство не следует сводить только к неравенству материальному. В обществе важную роль играет неравенство оценок людей. Руссо определяет, что существует не только жажда наживы, характеризующая поступки людей, но и стремление обрести социальный статус и уважение в обществе. Например, культурная элита всегда пребывает в состоянии получения этих отличий. Не материальное положение определяет неравенство, а тот стереотип социального поведения, который формирует культурная элита, а государи, как известно, поощряют только тех, кто желает «отличиться». Мыслитель взваливает на культурную элиту ответственность за экономическое неравенство: «Люди делают все, чтобы разбогатеть, но они это делают, прежде всего, для того, чтобы добиться уважения» [12, р. 502]. Руссо понимает, что в обществе, где каждый стремится занять определенное место при власти, а значит, получить материальное благополучие не может существовать добродетели и гуманности.

Великий гуманист был противником монополий, которые предоставлялись некоторым частным лицам. В них он видел возможности неравномерного распределения богатства и полного обнищания масс, что на самом деле обнажало «язвы» монархического правления. Ж.-Ж. Руссо писал: «Досточтимые граждане в полном покое

насыщаются кровью ремесленников и рабочих, а лихоимство дельцов называется полезными талантами и обеспечивает тем, кто ими пользуется, благосклонность государя» [11, с. 146]. Здесь идея Руссо о «неравенстве оценки» человека в обществе созвучна с идеей Гоббса о «содействии могущества» приобретенного богатства и его инструментальности в получении дружбы и уважения в обществе [10, р. 58].

В своих рассуждениях о науках Руссо противопоставляет существующее неравенство «рангов» и оценки человека с позиции его богатства и положения в обществе новому идеалу меритократии (власти способных и творческих людей). Он подчеркивает, что благодаря разумной политике государей культура перестанет быть прибежищем посредственности, которая занимает «места» в академиях и университетах благодаря своим влиятельным покровителям. Это, в свою очередь, порождает дурной пример «недостойной черни», уверяя ее в том, что и она может стать «ученой», не имея на то элитных качеств [2, с. 150–151]. Парадокс состоял в том, что Руссо сам себя причислял к просвещенной элите, но только к истинным ученым, чуждым к общепризнанному стереотипу социального поведения, утверждая, что его аудиторией являются простые люди. Борьба за толерантность в обществе и борьба против коррумпированности судей — вот две главные вехи в его жизни как политика и гражданина. Но как философ он представлял, что возможно будет такое государство, в котором мудрость и добродетель будут цениться выше рангов и богатства.

Таким образом, Ж.-Ж. Руссо подчеркивал, что если возникнет культурная среда, то культурная элита займет в ней достойное пристанище, а государи будут покровительствовать истинным ученым, тем самым исчезнет борьба за почести и богатства (т. е. коррумпированность), а писатели смогут воздействовать на публику своим собственным примером.

В американской политической жизни на рубеже XVIII и XIX вв. для становления американской государственности важную роль сыграли статьи трех авторов: А. Гамильтона (1757–1804), Дж. Мэдисона (1751–1836) и Д. Джея (1745–1829), писавших под псевдонимом Публий, указывающим на связь с легендарным основателем Римской республики — Публием Валерием Публиколой. За полгода они написали 85 статей с интервалом в 1–2 дня, из которых затем был составлен сборник статей «Федералист». В ставшей классической — статье 51 — авторы заложили фундамент под институт разделения ветвей власти. Принцип разделения властей не позволял лицам одного ведомства зависеть по части выгоды от лиц другого ведомства. Эти выгоды они могли предоставлять друг другу за счет своего служебного положения. Суть этой зависимости заключалась в том, что на первое место авторы «Федералиста» поставили вопрос о свободе действий каждого ведомства (законодательной, исполнительной и судебной власти). Если чиновники, в частности, глава исполнительной власти или судья будут находиться в зависимости от законодателей, то их независимость будет чисто номинальной [8, с. 346–347]. Федералисты были обеспокоены тем, что лица, ведающие органами власти, не имеют конституционных средств для борьбы с незаконным вторжением в работу своего ведомства со стороны других лиц или ведомств. Одним словом, они предложили предусматривать меры защиты от посягательств на власть, подразумевая под «мерами защиты» борьбу с коррупцией. По существу, Публий имманентно выразил присущую человечеству проблему соотношения свободы и совести, проявляющуюся по необходимости. И тогда возник вопрос: что же должно противостоять необходимости? Ответ был лаконично сформулирован и логически определен тем, что никакая необходимая мысль не может быть заменена другой, а значит, «честлолюбию должно противостоять честолюбие» [Там же, с. 347]. Что касается свободы, то она должна помочь главе ведомства связать интересы ведомства с конституционными правами, чтобы помешать злоупотреблению властью и создать единый политический организм.

Авторы статьи 51 «Федералиста» реально рассматривали политическую ситуацию и достаточно глубоко проникали в суть проблемы. Они определили, что в политическом поле существуют возможные лазейки для проявления коррупции (получения выгоды). Коррупция из сферы сущего может переходить в наличный живой организм политической власти. Бесспорно, коррупция не может красить природу человеческой деятельности. «Но разве сама необходимость в правлении красит человеческую природу?» [Там же] — задает риторический вопрос Публий. И сам же с определенной символикой раскрывает смысл своего вопроса: «Будь люди ангелами, ни в каком правлении не было нужды» [Там же]. И действительно, если бы людьми правили ангелы, разве нужен был бы надзор над правительством? К сожалению, людьми правят не ангелы — людьми правят люди. Отсюда главная трудность: воздействие на людей необходимо выражать с большой предосторожностью. Авторы концепции борьбы с посягательством и злоупотреблением властью предложили разумный принцип правления: тем, кто правит, следует обеспечить условия надзирать над управляемыми, и одновременно обязать этих правящих надзирать за самими собой [Там же]. Из этого следует, что все человеческие взаимоотношения в системе правления должны находиться под контролем, т. е. каждое должностное лицо обязано надзирать над другим должностным лицом. Безусловно, в этом положении сложным является по своему исполнению принцип служения личного интереса охране общественных прав. По сути, каждый чиновник в соответствии с этой статьей в обязательном порядке обязан соединить свой личный интерес с общественным [Там же]. Иными словами, личный интерес находится в услужении у общественно-го интереса и при этом не может его перевешивать.

Но сама американская политическая практика выдавала множественно коррупционных практик, с которыми сталкивались аристократы и демократы, обвиняя друг друга в развитии и поощрении коррупции. В беспрецедентной по тому времени книге «Демократия в Америке» (1835) французский молодой аристократ, государственный деятель и политический мыслитель Алексис де Токвиль (1805–1859) выделяет коррупцию в определенное понимание социального явления, обнаруживающегося в процессе аристократического и демократического правления. Так, в аристократическом правительстве делами государства занимаются состоятельные люди, которых на государственную должность приводит лишь стремление к власти. Что касается демократических правительств, то государственными деятелями становятся бедные люди, и им только предстоит наживать свое состояние. В аристократическом правительстве руководители если и готовы подкупить других, то сами практически недоступны для коррупции — здесь удар наносится нравственности общества. При демократическом руководстве — подкупленными являются сами правители и вполне вероятно — косвенно нарушается само общественное сознание, возникает ситуация, когда, находясь под подозрением, руководители государства обеспечивают поддержку тем преступлениям, в которых их обвиняют. И это, как следствие, становится опасным для добродетели, ибо она еще пытается бороться с пороком, но вынуждена сдавать свои позиции и проводить выгодные для порока интересы.

Ученый обращает внимание на то, что «непристойные страсти» могут обнаруживать себя в любой среде: и у тех, кто сидит на троне по праву рождения, и у тех, кто стоит во главе аристократического или демократического государства. Согласно де Токвилю коррупция не может быть утонченной или грубой (вульгарной). Даже последний негодяй сможет разобраться, где обкрадывают общественную казну, а где продают за деньги государственные услуги, при этом будет доволен тем, что может быть и он к этому причастен.

Далее, де Токвиль делает попытку понять суть безнравственности: что страшнее — безнравственность людей, стоящих у власти, или безнравственность, ведущая их к власти? Во главу угла он ставит тот самый порок, который объединяет

понятия власть и низость, успех и недостойность его, полезность и бесчестие [7, с. 176–177]. Сравнивая положение дел во Франции, де Токвиль критически объясняет, что многие, кто находился у власти, сделали свое состояние за счет государства.

Что же касается сложившейся практики в избирательном процессе, то во Франции были случаи, когда голос избирателя покупался за деньги, и этот факт был нарушением, а в Англии, напротив, этот же факт был общеизвестен и ему придавали статус гласности, не видя в нем криминала. Выделяя идеалы Соединенных Штатов, А. де Токвиль признается, что ему не пришлось слышать, что кто-то смог употребить свое состояние на подкуп тех, кто правит. Однако он был свидетелем, когда под сомнение ставилась честность государственных чиновников, а их успех был приписан «низким интригам или преступным махинациям» [Там же, с. 177].

На самом же деле в Америке с самого начала правительство рассматривалось как неприятная и неизбежная необходимость. Известный федералист Джордж Кабот еще в 1804 г. говорил, что демократия — это «правительство наихудших». Демократия для отцов-основателей Соединенных Штатов оставалась идеей, а само создание нового государства — экспериментом [3, с. 64]. Даже Томас Джефферсон, автор Декларации независимости США 1776 г., сомневался в реальной возможности ее процветания. Установление демократии и одновременно борьба с коррупцией определили деятельность многих президентов в истории США.

Так, вступая в борьбу с коррупцией, президент Авраам Линкольн (1805–1865) хотя и не имел никакой антикоррупционной программы, но понимал, что борьба с ней будет жесткой в силу того, что жадность и личный интерес к выгоде толкают многих на подкупы, взяточничество, махинации, тайные сговоры в парламенте, другим бедствием были гражданская война Севера и Юга, а также заговоры европейских стран против его страны, определившие как внутреннюю, так и внешнюю политическую сторону деятельности его правительства. Линкольн-президент по сути выиграл три крупные коррупционные битвы: во-первых, XIII поправка к Конституции об отмене рабства и принятие ее палатой представителей, во-вторых, гражданское согласие Севера и Юга и окончание гражданской войны и, в-третьих, политический конфликт с европейскими банками и одновременно содружество с Россией в целях недопущения войны с Англией и Францией.

Несмотря на то что на исходе войны Конгресс принял Акт от 25 февраля 1865 г. о создании национального банка, Линкольн, выступавший против этого, все же выиграл битву с банковской системой, выпустив в феврале 1862 г. свои собственные «гринбеки». Этим он спас свое правительство от заема денег у банкиров на ведение войны армией Севера.

Другим немаловажным шагом Линкольна явилось содружество его правительства с Россией, которая во главе с Александром II откликнулась и поддержала его, послав к берегам США морскую флотилию для устрашения Англии и Франции, чтобы те не могли оказывать помощь Югу и не вступали в войну с Севером. В случае нарушения нейтралитета русская эскадра должна была выступить на стороне Севера. В благодарность за незамедлительную помощь своему правительству Линкольн издал Манифест об освобождении рабов в знак уважения к русскому народу и его царю, чья добрая воля в 1861 г. подобным манифестом освободила крепостных. Сложность политической игры заключалась в том, что у Линкольна не было тыла и в своем правительстве: министр финансов провел через Конгресс Акт о национальном банке, а военный министр вел закулисные игры и был впоследствии причастен к убийству самого А. Линкольна.

Для понимания коррумпированности в американском обществе знаменательна речь Авраама Линкольна по поводу решения Конгресса 25 февраля 1865 г. об открытии в США национального банка. Предостерегая американский народ от даль-

нейших необдуманных шагов, Линкольн высказал свое беспокойство о состоянии общества: «Власть денег грабит страну в мирное время и устраивает заговоры в тяжелые времена. Она более деспотична, нежели монархия, более высокомерна, нежели самодержавие, и более себялюбива, нежели бюрократия. Я предвижу наступление кризиса в ближайшем будущем, что лишает меня спокойствия и заставляет опасаться за безопасность своей страны. Корпорации вступили на престол, грядет эра коррупции, и власть денег в стране будет стремиться продлить свое господство, воздействуя на предрассудки до тех пор, пока богатство не соберется в руках немногих и республика не погибнет» [9]. Чего или кого же опасался Линкольн? Он вполне реально оценил ситуацию, выделяя в ней три сферы, в которых возникает коррупция — плутократия (власть банкиров), олигархия (власть корпораций), бюрократия (власть чиновников). Властью банкиров определялась банковская система в Штатах. Банки Штатов выпускали деньги США. Эти деньги были обеспечены золотом, а деньги Линкольна «гринбеки» были просто неразменными банкнотами. Именно банки начали вести подготовку к Гражданской войне и отделению Юга от Севера, а лондонский банковский синдикат окончательно принял решение разделить США на две части и ввергнуть их в войну Севера и Юга. С одной стороны, банки наживались на войне, так как правительства всегда нуждались в оплате военных операций и занимали под проценты у них деньги. А с другой стороны, европейский синдикат стремился ускорить создание в США национального банка, подконтрольного ему.

Предметом спора между Севером и Югом стал острый вопрос — отмена рабства. Рабовладельческий Юг не мог отступить от старого феодального уклада жизни и уступить индустриально-городскому Северу. Однако Линкольн преодолел правовой пат и применил все доступные политические средства вплоть до подкупа своих противников, действуя по формуле «цель оправдывает средства». Кроме того, он предпринял ряд стратегических махинаций (передача некоторым оппозиционным депутатам рабочих мест), привлек лоббистов для достижения принятия XIII поправки к Конституции об отмене рабства, против которой выступала оппозиция со стороны демократической партии. Не случайно в речи Линкольна возникает понятие «заговор». Ему действительно пришлось преодолевать как внешние, так и внутренние заговоры. Даже в своем правительстве он не находил поддержки. И хотя Линкольн использовал коррумпированные средства, пользуясь властью президента, историческая судьба американского народа была выше установленных процедур и партийных разногласий. Коррупцию он преодолевает посредством самой же коррупции. Линкольн не смог противостоять лишь собственному убийству. Оно было совершено 14 февраля 1865 г. тайным агентом конфедератов — актером Джоном Уилксом Бутом — уже после капитуляции конфедеративных штатов. Тем не менее 16-й президент США от республиканской партии А. Линкольн в своей последней речи предрек «эру коррупции» как уже наступившую, предупреждая априори американский народ о ее силе и пагубности для государства.

Как видно, на протяжении многих веков не только шел процесс формирования методов борьбы с коррупцией, но и разрабатывались различные подходы к пониманию коррупционных действий в работах известных политических философов и практиков. И хотя коррупция не была тотальной, но все же она была одним из символов государства — Левиафана и воспринималась чудовищно угрожающим явлением для существования демократического государства. И чтобы сломить миф о непобедимости коррупции, интеллектуально-разумная часть общества стала разоблачать ее силу и ее сущность, стремясь сохранить государственное тело не в качестве какой-то коррумпированной машины, а живым организмом, где существуют добродетели и честные люди, правила игры и законы справедливости.

Окончание в следующем номере.

Литература

1. Гоббс Т. Левиафан. М.: Мысль, 2001.
2. Занин С. В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII в. СПб.: ИД «Мир», 2007.
3. Крашенинникова В. Россия — Америка: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М.: Европа, 2007.
4. Макиавелли Н. Государь / Пер. с ит. К. А. Тананушко. М.: АСТ, 2002.
5. Макиавелли Н. Избранное. М., 1999.
6. Монтескье Ш.-Л. Избранные произведения. М.: Изд-во полит. лит., 1955.
7. Токвиль А. де. Демократия в Америке / Пер. с франц.; Предисл. Г. Дж. Ласки. М.: Прогресс, 1992.
8. Федералист. Политическое эссе А. Гамильтона, Дж. Мэдисона, Д. Джея. М.: Весь мир, 2000.
9. Эпперсон Р. Невидимая рука // Красная Звезда. 10 февраля 2010. // Авраам Линкольн: «Грядет эра коррупции»: www.redstar.ru (дата обращения: 11 июня 2013 г.)
10. Hobbes T. *Leviathan*. Chapter XX, 2–6. Oxford, 1996.
11. Launay M. J.-J. Rousseau, *ecrivain politique*. Geneve. 1989. P. 191 // Занин С. В. Общественный идеал Жан-Жака Руссо и французское Просвещение XVIII века... С. 146.
12. Rousseau J.-J. *Fragment politiques*. Vol. 1 // *Oeuvres complétées*. T. III

References

1. Hobbes T. *Leviathan [Leviathan]*. M.: Thought [Mysl'], 2001.
2. Zanin S. V. *Jean-Jacques Rousseau's public ideal and the French Education of the XVIII century* [Obshchestvennyi ideal Zhan-Zhaka Russo i frantsuzskoe Prosveshchenie XVIII v.]. SPb.: Mir publishing house [Izdatel'skii dom «Mir»], 2007.
3. Krasheninnikova V. *Russia — America: cold war of cultures. As the American values refract vision of Russia* [Rossiya — Amerika: kholodnaya voina kul'tur. Kak amerikanskii tsennosti prelomyayut videnie Rossii]. M.: Publishing house “Europe” [Izd-vo «Evropa»], 2007.
4. Machiavelli N. *The Prince [Gosudar']* / Transl. from Italian K. A. Tananushko. M.: JSC “AST Publishing house” [«Izd-vo AST»], 2002.
5. Machiavelli N. *Chosen works* [Izbrannoe]. M., 1999.
6. Montesquieu Che.-L. *Chosen works* [Izbrannye proizvedeniya]. M.: Publishing house of Political literature [Izd-vo Politicheskoi literatury], 1955.
7. Alexis de Tocqueville. *Democracy in America [Demokratiya v Amerike]*: Transl. from French. Introduction H. Dzh. Laski. M.: Progress, 1992.
8. *Federalist. Political essays* [Federalist. Politicheskoe esse] of A. Hamilton, J. Madison, J. Jay. M.: “Whole World” [«Ves' mir»], 2000.
9. Epperson R. *Invisible hand* [Nevidimaya ruka] // Red Star [Krasnaya Zvezda]. February 10, 2010. // Abraham Lincoln: “Coming Era of Corruption” [«Gryadet era korruptsii»]: www.redstar.ru (date accessed 11 June 2013)
10. Hobbes T. *Leviathan. Chapter XX, 2–6*. Oxford, 1996.
11. Launay M. J.-J. *Rousseau, ecrivain politique*. Geneve, 1989. P. 191 // Zanin S. V. Jean-Jacques Rousseau's public ideal and the French Education of the XVIII century... P. 146.
12. Rousseau J.-J. *Fragment politiques*. Vol. 1 // *Oeuvres complétées*. T. III

Тенденции и проблемы инновационного развития организаций в Российской Федерации

Тургаев Сергей Александрович

Помощник директора ОАО «НПП «Радар ммс» (Санкт-Петербург)
Аспирант СЗИУ РАНХиГС
turgaev_sa@radar-mms.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены тенденции и проблемы развития экономики России, проанализированы показатели инновационной деятельности по секторам экономики, в том числе по обрабатывающей промышленности, исследована структура затрат на инновационную деятельность, оценены ее результаты и сформулированы направления решения проблем инновационного развития.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

инновации, промышленность, развитие, виды деятельности, технологии

Turgaev S. A.

Trends and Problems of Innovative Development of the Organizations in the Russian Federation

Turgaev Sergei Aleksandrovich

Assistant Director of JSC "Radar mms" (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Postgraduate student of North-West Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
turgaev_sa@radar-mms.com

ABSTRACT

The article describes the trends and problems of the Russian economy, various indicators of innovation across economical sectors, including manufacturing, were analyzed, the cost structure on innovation was investigated, the results and conclusions are drawn was evaluated. Directions of innovative development solutions are formed.

KEYWORDS

innovation, industry, development, activities, technologies

Инновационный тип развития экономики предполагает, что рост производства и совершенствование его качества происходят на основе внедрения научно-технических нововведений (инноваций). В прошлые периоды экономического развития традиционно выделяли экстенсивный и интенсивный типы экономического роста. При интенсивном типе увеличение роста достигалось за счет увеличения объема используемых ресурсов как материально-вещественных, так и трудовых. При интенсивном типе экономического роста объем потребляемых ресурсов мог не изменяться, но возрастала интенсивность их использования, внедрялись новые технологии, оборудование, материалы. Инновационный рост является разновидностью интенсивного роста.

Инновационное развитие экономики естественным образом требует активизации инновационной деятельности. Само понятие инновационной деятельности пока еще недостаточно формализовано и структурировано, употребляется чаще всего в самом общем плане. Статистические обследования выделяют следующие основные виды инновационной деятельности организаций, которые находят выражение в структуре затрат на инновации [5].

1. Основную часть составляют затраты на технологические инновации, которые группируются по следующим видам инновационной деятельности: исследования и разработки; приобретение машин и оборудования; приобретение новых технологий; приобретение прав на патенты, лицензий; приобретение программных средств; производственное проектирование; другие виды подготовки производства; обучение и подготовка персонала.

2. Кроме того, в структуре инновационной деятельности выделяются работы, связанные с организационными, процессными, продуктовыми, маркетинговыми и экологическими инновациями. По ним достоверная статистическая отчетность отсутствует. К инновационной деятельности также следует отнести развитие информационно-коммуникационных технологий, исследования по нанотехнологиям, подготовку высококвалифицированных кадров по новым специальностям и направлениям.

Суммарные расходы на инновационную деятельность в экономике России в 2012 г. можно оценить примерно в 3,5 трлн руб., т. е. примерно 6% от валового продукта. Из них расходы на научные исследования и разработки составляют только 1,5% от ВВП, т. е. примерно в 3 раза ниже, чем в наиболее развитых в экономическом отношении странах.

Система показателей, характеризующая инновационную деятельность, пока еще не до конца разработана и не позволяет с необходимой полнотой оценить состояние и тенденции развития экономики страны. Наиболее часто употребляются показатели, характеризующие объемы и структуру затрат на инновационную деятельность, долю инновационных товаров в общем объеме выпуска, количество внедренных новых технологий.

Как отмечает ряд авторов, для российской экономики инновационный тип развития представляет собой единственно возможный путь для поддержания минимально возможной конкурентоспособности на мировых и внутреннем рынках [2; 4]. Объективно существующие негативные факторы развития экономики России (разреженность экономического пространства, обуславливающая резкое увеличение транспортных расходов, и северное расположение, определяющее высокие энергозатраты на производство единицы продукции) могут быть преодолены только за счет научно-технических прорывов, построения экономики инновационного типа.

Необходимость инновационного развития экономики страны со всей остротой была осознана в период после 1998 г., когда встал вопрос выбора нового экономического курса для страны, тогда же стал употребляться термин «инновации и инновационное развитие». Задачи инновационного развития были сформулированы в первой программе среднесрочного развития экономики России (2003 г.), ряде посланий президента страны. Был разработан ряд федеральных целевых программ по приоритетным направлениям научных исследований и разработок.

В 2005 г. были утверждены Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г., в 2006 г. — Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 г. Наконец, в 2011 г. была принята Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г.

Активизация управленческих действий, научных разработок по проблемам инновационного развития страны — это важный и необходимый этап. Однако их воздействие на экономику пока ощущается достаточно слабо. Об этом свидетельствуют некоторые показатели в развитии экономики России в период после 2000 г., приведенные в табл. 1.

Анализ показателей развития экономики России и инновационной деятельности показывает, что сколь-нибудь явно выраженных положительных тенденций в инновационном развитии экономики России пока не наблюдается. По отдельным

**Некоторые показатели развития экономики и инновационной деятельности
в Российской Федерации**

Показатель	2000 г.	2005 г.	2012 г.
Темпы прироста ВВП, %	10,0	6,4	3,4
Темпы роста промышленного производства, %	8,7	5,1	2,6
Темпы прироста производительности труда в экономике, %	8,8	5,5	3,8
Темпы прироста производительности труда в обрабатывающих производствах, %	7,5	6,0	4,7
Темпы прироста инвестиций в основной капитал, %	17,4	10,2	6,6
Рентабельность проданных товаров, продукции, работ, услуг, %	14,5	13,5	9,0
Коэффициент обновления основных фондов, %	1,8	3,0	4,0
Степень износа основных фондов, %	39,3	25,2	48,0
Численность персонала, занятого исследованиями и разработками, млн чел.	8,9	8,1	7,4
Суммарные затраты на инновационную деятельность, млрд руб.	750	1200	3400
Затраты на технологические инновации (в пост. ценах 2000 г.), млрд руб.	49	57	110
Объем промышленного производства инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	200	546	1847
Удельный вес инновационных товаров в общем объеме выпуска, %	4,4	5,0	6,1
Созданные передовые технологии, ед.	688	637	1200
Используемые передовые производственные технологии, тыс. ед.	70	141	200

Источник данных: Росстат.

показателям имеют место разнонаправленные тенденции. Показатели, которые должны быть связаны между собой, имеют часто разные векторы развития. Это говорит о том, что инновационное развитие экономики в РФ пока не представляет собой управляемого системного процесса, не имеет достаточной целенаправленности и программного управления.

По ряду показателей инновационного развития наблюдается определенная положительная динамика. Растут затраты, увеличивается количество созданных и используемых организациями передовых производственных технологий. Однако адекватной динамики результирующих экономических показателей пока не наблюдается. Падают темпы роста производительности труда, снижается рентабельность, уменьшается численность персонала, занятого исследованиями и разработками. Это может быть обусловлено значительным временным лагом между проведением инновационных мероприятий и эффектом от их реализации.

Кроме того, отчетность о внедрении и использовании передовых технологий отмечает лишь начальные фазы в общем цикле их жизни, не характеризует уровень использования. Более половины новых технологий не связано непосредственно с производством и локализуется в информационно-управленческой сфере. Наконец,

общий объем внедренных и эффективно действующих инноваций пока еще явно недостаточен и не ведет пока к серьезному, качественному перелому в экономике. Так, коэффициент обновления основных фондов хотя увеличился более чем в 2 раза, но составляет только 4%. Иными словами, оборудование будет заменено полностью только через 25 лет, в то время как в современной динамичной рыночной экономике средний срок службы оборудования составляет 7–10 лет. В результате степень износа основных фондов в экономике увеличилась с 39% в 2000 г. до почти 50% к 2013 г.

Рассмотрим более подробно ситуацию с инновационной деятельностью в сфере обрабатывающей промышленности, являющейся основным производителем и пользователем новых производственных технологий. Некоторые наиболее важные показатели инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности России приведены в табл. 2.

Тенденции инновационного развития в обрабатывающей промышленности складываются несколько более благоприятно, чем в целом по экономике Российской Федерации. Выше коэффициент обновления основных фондов и удельный вес инновационных товаров в общем объеме выпуска, растет доля затрат на технологические инновации. Лучше выглядят результирующие показатели развития — индекс физического объема выпуска, индекс производства и производительности труда. Вместе с тем наблюдаются серьезные негативные тенденции. Падает доля валовой добавленной стоимости в общем объеме выпуска, прогрессирует износ основных фондов.

В составе обрабатывающей промышленности наиболее представительной отраслью, с точки зрения исследования инновационной проблематики, является «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования». Исключая, естественно, сферу оборонной и космической промышленности, где локализуется основная часть инновационной российской экономики. В табл. 3 приведены основные показатели инновационного развития данной отрасли.

Анализ отчетных данных показывает, что инновационный потенциал данной высокотехнологичной отрасли используется недостаточно. При существенном возрастании затрат на технологические инновации уровень инновационного развития отрасли не повышается. Практически все индикаторы не обнаруживают сколь-нибудь положительной динамики. Как определенный позитивный момент можно отметить увеличение удельного веса отрасли в структуре всей обрабатывающей промышленности.

Следует отметить значительную и все увеличивающуюся концентрацию инновационной деятельности в данной отрасли в столичных регионах страны. Их доля по рассматриваемой отрасли составила в 2012 г. 35% (коэффициент локализации 1,33) против 26% в 2005 г.

Важной для анализа тенденцией инновационного развития является оценка изменений в структуре затрат на инновации. По рассматриваемой отрасли динамика структуры затрат на технологические инновации отражена на рис. 1.

Позитивным структурным сдвигом является рост доли затрат организации на исследования и разработки. В то же время резко сократились затраты на производственное проектирование. Очень мала доля затрат организаций на подготовку персонала по новым технологиям — всего 0,6%, хотя некоторый рост здесь наблюдается [6; 8].

Подводя итог, следует сделать вывод об отсутствии четко выраженного предпринимательского интереса и серьезной мотивации к разработке и внедрению инноваций. В сфере обрабатывающей промышленности они осуществляются в основном за счет федерального финансирования и не дают пока ощутимого результата для реального сектора экономики. При этом федеральное финансирова-

Динамика основных показателей инновационного развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации

Показатель	2005 г.	2008 г.	2012 г.
Индекс физического объема выпуска, %	104,6	99,7	104,2
Валовая прибыль, млрд руб.	2087	3474	4100
Доля валовой добавленной стоимости в общем выпуске, %	32,0	30,4	28,5
Доля инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, %	7,0	6,6	6,9
Доля затрат на технологические инновации в общем объеме текущих и капитальных затрат, %	1,3	1,7	2,1
Коэффициент обновления основных фондов (в сопоставимых ценах)	5,4	6,9	6,2
Коэффициент выбытия основных фондов (в сопоставимых ценах)	1,8	1,4	1,1
Степень износа основных фондов, %	47,1	45,6	46,5
Доля машин и оборудования в составе основных фондов, %	25,2	24,4	22,0
Степень износа машин и оборудования, %	51,5	48,0	50,0
Удельный вес полностью изношенных основных фондов, %	24,3	17,8	18,5
Индекс производства, % к предыдущему году	107,6	100,5	105,6
Объем отгруженных товаров (в фактически действовавших ценах), трлн руб.	8,9	16,9	25,1

Источник: Росстат.

ние осуществляется практически полностью на безвозвратной основе, кредитные инструменты практически не применяются. Соответственно нет материальной заинтересованности в быстром налаживании производства и реализации инновационного продукта на рынке.

Активизация инновационного развития экономики России, повышение эффективности затрат на инновации сдерживаются целым рядом серьезных и не решаемых в течение длительного времени проблем. Их можно сгруппировать в несколько блоков.

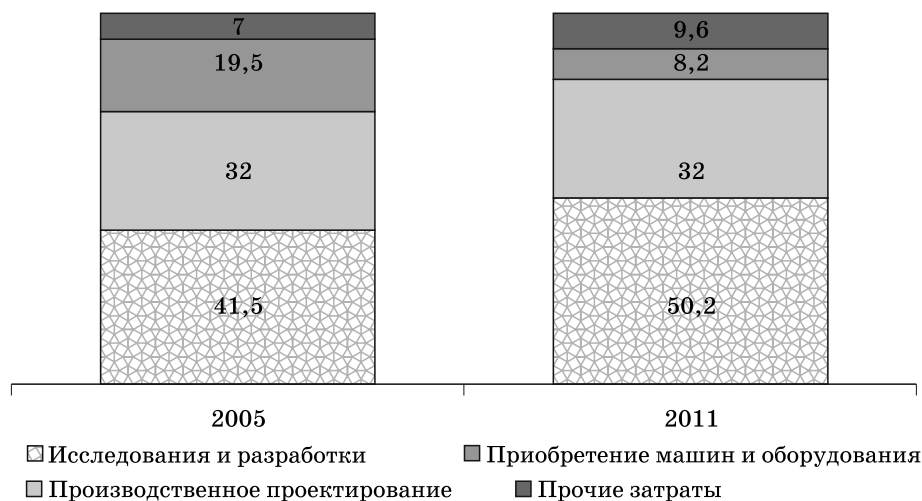
Первая группа проблем связана со спросовыми ограничениями. Многие организации не имеют отчетливой стратегии долгосрочного развития, что не позволяет формировать долгосрочную инновационную политику. Отмечается недостаточный уровень предпринимательской уверенности в перспективах развития организации. Имеет место недоверие потребителей к отечественной инновационной продукции. В итоге можно констатировать, что спрос на отечественные инновационные продукты остается на низком уровне. Спрос на импортные инновационные технологии имеет тенденцию к росту, однако общий его объем не соответствует реальным потребностям экономики. Данный факт отмечается в ряде публикаций по проблемам инновационного развития [1; 3; 7].

Серьезным препятствием к внедрению инноваций являются финансовые проблемы. Здесь можно отметить отсутствие у большинства предприятий финансовых ресурсов для инновационного развития, особенно если оно связано с импортом уникального оборудования и технологий. Механизмы финансовой поддержки инно-

**Основные показатели инновационного развития отрасли
«Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования»**

Показатель	2005 г.	2008 г.	2012 г.
Число предприятий и организаций, тыс.	35	33	34
Число действующих организаций, тыс.	14	17	21
Объем отгруженных товаров, млрд руб.	452	910	14 31
Доля отрасли в общем объеме обрабатывающей промышленности, %	5,1	5,3	6,0
Индекс производства, % к предыдущему году	133	93	104
Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации, %	25,0	25,8	24,9
Удельный вес организаций, осуществляющих процессные инновации, %	11,5	11,7	11,3
Удельный вес организаций, осуществляющих продуктовые инновации, %	21,2	21,3	21,0
Затраты на технологические инновации, млрд руб.	10	19	30
Доля затрат на технологические инновации в общем объеме текущих и капитальных затрат, %	1,6	2,0	2,9
Объем производства инновационных товаров, работ, услуг, млрд руб.	33	57	95
Доля инновационных товаров в общем объеме производства отрасли, %	3,7	3,3	4,0

Источник: Росстат.

Динамика структуры затрат на технологические инновации отрасли «Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования» по видам инновационной деятельности за 2005 и 2011 гг.

Разработано на основе материалов Росстата.

вационных проектов со стороны государства недостаточны и нуждаются в совершенствовании. Отметим также дороговизну банковского кредита, неразвитость финансовых институтов, ориентированных на разработку и внедрение инновационной продукции. Существующая система налогообложения не стимулирует развитие инновационной деятельности в организациях. Так, например, налог на имущество организаций при переходе на его исчисление по рыночной стоимости фактически будет препятствовать приобретению предприятиями современного инновационного оборудования, им выгоднее будет работать на старых, изношенных фондах.

Еще одной проблемой является недостаточно научное обеспечение инновационного развития. Это выражается в слабой связи научного и производственного секторов экономики (направления научных исследований зачастую формируются в отрыве от потребностей реальной экономики). Собственная опытно-конструкторская база предприятий существенно сократилась и во многих случаях используется не по назначению. Т. е. свою роль как базы инновационного развития организации она выполняет далеко не в полной мере. Идет существенное сокращение научно-технического персонала на большинстве научно-производственных предприятий России, даже в высокотехнологичных секторах [3].

Разработка и внедрение современных технологий тесно связаны с подготовкой кадров нового поколения. С одной стороны, в экономике повышается доля работников, имеющих высшее, среднее и начальное профессиональное образование. С другой стороны, качественный уровень подготовки специалистов не повышается, а по ряду востребованных новых направлений ощущается острый дефицит инженерно-технических и рабочих кадров.

Наконец, нельзя не назвать уже давно известные проблемы бюрократического характера в системе управления организациями, в сфере охраны интеллектуальной собственности, неразвитость инновационной инфраструктуры и т. д.

Перспективная инновационная политика государства и бизнеса должна ориентироваться в первую очередь на реализацию стратегических задач развития российской экономики и повышение ее конкурентоспособности. Первоочередными задачами инновационной политики должно быть решение тех проблем, которые затрудняют инновационное развитие предприятий — основного звена экономики. Разработанная Правительством РФ Стратегия инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. предлагает целый ряд необходимых направлений и стратегических мероприятий, содействующих инновационному развитию предприятий. В частности, серьезное внимание уделено таким связанным с реальным сектором экономики мерам, как формирование эффективной инновационной среды для предприятий, стимулирование внедрения инноваций, поддержка создания новых инновационных компаний, совершенствование системы государственных закупок.

Однако реализация этих мер требует создания более совершенных и адаптированных к условиям деятельности российских предприятий механизмов государственного регулирования, включая налоговые, кредитные, бюджетные и иные инструменты. Первостепенное внимание должно быть уделено, с одной стороны, созданию эффективной среды для инициирования, разработки и внедрения инновационных проектов на предприятиях, а с другой — созданию условий для возникновения в российской экономике нового типа предприятий — инновационных фирм, которые производят различные инновационные продукты и формируют соответствующие рынки инновационной продукции.

Литература

1. Гохберг Л. М., Кузнецова Т. Е., Рудь В. А. Анализ инновационных режимов в российской экономике // Форсайт. Т. 4, № 3. 2010. С. 18–31.

2. *Инновационное развитие экономики: Международный опыт и проблемы России* / Науч. ред. В. П. Федоров. М.; СПб.: Нестор История, 2012.
3. *Кузнецова Т. Е., Рудь В. А. Конкуренция, инновации и стратегии развития предприятий // Вопросы экономики. 2013. № 12. С. 81–109.*
4. *Перекрест В. Т., Перекрест И. В. Проблемы государственного регулирования инновационной сферы // Управленческое консультирование. № 3. 2010. С. 146–156.*
5. *Российский статистический ежегодник. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.*
6. *Россия в цифрах. 2013: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2013.*
7. *Сикацкий В. А., Курепина Е. А. Инновационная бизнес-модель как фактор достижения конкурентных преимуществ фирмы // Управленческое консультирование. № 3. 2010. С. 133–145.*
8. *Финансы России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012.*
9. *Экономика инновационного развития / Под ред. М. В. Кудиной, М. А. Сажинной. М.: ИНФРА-М, 2014. 256 с.*

References

1. Gokhberg L. M., Kuznetsova T. E., Rud' V. A. *The analysis of innovative modes in the Russian economy* [Analiz innovatsionnykh rezhimov v rossiiskoi ekonomike] // Forsythe [Forsait]. Vol. 4, N 3. 2010. P. 18–31.
2. *Innovative development of economy: International experience and problems of Russia* [Innovatsionnoe razvitiye ekonomiki: Mezhdunarodnyi opyt i problemy Rossii] / Scientific Edition V. P. Fedorov. M.; SPb.: Nestor-History [Nestor-Istoriya], 2012.
3. *Kuznetsova T. E., Rud' V. A. Competition, innovations and strategy of development of the enterprises* [Konkurentsiya, innovatsii i strategii razvitiya predpriyatii] // Questions of Economy [Voprosy ekonomiki]. 2013. N 12. P. 81–109.
4. *Perekrest V. T., Perekrest I. V. Problem of state regulation of the innovative sphere* [Problemy gosudarstvennogo regulirovaniya innovatsionnoi sfery] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. N 3. P. 146–156.
5. *Russian statistical year-book. 2012: Statistic Digest* [Rossiiskii statisticheskii ezhegodnik. 2012: Stat. sbornik] / Rosstat. M., 2012.
6. *Russia in figures. 2013: Statistic Digest* [Rossiya v tsifrakh. 2013: Krat. stat. sbornik] / Rosstat. M., 2013.
7. *Sikatskiy V. A., Kurepina E. A. Innovative business model as factor of achievement of competitive advantages of firm* [Innovatsionnaya biznes-model' kak faktor dostizheniya konkurentnykh preimushchestv firmy] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2010. N 3. P. 133–145.
8. *Finance of Russia. 2012: Statistic Digest* [Finansy Rossii. 2012: Stat. sbornik] / Rosstat. M., 2012.
9. *Economy of innovative development* [Ekonomika innovatsionnogo razvitiya] / Under the editorship of M. V. Kudina, M. A. Sazhina. M.: INFRA-M, 2014. 256 p.

Антикризисное и противоциклическое регулирование национальной экономики и его влияние на экономический рост

Жигунов Валерий Петрович

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Аспирант кафедры общей экономической теории
valerij.zhigunov@gmail.com

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрены теоретические основы антикризисного и противоциклического регулирования национальной экономики, а также оценена степень реализации этих разработок в российской макроэкономической политике. Обоснован вывод о неэффективности, с позиций обеспечения экономического роста, денежной политики. Выявлено, что приоритетом бюджетной политики должно стать целевое финансирование государственных целевых программ развития промышленности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

государственное регулирование экономики, кризис, бюджет, макроэкономическая политика, экономический рост

Zhigunov V. P.

Anti-crisis and Anti cyclic Regulation of National Economy and its Influence on Economic Growth

Zhigunov Valery Petrovich

Saint-Petersburg State Economic University (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Graduate student of the Chair of the Common Economic Theory
valerij.zhigunov@gmail.com

ABSTRACT

In the article theoretical basis of anti-crisis and ant cyclic regulation of national economy are considered. Level of realization of this development in the Russian macroeconomic policy is estimated. The conclusion on inefficiency of monetary policy (from positions of ensuring economic growth) is made. It is revealed that financing of the state target programs of development of the industry has to become a priority of the budgetary policy target.

KEYWORDS

state regulation of economy, crisis, budget, macroeconomic policy, economic growth

Отказ от планово-административной модели хозяйствования с присущими ей недостатками, который рядом отечественных экономистов, например, одним из идеологов рыночных реформ Е. Т. Гайдаром, рассматривался как благо и значительный шаг вперед по пути экономического прогресса, который ассоциируется со свободным рынком, как выяснилось, не решает всех проблем общества. Опыт более чем 20-летнего реформирования экономики России демонстрирует, что альтернативные хозяйственные системы имеют не только альтернативные преимущества, но и альтернативные же недостатки [1; 4; 11; 13; 15; 17 и др.].

Как выяснилось на практике, критиковавшаяся в советских учебниках политэкономии стихийность развития рыночной экономики — это вовсе не попытка «очернить рынок», а аргументированное описание присущей ему проблемы, встроенной в механизм его функционирования. Она состоит в неравномерности, циклическом

характере развития. И россияне убедились в справедливости данного теоретического вывода на собственном опыте. Трижды за период постсоветского развития российская экономика оказывалась в кризисном состоянии. Это 1991, 1998 и 2008 гг.

Конечно, каждый из этих кризисов был вызван различными причинами, которые достаточно полно и всесторонне изучены в литературе [6; 8; 14; 16; 24 и др.]. Кризис 1991 г. был вызван распадом СССР и разрывом хозяйственных связей предприятий, находившихся на российской территории, с теми, что одновременно оказались за границами страны, а ранее образовывали единый народнохозяйственный комплекс. К этому добавились либерализация цен, шоковое разгосударствление и другие факторы. Кризис 1998 г. был вызван «схлопыванием пузыря» на рынке государственного долга вследствие активного трансграничного размещения мирового финансового спекулятивного капитала. Он последовал за разрушением финансовых систем и кризисами в экономиках стран Юго-Восточной Азии и Мексики. Причиной кризиса 2008 г. стала, как принято считать, излишняя структурная утяжеленность российской экономики, ее специализация в мире на сырье и энергоносителях. Когда кредитный «финансовый пузырь» сдулся сначала в США, а потом и в Европе, спрос на российский сырьевой экспорт резко сократился; кроме того, начался вывод из страны спекулятивного капитала, в итоге в 2009 г. РФ испытала снижение ВВП почти на 8%.

Несмотря на различия в механизмах возникновения и развития перечисленных кризисов, интересно отметить такой факт, что на примерно 20 лет развития их пришлось ровно три, т.е. повторяются они со средней периодичностью около 10 лет. При этом марксистская экономическая школа, исследовавшая промышленный цикл, установила, что его протяженность составляет 7–12 лет. Таким образом, здесь обнаруживается совпадение, которое вызывает предположение о его неслучайности. Но для подтверждения или опровержения нашей догадки пока еще слишком мало эмпирического материала.

Одно можно утверждать с уверенностью — в среднесрочной перспективе (примерно до 2020 г.) можно ожидать в России очередного масштабного экономического кризиса. Что послужит его причиной — покажет время, но то, что он будет, у автора не вызывает сомнения. Такая цикличность развития экономики, хорошо изученная в теории и подтверждаемая российской практикой социально-экономического развития, требует адекватного государственного регулирования, носящего противочиклический, противокризисный характер.

Сущность такого регулирования известна: сдерживать циклическую динамику, поддерживая экономическую активность в периоды спадов и кризисов, ограничивая ее в восходящей волне цикла. На это, в частности, направлено управление государственным бюджетом, который макроэкономисты рекомендуют балансировать не ежегодно, а по итогам цикла [2; 12; 19; 25]. Имеется в виду сведение бюджета с профицитом в годы конъюнктурного роста (цель — изъятие из хозяйственной системы избыточной ликвидности, дабы не допустить «перегрева» экономики, создания в ней «пузырей»), с тем чтобы из образовавшихся резервов профинансировать дефициты бюджетов тех периодов, когда будет наблюдаться спад (цель — поддержание активности хозяйствующих субъектов, гарантированная реализация социальных программ и пр.).

Интересным нам представляется рассмотрение вопроса воздействия антикризисных мер на экономический рост. Отметим, что в данном случае мы разделяем цикличные колебания объемов ВВП и других макроэкономических показателей и долгосрочную его динамику. Именно вторую составляющую мы считаем экономическим ростом. Безусловно, анализу инструментов госрегулирования в свете их влияния на преодоление (замедление) спада, поддержки кризисной экономики,

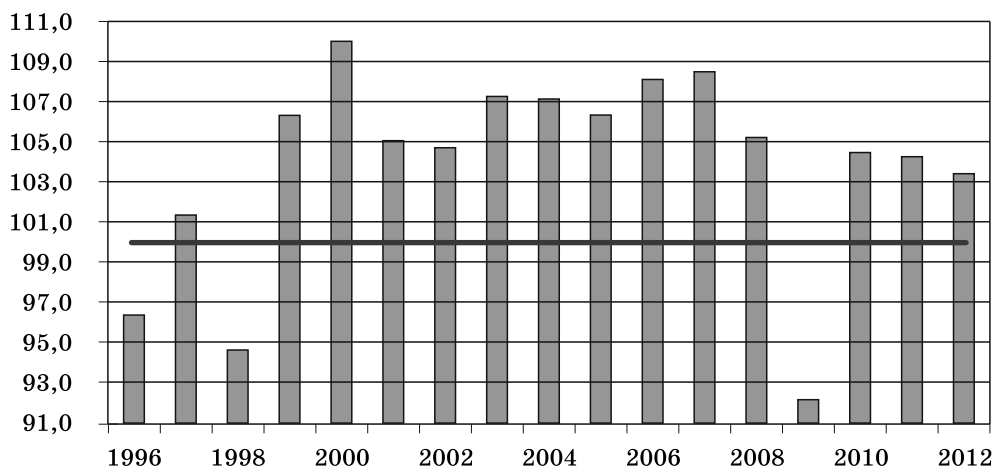

Рис. 1. Индексы физического объема ВВП РФ, % к предыдущему году

Источник: построено по данным Росстата, приведенным на его официальном сайте http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.

ускорение начала оживления и подъема после фазы кризиса уделяется довольно много внимания. Эти проблемы весьма актуальны и вызывают не только академический интерес. Их решение востребовано в реально проводимой макроэкономической политике. Меньше внимания уделяется влиянию такого рода инструментов на долгосрочный экономический рост. Именно эти вопросы мы попытались изучить в нашем исследовании.

Мы придерживаемся точки зрения на кризисы, которая состоит в том, что их влияние на хозяйственную систему не только негативное, разрушительное, но и положительное, созидательное.

По первой части тезиса имеются многочисленные убедительные свидетельства. Рассмотрим, к примеру, последствия кризиса 1998 г. В 1998 г. валовый ВВП нашей страны сократился примерно втрое, до 150 млрд долл., что было сопоставимо, например, с ВВП Бельгии. За 4 месяца, с июля по ноябрь, рост цен на продовольствие составил 63%, на непродовольственные потребительские товары — 85%. Реальные доходы населения всего за один месяц (с августа по сентябрь) сократились на 31,1%. Общая численность безработных (по методологии МОТ) достигла 8,39 млн человек, что составило 11,5% экономически активного населения. Последствия кризиса 2008 г. были менее значительными, но также весьма существенными. Достаточно упомянуть снижение ВВП в 2009 г. на 7,8%.

В чем же состоит созидательное воздействие кризиса? Оно тоже, по нашему мнению, имеется. И это хорошо иллюстрируется данными о развитии российской экономики после 1998 г. (вплоть до 2008 г.), которые приведены на рис. 1. Средний индекс физического роста ВВП в период с 1999-го по 2008 г. (включительно) составил 106,9%. То есть кризисный спад производства послужил толчком сначала для посткризисного восстановления, а затем — среднесрочной волны роста.

Следует отметить качественные различия использованных нами двух понятий: «посткризисное восстановление» и «среднесрочная волна роста» (см. рис. 2). Разница между ними состоит в том, что в период посткризисного восстановления происходит рост объемов производства за счет вовлечения в него дополнительных, незадействованных ранее ресурсов (сокращение числа безработных, более полная загрузка имеющихся мощностей). Это не есть «экономический рост» в его пони-

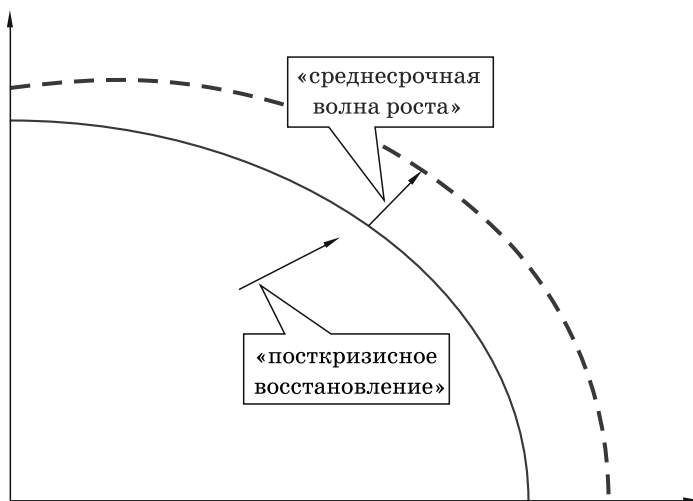

Рис. 2. Типы посткризисного развития и производственные возможности

мании как долгосрочной тенденции наращивания производительных сил. Это, в терминах теории производства, — движение экономики к границе производственных возможностей. При этом само положение этой границы остается неизменным. «Среднесрочная волна роста», в нашем понимании, связана со сдвигом границы производственных возможностей дальше от начала координат, а следовательно, со структурной перестройкой экономики, привлечением новых факторов производства.

Таким образом, антикризисное и противочиклическое регулирование национальной экономики имеет две группы задач. Первая (тактическая) — стимулирование скорейшего посткризисного восстановления. Вторая (стратегическая) — инициирование среднесрочной волны роста за счет структурных изменений в хозяйстве и институциональных преобразований. Именно вторая задача, по мнению автора, является приоритетной. Кризис дает возможности структурного обновления хозяйства, придания последующему развитию качественного иного характера. Именно такого рода стратегическая ориентация должна быть у антикризисного и противочиклического регулирования национальной экономики.

Важнейшим инструментом противочиклического регулирования является ставка рефинансирования Центрального банка. За счет ее изменения варьируется предложение денег в экономике. Для противодействия кризису в периоды экономического спада необходимо поддерживать хозяйствующих субъектов за счет повышения доступности денег, для чего необходимо снижать ставку рефинансирования. Именно так поступали денежные власти США и ЕС в период кризиса.

Что мы наблюдаем, если обратимся к реальным российским данным? Объективная статистика свидетельствует: картина в экономике РФ прямо противоположная (см. рис. 3). Коэффициент корреляции (2006–2012 гг.) между индексом физического объема ВВП РФ относительно предыдущего года (%) и ставкой рефинансирования ЦБ РФ (%) отрицательный и равен $(-0,17012)$. На графике хорошо видно, что динамика ВВП и ставки рефинансирования противофазные. В период наибольшего падения ВВП Центробанк России последовательно увеличивал цену денег.

Процентная политика ЦБ РФ в последние годы носит проциклический характер, она не только не способствует экономическому росту, но, напротив, «раскачивает

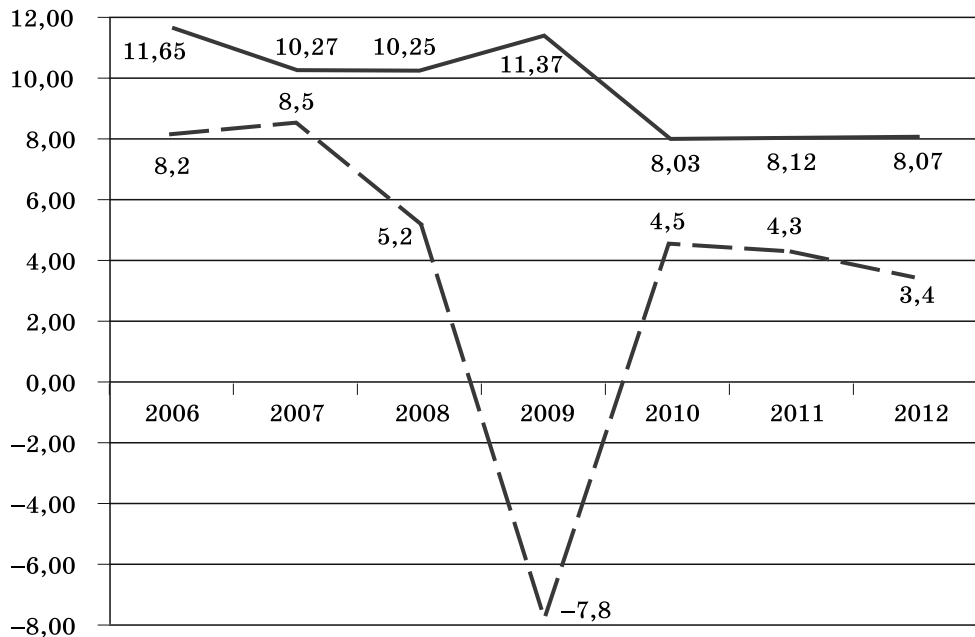

Рис. 3. Динамика физического объема ВВП РФ (сплошная линия) и среднегодовой ставки рефинансирования ЦБ РФ (пунктирная линия), %

Источник: построено автором по данным Росстата и Центробанка России.

экономику», усиливает восходящие волны ее динамики и углубляет спад. Возникает вопрос: на что направлена такая политика? Ответ на него становится очевидным, если сравнить графики, приведенные на рис. 3 и 4. Отчетливо прослеживается близость динамики обменного курса национальной валюты (устанавливается на основе рыночных торгов) и административно устанавливаемой ставки рефинансирования. Получается, что главной целью действий Центробанка России в условиях кризиса являлась не поддержка реального сектора экономики, а ориентация на абстрактные схемы поддержания «макроэкономической стабильности» — борьба с колебаниями курса национальной валюты и инфляцией.

Этот вывод подтверждается расчетами специалистов Центра макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. Они указывают: «Об определяющем влиянии на процентную политику инфляционного давления и динамики валютного курса свидетельствует анализ процентной политики Банка России в 2003–2013 гг. Соответствующие коэффициенты корреляции со ставкой рефинансирования в рассматриваемый период равны 81 и 90% соответственно» [21, с. 32]. То есть если рассуждать в терминах принятого нами ранее подхода: стратегические — тактические задачи, ЦБ РФ был ориентирован именно на быстрое реагирование на колебания финансового рынка, на решение задач тактических. При этом вопросы стратегического развития экономики страны упускались из виду.

Тем не менее острая фаза кризиса в России преодолена (см. рис. 1). Несмотря на замедление темпов экономического роста, наблюдаемое с 2010 г., прирост ВВП в РФ имеет положительные значения. За счет чего это достигнуто? Вторым традиционным инструментом противодействия кризисам является бюджетная политика. Именно ее мерами, на наш взгляд, были созданы предпосылки к преодолению кризиса. Осенью 2008 г. был принят ряд решений, направленных на противодействие

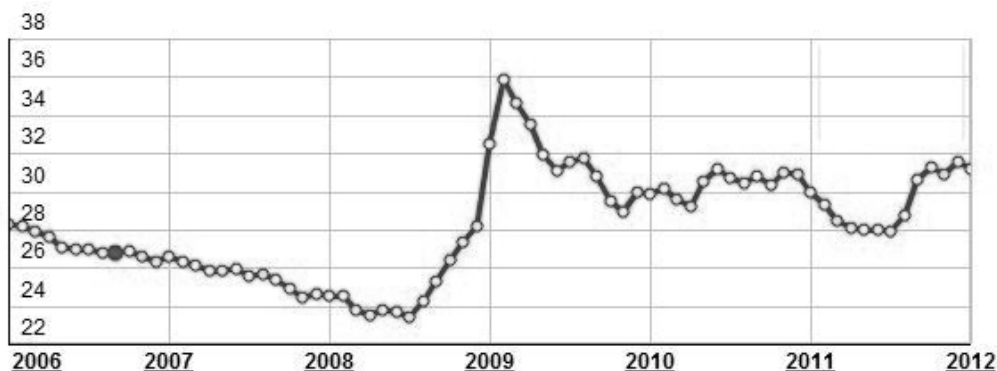

Рис. 4. Динамика обменного курса «рубль/доллар США»

Источник: данные интернет-сервиса «Яндекс».

развитию кризиса. Приоритет был отдан бюджетной стабильности при безусловном выполнении правительством имевшихся социальных обязательств.

В полном соответствии с теоретическими разработками в кризисный период консолидированный бюджет РФ стал дефицитным — происходило расходование ранее созданных за счет профицитов предыдущих лет резервов (см. рис. 5). В дальнейшем, после преодоления острой фазы кризиса, профицитность консолидированного бюджета восстановилась (при этом все же следует отметить структурную несбалансированность этого профицита между уровнями бюджетной системы и бюджетами конкретных территорий — субъектов Федерации и муниципалитетов).

Рассмотрим приоритеты бюджетного регулирования. Анализ показывает, что, к сожалению, оно не направлено в должной мере на решение обозначенной нами выше стратегической задачи. Преимущественному бюджетному финансированию подлежали социальные расходы [3; 9; 10; 27]. Напротив, расходы на поддержку экономического роста снизились. Если проанализировать структурные отраслевые изменения в национальной экономике и сопоставить их с объемами сокращения бюджетной поддержки, то выяснится, что наиболее сильное замедление роста в 2013 г. наблюдалось в машиностроении, при этом одновременно происходило существенное снижение расходов федерального бюджета на его поддержку.

Вместе с тем бюджетные расходы на развитие отдельных сегментов экономики, профинансированные в полном объеме, в частности в рамках госпрограммы стимулирования технологического обновления в ОПК, привели к росту производства. Продолжается и наращивается технологическая модернизация предприятий оборонно-промышленного комплекса: замена оборудования в 2013 г. произведена на 24 заводах, введены в строй четыре новые производственные площадки. На 2014 г. соответствующие показатели составят уже 33 и 6. Причем отметим, что рост ОПК обладает значительным мультиплицирующим эффектом, следовательно, это оказало положительное влияние на национальную экономику в целом.

Таким образом, можно сделать вывод, что антикризисное и противочиклическое регулирование национальной экономики в России требует, во-первых, пересмотра системы целевых показателей функционирования ЦБ РФ и, во-вторых, развития программно-целевой направленности бюджетной политики [5; 7; 18; 20; 26]. Разрабатываемые и реализуемые государственные целевые программы должны быть ориентированы не только на решение неотложных социально-экономических проблем, но способствовать структурным изменениям в национальной экономике,

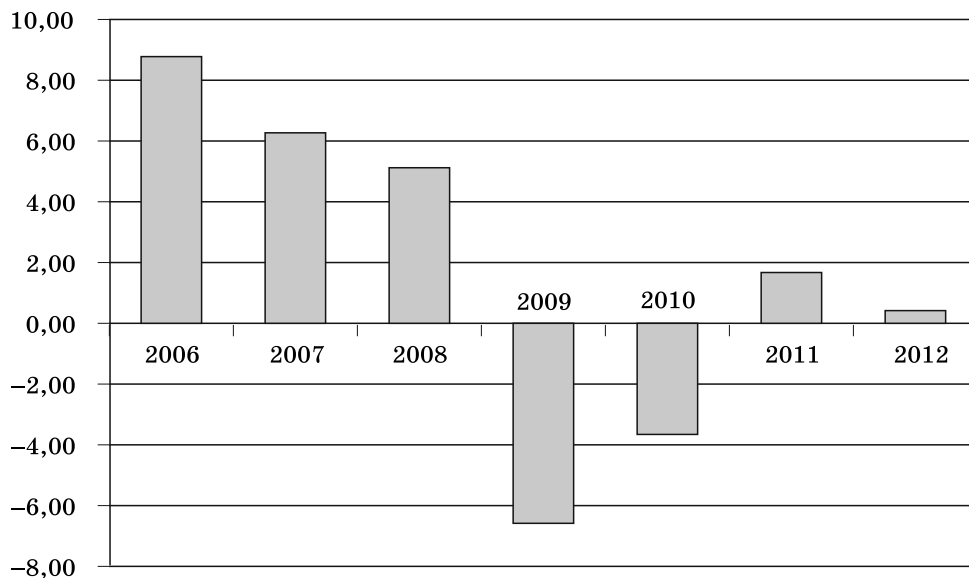

Рис. 5. Профицит (дефицит) консолидированного бюджета РФ, % от ВВП

Источник: [22, с. 23–24] (2006–2007 гг.), [23, с. 23–27] (2008–2011 гг.), расчеты автора по оперативным данным, приведенным на сайте Росстата (2012 г.): http://www.gks.ru/free_doc/new_site/finans/fin21.htm и http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/.

которые создают предпосылки для экономического роста. В первую очередь речь должна идти об активизации промышленной политики, четком закреплении ее приоритетов, особенно в сфере обрабатывающих импортозамещающих и высокотехнологичных (а следовательно, обладающих большим мультипликатором) производств.

Литература

1. Афанасенко И.Д. Теория устойчивости хозяйственных систем // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 4. С. 7–17.
2. Вертакова Ю.В. Стратегическое планирование устойчивого развития региона // Вестник Воронежского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2005. № 1. С. 48–53.
3. Вертакова Ю.В., Власова О.В. Методический подход к оценке стратегического потенциала системы здравоохранения региона // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2013. № 6 (84). С. 24–28.
4. Дятлов С.А. Глобальная инновационная гиперконкуренция // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 4. С. 42–49.
5. Жигунов В.П. Реформирование и совершенствование технологической структуры экономики с целью обеспечения интенсивного экономического роста // Исследование инновационного потенциала общества и формирование направлений его стратегического развития: Мат-лы III Междунар. науч.-практич. конф. / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2013. С. 131–136.
6. Козин М.Н., Мартышов Е.П. Диалектика развития государственного и частного секторов экономики в России // Аудит и финансовый анализ. 2008. № 4. С. 432–441.
7. Козин М.Н. Технологическая модернизация как драйвер развития Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2012. Т. 12, № 2. С. 23–28.

8. Литвиненко А. Н. Механизм противодействия криминализации в системе обеспечения экономической безопасности страны // Экономические науки. 2010. № 9 (70). С. 26–32.
9. Макринова Е. И., Тимашов Е. П., Мухина М. Г. Количественная оценка качественных показателей в анализе управленческого персонала // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. 2012. № 4. С. 99–103.
10. Марченкова Л. М., Плотников В. А., Рудакова О. В. Человеческий и интеллектуальный капитал как основа инновационного развития промышленности // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 1–2. С. 205–210.
11. Миропольский Д. Ю., Дятлов С. А., Плотников В. А., Попов А. И. Государство и рынок: проблемы выбора подходов к управлению развитием национальной экономики // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 1. С. 141–145.
12. Основы теоретической экономики / Д. Ю. Миропольский, И. А. Максимцев, Л. С. Тарасевич и др. СПб.: Питер, 2014. 512 с.
13. Плотников В. А. Выбор модели экономического развития Российской Федерации: патернализм или либерализм // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2006. № 1. С. 147–150.
14. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Последствия современных экономических трансформаций и пути преодоления финансового кризиса в России // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2010. № 6. С. 71–78.
15. Плотников В. А., Медведь А. А. Привлечение иностранного капитала в Россию: институциональные проблемы и экономическая безопасность // Управленческое консультирование. 2013. № 3 (51). С. 51–58.
16. Плотников В. А. Изменения глобальных институтов управления под влиянием национальных экономических интересов (по материалам XII Петербургского международного экономического форума) // Экономика и управление. 2008. № 3. С. 7–9.
17. Попов А. И. Инновационная экономика России: плановые и рыночные методы формирования // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2009. № 1. С. 7–16.
18. Попов А. И. Создание новой модели развития: модернизация и условия перехода к инновационной экономике // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 4. С. 18–26.
19. Попов А. И. Экономическая теория: формирование научной школы как фундаментальной основы развития экономических наук // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2010. № 4. С. 23–34.
20. Попов А. И., Плотников В. А. Выбор новой модели развития и модернизация: основы перехода к инновационной экономике // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 2. С. 197–209.
21. Солнцев О., Сухарева И., Дешко А., Пенухина Е. В плену старой парадигмы // Эксперт. 2014. № 3 (882). С. 30–33.
22. Финансы России. 2010: Стат. сб. / Росстат. М., 2010. 468 с.
23. Финансы России. 2012: Стат. сб. / Росстат. М., 2012. 462 с.
24. Харламов А. В. Государственная институциональная политика и модернизация реального сектора // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Сер. 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2010. № 2. С. 22–30.
25. Харламов А. В. Развитие теории о хозяйстве и глобальные проблемы экономики // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 3 (28). С. 11–14.
26. Харламов А. В. Инструменты стимулирования инновационного развития экономики в условиях кризиса // Экономика и управление. 2009. № 10. С. 26–29.
27. Харламова Т. Л. Возможности гармонизации взаимоотношений между предпринимателями и государством // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2011. № 4. С. 37–41.

References

1. Afanasenko I. D. *Theory of stability of economic systems* [Teoriya ustoichivosti khozyaistvennykh system] // Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2012. N 4. Pp. 7–17.
2. Vertakova Yu. V. *Strategic planning of a sustainable development of the region* [Strategicheskoe

- planirovanie ustoichivogo razvitiya regiona] // Messenger of the Voronezh State University. Series: Economy and Management [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika i upravlenie]. 2005. N 1. Pp. 48–53.
3. Vertakova Yu. V., Vlasova O. V. *Methodical approach to an assessment of strategic capacity of health system of the region* [Metodicheskii podkhod k otsenke strategicheskogo po-tentsiala sistemy zdravookhraneniya regiona] // Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo uni-versiteta ekonomiki i finansov]. 2013. N 6 (84). Pp. 24–28.
 4. Dyatlov S. A. *Global innovative hyper competition* [Global'naya innovatsionnaya giperkonkuren-tsiya] // Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo uni-versiteta ekonomiki i finansov]. 2012. N 4. Pp. 42–49.
 5. Zhigunov V. P. *Reforming and improvement of technological structure of economy for the purpose of ensuring intensive economic growth* [Reformirovanie i sovershenstvovanie tekhnologicheskoi struktury ekonomiki s tsel'yu obespecheniya intensivnogo ekonomicheskogo rosta] // Research of innovative potential of society and formation of the directions of its strategic development: materials III of the International scientific and practical conference [Issledova-nie innovatsionnogo potentsiala obshchestva i formirovanie napravlenii ego strategicheskogo raz-vitiya: Materialy III Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii] / Southwest State University [Yugo-Zap. gos. un-t]. Kursk, 2013. Pp. 131–136.
 6. Kozin M. N., Martyshev E. P. *Dialectic of development of the state and private sectors of economy in Russia* [Dialektika razvitiya gosudarstvennogo i chastnogo sektorov ekonomiki v Rossii] // Audit and the financial analysis [Audit i finansovyi analiz]. 2008. N 4. Pp. 432–441.
 7. Kozin M. N. *Technology modernization as driver of development of the Russian Federation* [Tekhnologicheskaya modernizatsiya kak draiver razvitiya Rossiiskoi Fe-deratsii] // News of the Saratov University. New series. Series: Economy. Management. Right [Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo]. 2012. Vol. 12, N 2. Pp. 23–28.
 8. Litvinenko A. N. *Mechanism of criminalization counteraction in system of providing economic security of the country* [Mekhanizm protivodeistviya kriminalizatsii v sisteme obespeche-niya ekonomicheskoi bezopasnosti strany] / *Economic sciences* [Ekonomicheskije nauki]. 2010. N 9 (70). Pp. 26–32.
 9. Makrinova E. I., Timashov E. P., Mukhina M. G. *Quantitative assessment of quality indicators in the analysis of the administrative personnel* [Kolichestvennaya otsenka kachestvennykh poka-zatelei v analize upravlencheskogo personala] // Messenger of the Belgorod University of Cooperation, Economy and Law [Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperatsii, ekonomiki i prava]. 2012. N 4. Pp. 99–103.
 10. Marchenkova L. M., Plotnikov V. A., Rudakova O. V. *Human and intellectual capital as basis of innovative development of the industry* [Chelovecheskii i intellektual'-nyi kapital kak osnova innovatsionnogo razvitiya promyshlennosti] // [News of Southwest State University Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta]. 2012. N 1–2. Pp. 205–210.
 11. Miropolsky D. Yu., Dyatlov S. A., Plotnikov V. A., Popov A. I. *State and market: problems of a choice of approaches to management of development of national economy* [Gosudarstvo i ry-nok: problemy vybora podkhodov k upravleniyu razvitiem natsional'noi ekonomiki] // Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo uni-versiteta ekonomiki i finansov]. 2011. N 1. Pp. 141–145.
 12. *Bases of theoretical economy* [Osnovy teoreticheskoi ekonomiki] / Yu. Miropolsky, I. A. Maksimtsev, L. S. Tarasevich, etc. SPb.: Piter, 2014. 512 p.
 13. Plotnikov V. A. *Choice of model of economic development of the Russian Federation: paternal-ism or liberalism* [Vybor modeli ekonomicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii: paternalizm ili liberalism] // Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2006. N 1. Pp. 147–150.
 14. Plotnikov V. A., Vertakova Yu. V. *Consequences of modern economic transformations and way of overcoming of financial crisis in Russia* [Posledstviya sovremennykh ekonomicheskikh trans-formatsii i puti preodoleniya finansovogo krizisa v Rossii] // Messenger of Irkutsk State Economic Academy [Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii]. 2010. N 6. Pp. 71–78.
 15. Plotnikov V. A., Medved A. A. *Procurement of the foreign capital to Russia: institutional problems and economic security* [Privlechenie inostrannogo kapitala v Rossiyu: institutsional'nye prob-lemy i ekonomicheskaya bezopasnost'] // Administrative consulting [Upravlencheskoe kon-sul'tirovanie]. 2013. N 3 (51). Pp. 51–58.

16. Plotnikov V.A. *Changes of global institutes of management under the influence of national economic interests (on materials of the XII St. Petersburg International Economic Forum)* [Izmeneniya global'nykh institutov upravleniya pod vliyaniem natsional'nykh ekonomicheskikh interesov (po materialam XII Peterburgskogo mezhdunarodnogo ekonomicheskogo foruma)] // *Economy and management* [Ekonomika i upravlenie]. 2008. N 3. Pp. 7–9.
17. Popov A.I. *Innovative economy of Russia: planned and market methods of formation* [Innovatsionnaya ekonomika Rossii: planovye i rynochnye metody formirovaniya] // *Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2009. N 1. Pp. 7–16.
18. Popov A.I. *Creation of new model of development: modernization and transition conditions to innovative economy* [Sozdanie novoi modeli razvitiya: modernizatsiya i usloviya perekhoda k innovatsionnoi ekonomike] // *Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2012. N 4. Pp. 18–26.
19. Popov A.I. *Economic theory: formation of school of sciences as fundamental basis of development of economic sciences* [Ekonomicheskaya teoriya: formirovanie nauchnoi shkoly kak fundamental'noi osnovy razvitiya ekonomicheskikh nauk] // *Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2010. N 4. Pp. 23–34.
20. Popov A.I., Plotnikov V.A. *Choice of new model of development and modernization: transition bases to innovative economy* [Vybor novoi modeli razvitiya i modernizatsiya: osnovy perekhoda k innovatsionnoi ekonomike] // *Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2012. N 2. Pp. 197–209.
21. Solntsev O., Sukhareva I., Deshko A., Penukhina E. *In captivity of an old paradigm* [V plenu staroi paradigmi] // *Expert* [Ekspert]. 2014. N 3 (882). P. 30–33.
22. *Finance of Russia* [Finansy Rossii]. 2010: *Statistic data collection* [Stat. sb.] / Rosstat. M., 2010. 468 p.
23. *Finance of Russia* [Finansy Rossii]. 2012: *Statistic data collection* [Stat. sb.] / Rosstat. M., 2012. 462 p.
24. Kharlamov A.V. *State institutional policy and modernization of real sector* [Gosudarstvennaya institutsional'naya politika i modernizatsiya re-al'nogo sektora] // *Messenger of St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economic, humanitarian and social sciences* [Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta tekhnologii i dizaina. Seriya 3: Ekonomicheskie, gumanitarnye i obshchestvennye nauki]. 2010. N 2. Pp. 22–30.
25. Kharlamov A.V. *Theory development about economy and global problems of economy* [Razvitie teorii o khozyaistve i global'nye problemy ekonomiki] // *Society. Environment. Development* (Terra Humana) [Obshchestvo. Sreda. Razvitie (Terra Humana)]. 2013. N 3 (28). Pp. 11–14.
26. Kharlamov A.V. *Instruments of stimulation of innovative development of economy in the conditions of crisis* [Instrumenty stimulirovaniya innovatsionnogo razvitiya ekonomiki v usloviyakh krizisa] // *Economy and management* [Ekonomika i upravlenie]. 2009. N 10. Pp. 26–29.
27. Kharlamova T.L. *Possibilities of harmonization of relationship between businessmen and the state* [Vozmozhnosti garmonizatsii vzaimootnoshenii mezhdru predprinimatel'nyami i gosudarstvom] // *Messenger of St. Petersburg University of Economics and Finance* [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta ekonomiki i finansov]. 2011. N 4. Pp. 37–41.

Мифопоэтика сказок А. С. Байетт

Ильяшенко Яна Юрьевна

Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород)
Аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
www2022@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье дается определение понятия «интертекстуальность» и рассматривается один из аспектов этого приема — мифологические включения. На примере сборника сказок А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“» анализируются роль и функции мифологии в литературных сказках, а также происходит сравнительная характеристика сказки и мифа, выявляются их особенности.

Приводится смысловой анализ вариативных моделей сказок, вошедших в сборник. Все они посвящены разной проблематике и написаны, опираясь на широкий литературный материал. При этом автор анализирует следующие вопросы: почему при всем разнообразии тематического и проблемного диапазона пять сказок включены в один сборник и почему сборник носит название именно последней сказки?

В каждой сказке сборника выявляются примеры обращения автора к мифологии, которая присутствует в сказочном тексте либо в завуалированной форме, и в этом случае мифологические компоненты сливаются со сказочным повествованием, либо в виде отдельных фрагментов, представленных в их исконном виде. Кроме того, для современной прозы характерен полиморфизм, и интертекстуальность отсылает не только к моноисточнику, а использует обширное литературное наследие. Таким образом, неомифологизм предполагает то, что писатели соединяют осколки самых разных мифов. Автору статьи удается определить, что присутствующие в сборнике мифы имеют разные источники возникновения. Среди них кельтская, шумерская, греческая мифологии.

В выводах к статье выделяются концептуальные моменты — причины, по которым литературная сказка обращается к мифу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

интертекстуальность, миф, мифологические включения, литературная сказка, персонаж, символ, аллюзия

Ilyashenko Ya. Yu.

Mythopoetic of A. S. Byatt's Fairy Tales

Ilyashenko Yana Yurievna

The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russian Federation)
Graduate student of chair of the Russian and foreign literature
www2022@yandex.ru

ABSTRACT

In the article concept «intertextual» is revealed and one of the aspects of this method — mythological inclusions, is considered. The role and function of mythology in literary fairy tales are analyzed by the example of the fairy tales collection of A. S. Byatt «The Djinn in the Nightingale's Eye», and also the comparative characteristics of fairy tales and myths are realized, their features are identified.

The semantic analysis of fairy tales variable models, that included in the collection, is provided. All of them are devoted to different issues and based on a variety literary material are written. In this case, the author examines the following questions: why the five fairy tales included in one collection, if it has the diversity of thematic and problematic range, and why the collection called the last tale.

Examples of the author's access to mythology is revealed in every fairy tale of the collection. The mythology in the fairy tale present as a veiled form, and in this case the mythological components merge with fabulous narration, either in their original form present as separate

pieces. Also, polymorphism are characterized for the modern prose and intertextual uses vast literary heritage and refers not only to monosource. Thus, neomythology suggests that writers connect a lot of different fragments of myths. Author defines that myths in the collection have different sources of origin. Among them: Celtic, Sumerian, Greek mythology.

In the article conclusion, conceptual moments stand out. It is the reasons for which literary fairy tale refers to the myth.

KEYWORDS

intertextual, myth, mythological inclusion, literary fairy tale, character, symbol, allusion

Восприятие художественного текста как интертекстуального — читательская стратегия, сложившаяся во второй половине XX в. и окрепшая в порубежную эпоху. Ю. Кристева, которая ввела в научный обиход термин «интертекстуальность», справедливо отмечала, что любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интерсубъективности (диалогического контакта, или межличностного общения) встает понятие интертекстуальности [5, с. 76; 6, с. 428–429].

Интертекстуальность представляет собой связь между двумя и более художественными текстами, принадлежащими разным авторам и созданными в разные временные периоды. При этом происходит проникновение одного текста в другой, раннего в более поздний на основе их общности (описание характерологических особенностей персонажей, окружающей обстановки, единой сюжетной линии). Исходя из этого, Ю. Н. Лотман заключил, что «когда в основной текст произведения включается „чужой текст“, определенное изменение испытывают и чужой, „включенный“ текст, и основной. Отрывок, который был не текстом, включаясь в конкретный текст, становится частью этого текста, что порождает новую художественную целостность» [5, с. 76; 7, с. 110–111].

Тексты, проникая друг в друга, образуют симбиоз, выражают основную мысль в новой литературной форме. И. В. Арнольд определяет интертекстуальность как «включение в текст либо целых других текстов с иным субъектом речи, либо их фрагментов в виде цитат, реминисценций и аллюзий» [2, с. 351]. Наличие «чужого» текста в принимающем — принципиальная составляющая интертекстуальности. Как указывает Н. А. Фатеева, «создание языковых конструкций „текст в тексте“ связано с активной установкой автора текста на диалогичность, которая позволяет ему не ограничиваться лишь сферой субъективного, индивидуального сознания, а вводить в текст одновременно несколько субъектов высказывания, которые оказываются носителями разных художественных систем» [9, с. 5]. М. Риффатер также отмечает, что интертекст помогает читателю «понять литературное произведение во всей его значимости (противопоставленной отдельным значениям слов и фраз)» [8, с. 38; 13, с. 15]. Таким образом, некогда высказанная оценка какому-либо явлению становится оплотом для размышлений новому субъекту, что позволяет рассматривать это явление с разных позиций. Тексты, которые относятся к разным временным интервалам, начинают взаимодействовать, при этом «на первый план в качестве смыслопорождающих выдвигаются внутренние элементы языка, якобы имманентная ему „риторическая форма“, освобождающая его от прямой связи с внеязыковой реальностью» [4, с. 189; 9, с. 13].

Прием интертекстуальности получил широкое применение в сборнике А. С. Байетт «Джинн в бутылке из стекла „соловьиный глаз“». Несмотря на различие тематики, проблемных вопросов, сказочных моделей, каждая из пяти сказок, входящих в сборник, содержит в себе мифологические интертекстуальные включения. А. С. Байетт знакомит читателя с мифологией разных народов (шумеры, кельты, греки), создает как собственные авторские мифы, так и синтезирует уже существующие.

Итак, первые две сказки «Стеклянный гроб» и «История бога». Здесь автор использует образы — носители символики иномирности в кельтской мифологии (водная гладь, посланец в виде женщины, стеклянный гроб или лодка). Появление именно этих символов неслучайно, ведь проблема, которая рассматривается в двух этих сказках, связана с переходом из одного мира в другой.

Примечательно, что подобные символы жизни и смерти встречаются и в других мифах разных народностей. Так, в мифологии греков и индусов можно найти упоминание о ладье и перевозчиках, которые являются связующим звеном двух миров: «В сюжете переплывания вод смерти и возвращения в реальный мир, душа умершего или заходящее солнце отправляются в преисподнюю на ладье смерти и возвращаются из преисподней на ладье воскрешения. При этом солнце само переплывает в ладье воды смерти, а душу человека переправляет перевозчик (греческий Харон, индийская Сатья-вати)»¹. Однако в сказках «Стеклянный гроб» и «История Бога» А. С. Байетт использует именно трансформированные кельтские мотивы, избегая прозрачности аллюзий, что придает им универсальный смысл. В данном случае можно говорить об имплицитной аллюзивности, т. е. скрытых символических элементах мифологического наследия прошлого, которые, подвергнувшись современной авторской интерпретации, проникли в контекст художественной литературы в новой форме.

Вопросы жизни и смерти, перехода из привычной жизни на иной этап существования читатель видит и в сказке «Дыхание дракона». Однако здесь в качестве интертекстуального включения появляется другой символ — огромные черви, или змеи, которые согласно преданиям кельтов сулят беды. И действительно с появлением огненных червей жители деревни бегут в лес, где пытаются спастись. Кроме того, у червей на лбу есть рога. Рога быка, например, считались в кельтской мифологии символом агрессии: «можно было увидеть их огромные челюсти, широкие как у кита, и рог, похожий на ужасный клюв, поглощающий слой земли и все, что на нем было» [10, с. 81]. Примечательно описание гибели огненных червей в сказке: «черви начали погружаться под воду, которая кипела, морщилась и пузырилась, когда их длинные, горбатые и скользкие тела по песку уходили в глубины вод» [Там же, с. 87]. Схожий сюжет о змеях можно наблюдать в мифе о сыне богини Морриган — Мейхе. Согласно мифу, существовало пророчество, которое гласило, что Мейх принесет Ирландии много бед. Тогда его решили умертвить еще во младенчестве. Когда врач вскрыл тело младенца, то обнаружилось, что у него три сердца, в каждом из которых находилась змея. Двух змей сожгли, а третьей удалось уползти. Когда пепел от уничтоженных змей развеяли над рекой, вода в ней начала бурлить². Итак, проведя параллель, можно увидеть характерные общности в сказке «Дыхание дракона» и мифе о Мейхе: опасность, которая исходит от червей/змей; огонь, охватывающий их; окончательное исчезновение этих тварей в бурлящей воде.

В сказке «История старшей принцессы» так же, как и в сказке «Дыхание дракона», персонажи попадают в неожиданные для себя жизненные обстоятельства — теряют голубое небо. Разрешить ситуацию может только серебряная птица в пепельном гнезде. Кельты считали, что птицы — «символы свободы и освобожденного духа, небесные посланники»³. В сказке, чтобы вернуть жителям голубое небо, необходимо было сжечь птицу, а далее «из пожарища взлетела новая прекрасная птица,

¹ Мифы народов мира / Ладья: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mifinarodov.com/l/ladya.html> (дата обращения: 20.01.2014).

² Магия друидов: [Электронный ресурс]. URL: <http://magdrui.ru/4kurs/lec20.html> (дата обращения: 22.01.2014).

³ Символы и талисманы кельтов: [Электронный ресурс]. URL: <http://poleznoeznanie.ru/2231.htm> (дата обращения: 23.01.2014).

которая своим плавающим хвостом подмела небо, и оно стало голубым, как было когда-то» [12, с. 68]. Этот сюжет напоминает греческий миф о птице Феникс, которая обладала «способностью сжигать себя и затем возрождаться»¹. По одной из версий мифа, «из пепла возрождается сам Феникс» [Там же]. Упоминание о пепле, горячей и возрождающейся птице позволяет заключить, что А. С. Байетт использовала в своей сказке элементы греческих мифологических преданий. Возрождение символизирует обновление, обретение чего-то вновь (голубого неба, жизни, молодости). Так, и персонажи сказки, вернув себе небо, как будто заново начинают жить.

Птицы также помогали людям в путешествиях. Не случайно в вышеупомянутой сказке «Стеклянный гроб» тоже неоднократно встречается упоминание о птичьих перьях, которые помогают герою проложить дорогу в путешествии: «Положи на камень перо, которое тебе даст петух, и ворота откроются» [11, с. 8]; «Возьми белоснежное перо курицы <...> занавески откроются невидимыми руками» [Там же].

Однако важно отметить, что поиск птицы — лишь фоновая основа сюжета сказки «История старшей принцессы». Основной здесь служит тема неизбежности судьбы, на это в конце истории обращает внимание А. С. Байетт, когда главной героине старая женщина рассказывает возможные варианты развития событий, если бы вместо нее на поиски птицы отправились другие девушки.

Особняком к четырем перечисленным сказкам стоит последняя сказка «Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”», одноименная сборнику. В ней появляются не только завуалированные мифологические символы, а целые вставные тексты — мифы разных народов. Кроме того, здесь синтезируются и более подробно рассматриваются все проблемные вопросы, которые по отдельности рассматривались в каждой из предыдущих сказок: неизбежность судьбы, любовь, жизнь и смерть.

Итак, сквозной темой сказки становится судьба женщин, как главной героини — Джилиан Перхольт, так и литературных персонажей различных произведений, которые рассматриваются на конференции с характерным названием «Истории о женских судьбах». Вопрос о роли женщин в истории уходит корнями глубоко в прошлое, вплоть до мифологических преданий. Прямое обращение героев сказки к мифологии позволяет автору использовать мифы не завуалированно. В качестве примера можно вспомнить эпизод, где Джилиан Перхольт с коллегами попадают в музей и видят статую Артемиды Эфесской: «Вся компания была в восторге от этой богини. Орхан даже поклонился ей, а Лейла Дорук и Лейла Серии принялись разьяснять Джилиан Перхольт особенности ее культа и то, насколько она действительно древнее греческой Артемиды или римской Дианы, эта азиатская хтоническая богиня. Великая мать Кибела, Астарта, Иштар» [1].

В мифологии Древней Греции Артемида — «богиня охоты и Луны, персонифицирует независимость женского духа. Как архетип, она дает женщине право преследовать свои собственные цели в избранной ею самой области» [3]. Описание богини Артемиды, ее независимости противопоставляется образу бесправных и смиренных женщин на Востоке, которые фигурируют в рассматриваемых на конференции произведениях. Таким образом, читатель может провести параллель между мифологической Артемидой, которой поклонялись, и женщинами Востока, чья судьба находится в руках сильного пола.

Вопросы вечной молодости, жизни и смерти проходят через все произведения, облачаемые в некоторых случаях, в мифологические включения. Так, в Музее аналитических цивилизаций гид рассказывает Джилиан Перхольт историю шумерского и аккадского мифопоэтического героя Гильгамеша, который долгое время искал тайну бессмертия и вечной молодости. Эту тайну ему открывает человек — Ут-

¹ Греческая мифология / Мифические существа: [Электронный ресурс]. URL: http://world-of-legends.ru/grecheskaya/grees_bestarii/id1044 (дата обращения: 23.01.2014).

Напишти, единственный из людей, кому удалось обрести вечную жизнь: «Ут-Напишти поведал Гильгамешу, что есть такое растение, дивный цветок, что растет на дне моря <...> если он сможет добыть цветок, то снова обретет свою утраченную юность» [1]. Вопросы утраченной молодости волнуют и Перхольт, когда она поднимает эту тему с джинном:

«— И все же, — сказал джинн, — на мой взгляд, ты и сейчас очень хорошо выглядишь. Полнота, мадам, весьма соблазнительна.

— Но не для людей моей культуры. И, кроме того, тело ведь еще и стареет...» [Там же].

Читатель видит, что начиная еще с древних мифов существуют проблемы, которые заботят человечество и по сей день. Но, если Гильгамеш пытается обрести молодость с помощью волшебного цветка, то современные люди для этих целей прибегают к пластической хирургии. Действительность становится как будто продолжением мифа, включаясь однако в реалии современного мира. В мифе читатель неоднократно встречает указания на отношение людей к своему возрасту и возможности быть молодыми, что позволяет в следующем за тем сказочном сюжете продолжать и развивать эту тему: «Гильгамеш был молод и силен, он не желал смириться даже с тем, что по нашему миру ходит смерть. Молодые мужчины, они ведь такие, вы же сами знаете, — они думают, что способны бросить вызов грядущему только потому, что кровь у них горяча и тела их полны силы»; «Гильгамеш пустился с Ур-Шанаби-перевозчиком в обратный путь, желая отвезти цветок старикам своего родного города Урука и вернуть им утраченную молодость»; «в глубине колодца жила змея, которая, почуяв сладостный аромат цветка, вынырнула на поверхность, схватила волшебное растение и съела его <...> Ах, как это печально — держать в руках Знак судьбы и утратить его!» [Там же].

Молодость неразрывно связана с вопросами жизненного цикла, который рано или поздно подходит к завершению. В мифе о Гильгамеше, когда главный герой пытается проникнуть в загробный мир, он переживает несколько трансформаций: «он был Гильгамешем, исчезнувшим во тьме пещеры; потом превратился в Сидури, женщину виноградной лозы, что живет в саду на берегу моря <...> потом он стал Ур-Шанаби, перевозчиком через Океан» [Там же]. В шумерской мифологии Ур-Шанаби считается лодочником, который перевозит людей через «воды смерти» в царство мертвых. Похожие символы встретились и в сказках «Стекланный гроб» и «История бога». Однако если там, согласно кельтской мифологии, в качестве посредника мира мертвых и живых фигурировала девушка, то у шумеров вместо девушки появляется лодочник — Ур-Шанаби. Сравнительная характеристика мифов из разных источников показывает схожесть представлений народов о волнующих их вопросах и всеобщую их актуальность. Но если миф универсален и не преследует цели дать оценку описываемому, то, проникая в сказку, он становится частью общей сказочной проблематики. Эта проблематика благодаря приемам, которые характерны для литературной сказки, рассматривается многогранно, приобретая аксиологичность благодаря оценочным высказываниям персонажей или автора.

Итак, литературная сказка апеллирует к мифу, с одной стороны, сохраняя память о своих генетических корнях, с другой, миф, попадая в современное литературное сказочное поле в виде интертекста, начинает выполнять определенные, ранее не свойственные ему функции: оценочную, сравнительную, объяснительную. В отличие от мифов, которые универсальны, в сказках появляются развитая система персонажей, пространственные и временные характеристики, оценочные показатели. Мифология в этом случае усиливает идейную составляющую сюжета, помогает глубже раскрыть перечисленные функции.

В сказках А. С. Байетт обращается к кельтской мифологии (девушка в стеклянном гробу), шумерской (лодочник Ур-Шанаби), греческой (богиня Артемида), библей-

скому, эпическому мифу (миф о Гильгамеше). В некоторых случаях мифы присутствуют в сборнике завуалированно, и мифологические элементы сливаются со сказочным повествованием. Плотное срастание сказки и мифологии делает их единым целым, что не всегда позволяет сразу распознать мифологические включения (перья птиц, стеклянный гроб, огненные черви). В других случаях миф в качестве вставных текстов попадает в сказку (миф о Гильгамеше) и становится продолжением сказочной проблематики (вопрос вечной молодости).

Используя различные мифологические включения в сказках, автор играет с читателем. Как указывает Н. А. Фатеева: «чем вновь создаваемый текст более отдален во времени от текста-источника, тем в нем ярче проступает игровой характер обращения с прототекстом» [9, с. 14].

Важно заметить, что мифологические элементы нельзя замкнуть только на мистических персонажах. Мифологическим элементом может быть и что-то реальное, но интерпретированное особым образом (огненная лава — огромные огнедышащие черви). Мифологические аллюзии помогают и более полно раскрыть характеры персонажей.

А. С. Байетт помещает мифологию в современные сюжеты, что помогает читателю глубже проникнуть в различные вопросы бытия, которые всегда волновали человечество, раскрыть характер героев, сравнить взгляды персонажей с мифологическими представлениями о вечных проблемах.

Литература

1. *Антония С. Байетт*. Джинн в бутылке из стекла “соловьиный глаз”: [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rulit.net/books/dzhinn-v-butylke-iz-stekla-solovinyj-glaz-read-224178-1.html> (дата обращения: 25.01.2014).
2. *Арнольд И. В.* Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: СПбГУ, 1999. 448 с.
3. *Бондаренко М. Е.* Эволюция культа богини Девы по данным нумизматики // Труды научной конференции студентов и аспирантов «Ломоносов — 2003». История. М.: МГУ, 2003. С. 173–176.
4. *Ильин И. П.* Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 252 с.
5. *Ильяшенко Я. Ю.* Феномен интертекстуальности в литературных сказках А. С. Байетт // Ученые записки / СПбУУЭ. 2012. № 3. С. 76–81.
6. *Кристева Ю.* Бахтин, слово, диалог, роман // Французская семиотика. От структурализма к постструктурализму. М.: Прогресс, 2000. С. 427–457.
7. *Лотман Ю. М.* Текст в тексте // Лотман Ю. М. Культура и взрыв. М.: Прогресс, 1992. 190 с.
8. *Москвин В. П.* Интертекстуальность: Понятийный аппарат. Фигуры, жанры, стили. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 168 с.
9. *Фатеева Н. А.* Интертекст в мире текстов: Контрапункт интертекстуальности. 4-е изд. М.: Книжный дом «Либроком», 2012. 280 с.
10. *Byatt A. S.* Dragon's breath // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories*. N.Y.: Random House, 1994. 73–93 p.
11. *Byatt A. S.* The glass coffin // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories*. N.Y.: Random House, 1994. 1–23 p.
12. *Byatt A. S.* The story of the eldest princess // *The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories*. N.Y.: Random House, 1994. 39–71 p.
13. *Riffaterre M.* Compulsory reader response: the intertextual drive // *Intertextuality: theories and practice* / Ed. M. Worton & J. Still. Manchester Univ. Press, 1991.

References

1. *Byatt A. S.* *The Djinn in the Nightingale's Eye* [An electronic resource]. URL: <http://www.rulit.net/books/dzhinn-v-butylke-iz-stekla-solovinyj-glaz-read-224178-1.html> (address date: 25.01.2014).

2. Arnold I. V. *Semantika. Stylistics. Intertextuality* [Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost']. SPb.: St. Petersburg State University [SPbGU], 1999. 448 p.
3. Bondarenko M. E. *Evolution of a cult of the goddess Devy according to numismatics* [Evolutsiya kul'ta bogini Devy po dannym numizmatiki] // Works of scientific conference of students and graduate students "Lomonosov — 2003" [Trudy nauchnoi konferentsii studentov i aspirantov «Lomonosov — 2003». Istoriya]. History. M.: Moscow State University [MGU], 2003. P. 173–176.
4. Ilyin I. P. *Post-structuralism. Dekonstruktivizm. Postmodernism* [Poststrukturalizm. Dekonstruktivizm. Postmodernizm]. M.: Intrada, 1996. 252 p.
5. Ilyashenko Ya. Yu. *Intertextuality phenomenon in literary fairy tales of A. S. Byatt* [Fenomen intertekstual'nosti v literaturnykh skazkakh A. S. Baiett]. SPb.: SPbUME [SPbUUE], Scientific notes [Uchenye zapiski]. 2012. N 3. P. 76–81.
6. Kristeva Yu. *Bakhtin, word, dialogue, novel* [Bakhtin, slovo, dialog, roman] // French semiotics. From structuralism to a poststructuralism [Frantsuzskaya semiotika. Ot strukturalizma k poststrukturalizmu]. M.: Progress, 2000. P. 427–457.
7. Lotman Yu. M. *The text in the text* [Tekst v tekste] // Lotman Yu. M. Culture and explosion [Kul'tura i vzryv]. M.: Progress, 1992. 190 p.
8. Moskvina V. P. *Intertextuality: Conceptual framework. Figures, genres, styles* [Intertekstual'nost': Ponyatiinyi apparat. Figury, zhanry, stili]. M.: Book house of "Librokom" [Knizhnyi dom «Librokom»], 2011. 168 p.
9. Fateeva N. A. *Intertext in the world of texts: Intertextuality counterpoint* [Intertekst v mire tekstov: Kontrapunkt intertekstual'nosti]. 4th edition. M.: Book house of "Librokom" [Knizhnyi dom «Librokom»], 2012. 280 p.
10. *Byatt A. S. Dragon's breath // The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories*. N.Y.: Random House, 1994. 73–93 p.
11. *Byatt A. S. The glass coffin // The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories*. N.Y.: Random House, 1994. 1–23 p.
12. *Byatt A. S. The story of the eldest princess // The Djinn in the nightingale's eye: five fairy stories*. N.Y.: Random House, 1994. 39–71 p.
13. *Riffaterre M. Compulsory reader response: the intertextual drive // Intertextuality: theories and practice* / Ed. M. Worton & J. Still. Manchester Univ. Press, 1991.

Правовое обеспечение эффективности функционирования государственной гражданской службы Санкт-Петербурга

Мигунов Сергей Валентинович

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Магистр кафедры государственного управления и государственной службы
sergey_migunov1977@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена правовому обеспечению эффективности функционирования государственной гражданской службы Санкт-Петербурга. В статье полновесно раскрывается система нормативно-правовых актов, в которых содержатся нормы права, направленные на эффективность функционирования государственной гражданской службы, а также непосредственно посвящены эффективности функционирования государственной гражданской службы Санкт-Петербурга.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гражданская служба, нормативно-правовые акты, правовое обеспечение, правовое регулирование, служебные правоотношения, эффективность функционирования

Migunov S. V.

Legal Providing of Efficiency of Functioning of the State Civil Service of Saint-Petersburg

Migunov Sergey Valentinovich

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Master's degree of the Chair of Public Administration and Civil Service
sergey_migunov1977@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the legal provision of efficiency of functioning of the state civil service of Saint-Petersburg. The article now fully disclosed system of regulatory legal acts containing norms of law, directed on efficiency of functioning of the state civil service, as well as directly related to the efficiency of the functioning of the state civil service of Saint-Petersburg.

KEYWORDS

civil service, legal acts, legal support, legal regulation, service relationship, efficiency functioning

На современном этапе важнейшим компонентом эффективно функционирующей государственной гражданской службы в Российской Федерации является правовое обеспечение, без которого государственная гражданская служба в рамках правового поля эффективно функционировать не может.

Рассмотрим, что представляет собой на сегодняшний день правовое обеспечение государственной гражданской службы.

Под правовым обеспечением государственной гражданской службы следует понимать совокупность законодательных, а также иных правовых актов, регулирующих служебные правоотношения, складывающиеся в процессе функционирования государственной гражданской службы.

Правовое регулирование государственной службы осуществляется на двух уровнях — федеральном и субъектов Российской Федерации, в различных пра-

вовых формах, начиная с Конституции Российской Федерации и заканчивая нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов Российской Федерации. Как установлено в пункте 4 статьи 2 Федерального закона от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»¹, правовое регулирование и организация федеральной государственной гражданской службы находятся в ведении Российской Федерации. Правовое регулирование государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, а ее организация — в ведении субъекта Российской Федерации.

Главенствующее положение в российском законодательстве занимает Конституция Российской Федерации². В Основном законе из 137 статей непосредственно государственной службе посвящено три — пункт 4 статьи 32, пункт «т» статьи 71 и пункт 3 статьи 97.

В немногословном правовом положении пункта 4 статьи 32 содержится исток эффективности на конституционном уровне. Согласно статье, каждый гражданин Российской Федерации имеет равный доступ к государственной службе. А так как гражданская служба является одним из видов государственной службы, то эта статья распространяет свое действие и на гражданскую службу. И поэтому из вышесказанного следует, что каждый гражданин Российской Федерации имеет равный доступ и к гражданской службе, вне зависимости от пола, расы, вероисповедания, материального и иного происхождения. Данное положение делает государственную гражданскую службу более эффективной, так как нет данных цензовых препятствий при поступлении на данную службу и в ее осуществлении.

В следующей норме, закрепленной в пункте «т» ст. 71 Конституции Российской Федерации, говорится, что в ведении Российской Федерации находится федеральная государственная служба и это означает, что официально закреплен новый вид профессиональной служебной деятельности, чего не было ранее до принятия Конституции в 1993 г. в Российской Федерации.

Положение пункта 3 статьи 97 Конституции Российской Федерации содержит запретительную норму в отношении депутатов, в которой говорится о том, что «депутаты Государственной Думы не могут находиться на государственной службе»³. Эта статья распространяется и на государственных гражданских служащих.

Другим значимым нормативно-правовым актом для эффективного функционирования гражданской службы является Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»⁴. Являясь базовым, общестатутным, рамочным законом, он устанавливает общие принципы и основные положения правового регулирования государственной службы. На его основе принимаются «видовые» федеральные законы о государственной службе, в том числе о государственной гражданской службе, военной службе, правоохранительной службе, законы субъектов Российской Федерации, в частности о государственной гражданской службе субъектов Российской Федерации.

В этом законе содержатся такие нормы, направленные на эффективность государственной гражданской службы, как классификация должностей, порядок их

¹ *О системе государственной службы Российской Федерации*: Фед. закон РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.) // Российская газета. № 104. 2003. 31 мая.

² *Конституция Российской Федерации* от 12 декабря 1993 г. (ред. от 30 декабря 2008 г.) // Российская газета. № 7. 2009. 21 января.

³ *Конституция Российской Федерации* от 12 декабря 1993 г. (ред. от 30 декабря 2008 г.). П. 3. Ст. 97 // Российская газета. № 7. 2009. 21 января.

⁴ *О системе государственной службы Российской Федерации*: Фед. закон РФ от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.) // Российская газета. № 104. 2003. 31 мая.

замещения, аттестация, профессиональная переподготовка гражданских служащих и резерв кадров гражданских служащих.

Следующим следует выделить Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»¹, который непосредственно регламентирует деятельность государственной гражданской службы.

Федеральный закон № 79 определяет принципы гражданской службы, правовое положение федерального гражданского служащего и государственного гражданского служащего субъекта Российской Федерации, классификацию должностей государственной гражданской службы и квалификационные требования к должностям гражданской службы, порядок поступления на государственную гражданскую службу и ее прохождения, основные условия труда гражданских служащих, заложен механизм урегулирования конфликта интересов на государственной гражданской службе, ряд других вопросов, связанных с государственной гражданской службой.

Федеральный закон «О государственной гражданской службе Российской Федерации» разделен на 17 глав и включает в себя 74 статьи. Из них непосредственно эффективности функционирования гражданской службы посвящены — пункт 8 статьи 47; пункт 14, 17 статьи 50; пункт 5 статьи 51, статьи 52, 53, 55, 57 и статья 66.

Так, пункт 8 статьи 47 предусматривает обязательное включение в должностной регламент гражданского служащего показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности.

В пункте 14 статьи 50 «Оплата труда гражданского служащего» говорится о том, что предусмотрена возможность применения по отдельным должностям гражданской службы «особого порядка оплаты труда гражданских служащих, при котором оплата труда производится в зависимости от показателей эффективности и результативности профессиональной служебной деятельности, определяемых в срочном контракте»². А также, что «обобщенные показатели эффективности и результативности деятельности государственных органов, принятия и исполнения управленческих и иных решений, а также правового, организационного и документационного обеспечения указанных решений, общие для государственных органов и гражданских служащих, утверждаются соответственно Президентом РФ и Правительством РФ»³.

В другой норме закона, в пункте 17 статьи 50, говорится, что «специфические показатели эффективности и результативности деятельности государственного органа, принятия и исполнения управленческих и иных решений, а также правового, организационного и документационного обеспечения исполнения указанных решений утверждаются правовым актом государственного органа в соответствии с особенностями его задач и функций»⁴.

Пункт 5 статьи 51 раскрывает специфику включения в фонд оплаты служебной деятельности гражданского служащего денежного вознаграждения государственных органов, использующих «особый порядок» оплаты служебной деятельности на основе показателей эффективности и результативности служебной деятельности.

Статьями 52, 53 предусмотрена система гарантий гражданских служащих для повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязан-

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.) // Российская газета. № 162. 2004. 31 июля.

² О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федер. закон РФ от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 2 июля 2013 г.). П. 14. Ст. 50 // Российская газета. № 162. 2004. 31 июля.

³ Там же.

⁴ Там же.

ностей. Из них можно выделить следующие: равные условия оплаты служебной деятельности, сопоставимые показатели оценки эффективности результатов профессиональной служебной деятельности, право на своевременное и в полном объеме денежное вознаграждение, условия прохождения гражданской службы, отдых, медицинское и обязательное социальное страхование с выплатами по ним, возмещение расходов, связанных с переездом и служебными командировками, защита гражданского служащего и членов его семьи, государственное пенсионное обеспечение и дополнительные гарантии.

В дополнение к системе гарантий для повышения мотивации эффективного исполнения гражданскими служащими своих должностных обязанностей статья 55 содержит целый комплекс материальных и моральных поощрений и наградений за безупречную и эффективную служебную деятельность.

Статья 66 в рамках соответствующих программ развития гражданской службы предусматривает возможность и порядок проведения в (центральных) федеральных государственных органах, аппаратах государственных органов субъектов Российской Федерации, а также для гражданских служащих в отдельном государственном органе или в его самостоятельном структурном подразделении экспериментов для совершенствования эффективности их служебной деятельности.

Немаловажную роль в повышении эффективности государственной гражданской службы играют указы и распоряжения Президента Российской Федерации.

Так, например, в указе Президента РФ № 110 «О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации»¹ в пункте 17 «Положения о проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации» установлено, что «профессиональная служебная деятельность гражданского служащего оценивается на основе определения его соответствия квалификационным требованиям по замещаемой должности гражданской службы, его участия в решении поставленных перед соответствующим подразделением (государственным органом) задач, сложности выполняемой им работы, ее эффективности и результативности»².

Указ Президента РФ № 261 «О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»³ в пункте 2 установил, что одним из основных направлений реформирования и развития системы государственной службы Российской Федерации является повышение эффективности государственной службы Российской Федерации. Помимо этого, в Паспорте утвержденной федеральной программы «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)» в задачах программы содержатся задачи, непосредственно отнесенные к эффективности государственной гражданской службы:

- 1) формирование системы мониторинга общественного мнения об эффективности государственной службы;
- 2) внедрение в практику кадровой работы государственных органов правил, в соответствии с которыми длительное, безупречное и эффективное исполнение

¹ О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110 (ред. от 19 марта 2013 г.) // Российская газета. № 20. 2005. 3 января.

² О проведении аттестации государственных гражданских служащих Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 1 февраля 2005 г. № 110 (ред. от 19 марта 2013 г.). П. 17 Положения // Российская газета. № 20. 2005. 3 января.

³ О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 (ред. от 10 августа 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 16.03.2009. № 11. Ст. 1277.

государственным служащим своих должностных обязанностей должно в обязательном порядке учитываться при назначении его на вышестоящую должность, присвоении ему воинского или специального звания, классного чина, дипломатического ранга или при поощрении¹.

Далее в главе «Основные мероприятия, предусмотренные Программой» в подпункте «а» пункта 9 одним из основных направлений, по которым предполагается осуществить комплекс мероприятий по реформированию и развитию системы государственной службы, является повышение эффективности государственной службы. При этом необходимо придерживаться следующих приоритетных направлений:

- 1) усиление мотивации государственных служащих к повышению качества государственных услуг, оказываемых государственными органами гражданам и организациям;
- 2) упорядочение и конкретизация полномочий государственных служащих, которые должны быть закреплены в должностных регламентах;
- 3) внедрение современных технологий кадровой работы, обеспечивающих результативность профессиональной служебной деятельности государственных служащих в соответствии с целями и задачами государственных органов;
- 4) разработка и применение в государственных органах современных механизмов стимулирования государственных служащих к исполнению обязанностей государственной службы на высоком профессиональном уровне;
- 5) разработка и внедрение эффективных управленческих технологий на государственной службе;
- 6) развитие системы государственных гарантий, материального и нематериального стимулирования государственных служащих, внедрение принципов оплаты труда по результатам работы².

В пункте 15 главы «Основные мероприятия, предусмотренные Программой» говорится о необходимости обеспечения надлежащих условий для эффективного функционирования государственной гражданской службы. Предлагается внедрение в сферу государственной службы современных информационных технологий управления и совершенствование системы организации профессиональной служебной деятельности государственных служащих. Также усилить стимулы к надлежащему исполнению ими должностных обязанностей, такие как повышение уровня социальной защищенности государственных служащих, совершенствование системы государственных гарантий, создание современной системы материального и нематериального стимулирования труда государственных служащих, оптимизация порядка оплаты труда на государственной службе.

Наряду с актами федерального законодательства в регулировании эффективности государственной гражданской службы значительная роль отводится и нормативным правовым актам субъектов Российской Федерации.

Рассмотрим правовую базу Санкт-Петербурга. В Санкт-Петербурге принят 21 закон, регулирующий служебные отношения на гражданской службе, только в двух законах есть нормы, определяющие эффективность служебной деятельности государственных гражданских служащих.

¹ О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 (ред. от 10 августа 2012 г.) // Собрание законодательства РФ. 16.03.2009. № 11. Ст. 1277. Паспорт.

² О федеральной программе «Реформирование и развитие системы государственной службы Российской Федерации (2009–2013 годы)»: Указ Президента РФ от 10 марта 2009 г. № 261 (ред. от 10 августа 2012 г.). П. 9. Приложения // Собрание законодательства РФ. 16.03.2009. № 11. Ст. 1277.

Так, в законе Санкт-Петербурга «О государственной гражданской службе Санкт-Петербурга»¹ в пункте 1 статьи 13-1 установлены виды поощрений и награждений за безупречную и эффективную гражданскую службу. Их четыре:

- 1) объявление благодарности с выплатой единовременного поощрения;
- 2) награждение почетной грамотой государственного органа Санкт-Петербурга с выплатой единовременного поощрения или вручением ценного подарка;
- 3) иные виды поощрения и награждения государственного органа Санкт-Петербурга;
- 4) иные виды поощрения и награждения, предусмотренные действующим законодательством Российской Федерации².

Второй закон, в котором отражены нормы, определяющие эффективность гражданской службы, следует выделить закон Санкт-Петербурга «О Программе развития государственной гражданской службы Санкт-Петербурга на 2009–2013 годы»³.

Эффективность служебной деятельности в «Программе развития государственной гражданской службы Санкт-Петербурга на 2009–2013 годы» упоминается в пп. 1, 2, 3.2 и 4.

В пункте 1 Приложения отражена существенная причина снижения эффективности государственной гражданской службы в Санкт-Петербурге — «существующая разница в размерах оплаты труда между работниками негосударственного сектора экономики и государственными гражданскими служащими, замещающими соответствующие должности»⁴.

Вследствие этой причины снижается эффективность служебной деятельности государственных гражданских служащих Санкт-Петербурга, ухудшается профессиональный и половозрастной кадровый состав государственных гражданских служащих, происходит отток ценных и профессиональных кадров в негосударственный сектор экономики.

Для решения этой проблемы Программой предложено создать достаточные механизмы развития мотивации государственных гражданских служащих к добросовестной и эффективной служебной деятельности. При этом необходим единый системный подход к разработке и внедрению элементов стимулирования государственных гражданских служащих к исполнению должностных обязанностей на высоком профессиональном уровне.

В целях развития государственной гражданской службы и повышения ее эффективности необходимо продолжить:

- 1) совершенствование процедур отбора квалифицированных кадров для государственной гражданской службы и оценки профессиональной служебной деятельности государственных гражданских служащих;
- 2) работу с кадровым резервом как основным источником обновления и пополнения кадрового состава государственной гражданской службы;
- 3) совершенствование механизмов противодействия коррупции при прохождении государственной гражданской службы;
- 4) повышение престижа государственной гражданской службы как вида профессиональной деятельности;
- 5) формирование системы управления государственной гражданской службой.

В пункте 2 закреплены основные цели Программы, одной из которой является

¹ *О государственной гражданской службе Санкт-Петербурга*: Закон Санкт-Петербурга от 30 июня 2005 г. № 399-39 (ред. от 22 мая 2013 г.) // Санкт-Петербургские ведомости. № 120. 2005. 5 июля.

² Там же. П. 1. Ст. 13–1.

³ *О Программе развития государственной гражданской службы Санкт-Петербурга на 2009–2013 годы*: Закон Санкт-Петербурга от 14 декабря 2009 г. № 577-113 (ред. от 14 декабря 2009 г.) // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. № 33. 2009. 28 декабря.

⁴ Там же. П. 1 Приложения.

повышение эффективности и результативности государственной гражданской службы. Две другие цели, такие как совершенствование организации государственной гражданской службы и развитие кадрового потенциала государственной гражданской службы, тоже необходимо учесть, так как они направлены на повышение эффективности государственной гражданской службы Санкт-Петербурга.

Немаловажным аспектом повышения эффективности государственной службы является развитие кадрового потенциала государственной гражданской службы. В пункте 3.2 Программы для реализации такого направления предполагается решение следующих задач:

- 1) создание эффективного механизма отбора кадров для государственной гражданской службы;
- 2) совершенствование системы подготовки кадров и дополнительного профессионального образования государственных гражданских служащих;
- 3) создание условий для планирования устойчивого карьерного роста государственных гражданских служащих, безупречно и эффективно исполняющих должностные обязанности, для систематического обновления и ротации кадров государственной гражданской службы.

Завершает Программу пункт 4 «Ожидаемые результаты реализации Программы», где раскрывается, какие аспекты, направленные на эффективность государственной гражданской службы, позволит охватить реализация данной Программы. Реализация Программы позволит:

- 1) совершенствовать нормативную правовую базу Санкт-Петербурга, регулирующую вопросы государственной гражданской службы;
- 2) повысить эффективность кадровой политики в системе государственной гражданской службы в целях улучшения кадрового состава государственной гражданской службы;
- 3) повысить профессиональный уровень государственных гражданских служащих;
- 4) разработать и внедрить в государственных органах механизмы стимулирования государственных гражданских служащих;
- 5) обеспечить открытость государственной гражданской службы;
- 6) реализовать мероприятия по противодействию коррупции при прохождении государственной гражданской службы¹.

Таким образом, анализ правового обеспечения государственной службы Санкт-Петербурга показал, что в основном сформирована нормативно-правовая база, определяющая эффективность служебной деятельности гражданских служащих Санкт-Петербурга.

¹ О Программе развития государственной гражданской службы Санкт-Петербурга на 2009–2013 годы: Закон Санкт-Петербурга от 14 декабря 2009 г. № 577-113 (ред. от 14 декабря 2009 г.). П. 4 Приложения // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. № 33. 2009. 28 декабря.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ, ПРИНИМАЕМЫХ К РАССМОТРЕНИЮ РЕДАКЦИЕЙ

Предлагаем Вам разместить статьи в научно-практическом журнале «Управленческое консультирование», адресованном специалистам в различных отраслях государственного управления, ученым и преподавателям.

Журнал «Управленческое консультирование» включен ВАК Минобрнауки РФ в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук. Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН. Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Издание выходит ежемесячно. Все статьи проходят научное рецензирование и реферирование.

Правила оформления статей, принимаемых к рассмотрению редакцией

В соответствии с рекомендациями ВАК редакцией устанавливаются требования к содержанию и оформлению публикуемых в нем статей.

Для публикации в журнале Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ «Управленческое консультирование» принимаются оригинальные научные материалы, соответствующие основной направленности издания, преимущественно связанной с исследованием процессов управления социально-экономическими и политическими системами, актуальных проблем государственного и муниципального управления, экономики, общества и реформ.

Требования к направляемым в редакцию материалам

1. Автор представляет в редакцию:
 - ♦ распечатанный экземпляр статьи, подписанный автором, а также электронную версию статьи в формате Microsoft Word. Бумажный вариант должен полностью соответствовать электронному; в конце текста автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником, материал не содержит сведений ограниченного распространения»
 - ♦ две рецензии — внешнюю и внутреннюю, заверенные печатью.
2. Все представленные статьи проходят научную экспертизу. В случае если по результатам экспертной оценки получена отрицательная рецензия (статья рекомендуется к доработке или отклоняется от опубликования), автору направляется аргументированный отказ или рекомендации по доработке.
3. Рецензии хранятся в архиве редакции в течение одного календарного года с момента их представления и могут быть представлены по запросу авторов и ВАК Министерства образования и науки РФ.
4. Плата с аспирантов за публикацию рукописей статей не взимается.

Требования к оформлению материалов

1. Каждая статья должна быть сопровождается:
 - **сведениями об авторах** (на русском и английском языках), которые указываются в первой подстрочной ссылке — сноске (для нее следует использовать символ *) и включают в себя фамилию, имя, отчество полностью; ученую степень; ученое звание; место работы; должность; адрес электронной почты. После указания места работы в скобках указывается город;
 - ◆ **кратким рефератом на русском и английском языках**, раскрывающим основное содержание статьи (≈ 200–300 слов);
 - ◆ **ключевыми словами на русском и английском языках.**
2. Технические требования к материалу:
 - поля — 2,5 см везде;
 - ◆ номера страниц — внизу страницы, выравнивание — справа, номер на первой странице не указывается;
 - ◆ шрифт — Times New Roman;
 - ◆ аннотации, ключевые слова — 12 кегль, междустрочный интервал — 1;
 - ◆ основной текст — 14 кегль, междустрочный интервал — 1,5;
 - ◆ ссылки — затекстовые (вынесенные за текст документа и оформленные как список использованной литературы **в алфавитном порядке**), 12 кегль, межстрочный интервал — 1. **Ссылки на электронные ресурсы, правовые и законодательные акты, архивные материалы и газетные статьи даются постранично (в сносках) и не выносятся в список литературы, размещенный в конце статьи!**
3. Порядок расположения материалов:
 - ◆ инициалы и фамилия автора (-ов). Расположение — по центру, кегль — 12. Ссылка на сведения об авторе (-ах);
 - ◆ название статьи (на русском и английском языках). Расположение — по центру, кегль — 14, полужирный шрифт;
 - ◆ краткий реферат на русском языке;
 - ◆ краткий реферат на английском языке (идентичный реферату на русском языке);
 - ◆ ключевые слова на русском языке;
 - ◆ ключевые слова на английском языке;
 - ◆ основной текст статьи.
4. Требования к оформлению:
 - ◆ абзацный отступ — 1,25 (меню «Формат» → «Абзац». Табулятор «Tab» не используется);
 - ◆ расстановка переносов не применяется;
 - ◆ все примечания, в том числе сведения об авторе, оформляются как подстрочные ссылки, или сноски, вынесенные из текста вниз полосы документа;
 - ◆ все лишние пробелы убираются, между словами должен быть только один пробел; знаки препинания (за исключением тире) ставятся сразу же за предваряющим его словом без пробела;
 - ◆ выделения внутри текста набираются только курсивом (подчеркивания, слова, набранные прописными буквами, полужирным кеглем, не допускаются);
 - ◆ нумерованный список пунктов дается в обычном порядке (1, 2, 3 и т. д.), причем каждый пункт начинается с нового абзаца;
 - ◆ маркированный список пунктов оформляется только с помощью тире.
5. Оформление ссылок (**ВАЖНО!!!**):
 - ◆ ссылки оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 (требования к кратким затекстовым ссылкам);
 - ◆ краткая затекстовая ссылка содержит следующие элементы: фамилия и инициалы автора (курсив) издания, основное заглавие, сведения об издании, место

издания, издательство (если название издательства отсутствует хотя бы в одной публикации, то необходимо опустить названия издательств в других публикациях, либо указать название издательства во всех ссылках, т. е. привести к единообразию), год издания, сведения о местоположении объекта ссылки (если ссылка на часть документа), обозначение и порядковый номер тома или выпуска, физическая характеристика (количество страниц либо конкретные страницы). Области библиографического описания разделяются точкой;

- ◆ для связи с текстом порядковый номер библиографической записи в затекстовой ссылке указывают в отсылке, которую приводят в квадратных скобках в строку с текстом. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент текста, в отсылке указывают порядковый номер источника и диапазон страниц, на которых помещен объект ссылки. Сведения разделяют запятой. Если отсылка содержит сведения о нескольких затекстовых ссылках, группы сведений разделяют знаком точка с запятой;
- ◆ список литературы в конце статьи дается **в алфавитном порядке**.

Материалы могут содержать таблицы и черно-белые схемы, выполненные в редакторе Word (for Windows). Применение объектов Word Art в схемах не рекомендуется. Все рисунки, диаграммы и схемы, включенные в текст статьи в электронной версии, должны быть представлены также отдельными файлами в форматах *.tiff или *.jpg.

Примеры оформления материалов

1. Сведения об авторе

Иванов Иван Иванович
Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Заведующий кафедрой
Доктор философских наук, профессор.
E-mail:
Телефон:

2. Краткие затекстовые ссылки

В тексте:

«А. В. Виленский называет его «своего рода „золотым легионом“ постиндустриального общества» [7, с. 625].

В затекстовой ссылке:

7. Россия в глобализирующемся мире: Политико-экономические очерки / отв. ред. Д. С. Львов. М.: Наука, 2004.

3. Краткое библиографическое описание в затекстовых ссылках

- ◆ *Монографии:*
Филиппов Г. Г. Роль организации в механизме политической власти. СПб.: Изд-во СЗАГС, 2008.
- ◆ *Статьи в научных сборниках:*
Липсет С. Политическая социология // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. М.: Прогресс, 1972.
- ◆ *Публикации в многотомных изданиях:*
Ирвинг В. Собр. соч. В 5 т. / пер. с англ. М.: ТЕРРА, 2002–2003. Т. 1.
Карамзин Н. М. История государства Российского: В 12 т. М.: Мир книги, 2003. Т. 7.
- ◆ *Статьи в научных журналах:*
1. Кириленко В. П., Дронов Р. В. О современных методах нейтрализации коррупционных процессов // Государственная служба: Вестник Координаци-

онного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 46–53.
2. Шамахов В.А. К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 6–15.

♦ *Статьи в газетах:*

Федорова Е. Бюджет развития // Литературная газета. 2003. 2–8 апреля. С. 22.

♦ *Правовые акты:*

О науке и государственной научно-технической политике: федеральный закон Рос. Федерации от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 45. Ст. 3274.

О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4. С. 5–9.

♦ *Архивные документы* (при первой ссылке указывается полное наименование архива, далее допускается его сокращенное название):

Записки князя Голицына // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 293-об. Л. 73.

Извлечение из донесений генерал-майора Желтухина об осмотре Казанского университета // РГИА. Ф. 735. Оп. 10. Ед. хр. 33. Л. 5.

♦ *Электронные ресурсы оформляются следующим образом:*

1. Манойло А. В. Объекты и субъекты информационного противоборства: [Электронный ресурс] // ПСИ-ФАКТОР: Сайт информационного ресурсного центра по научной и практической психологии. Библиотека. Информационная война. Информационное противоборство. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar24.htm> (дата обращения: 23.02.2013).

2. Образ врага. Все об «Аль-Каеде»: [Электронный ресурс] // VIP. Lenta.Ru: издание Rambler Media Group. 2004. 23 июня. URL: <http://vip.lenta.ru/doc/2004/06/23/alqaeda/> (дата обращения: 20.09.2012).

Ссылки на таблицы и рисунки приводятся внутри текста: (табл. 2). Каждую таблицу и рисунок следует снабжать порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь заголовки.

2014. № 2 (62)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит ежемесячно

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Л. И. ПОЛЯХ

Заведующий отделом научной периодики
Е. В. АНТОНОВА

Ведущий специалист отдела научной периодики
И. К. ХАНУХОВА

Научные редакторы

д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН

д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

д. э. н., профессор Л. С. САВЧЕНКО

Сдано в набор 14.02.2014 г.

Подписано к печати 29.02.2014.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 16,61. Тираж 650 экз.

Заказ № 2/14.

Аннотации статей и перевод
на английский язык В. В. ПОЛЯХ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректор Н. Б. НЕНАХОВА
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Индекс по Объединенному каталогу «Пресса России» 82909, по каталогу
Агентства «Роспечать» «Газеты. Журналы» 70107

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления – филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8 линия В.О., д. 61

Тел. (812) 335-94-97